

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Б.И. Фоминых

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА

Часть II

Москва
2013

ББК 81.2Рус
Ф76

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина*

Рецензенты:
доктор филологических наук, проф. *В.И. Аннушкин*
доктор филологических наук, проф. *В.Н. Денисенко*

Фоминых Б.И.

Ф76 Современный русский язык: синтаксис сложного предложения: Учебное пособие для бакалавриата. Часть II. – М., 2013. – 124 с.

ISBN 978-5-98269-112-5

В учебном пособии на основе функционально-семантического полевого подхода предложена типология бессоюзного сложного предложения, дана характеристика полипредикативных сложных предложений, рассмотрены синтаксис текста, чужая речь и принципы русской пунктуации.

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-98269-112-5

© Фоминых Б.И., 2013.
© Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, 2013.

I. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Союзы – не что иное... как средство, которым идеи соединяются. И так, подобны они гвоздям или клею, которым соединяются части... машины сплочены или склеены бывают. И как те машины, в которых меньше клея и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нём союзов меньше. Однако не должно в нём оставлять таких щелей, по которым оно могло вовсе развалиться.

М.В. Ломоносов

1.0. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕССОЮЗНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Иллюстрацией к эпиграфу может служить текст А.С. Пушкина, в котором представлено единство бессоюзных сложных предложений (БСП), они «не разваливаются» и могут обходиться без союзов («без гвоздя и клею»), потому что другие средства «не оставят щелей» и сохраняют их целостность:

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,*

*Ложился на поля туман,
Гусей крикливый караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.*

Видение мира автором, способности языковой личности обуславливают формирование конкретного предложения как синтаксической единицы, особенности его построения, синтаксические связи в речевом потоке, в структуре текста.

Неодинаковые типы предложений формируются под влиянием коммуникативной целеустановки, особенностей мышления языковой личности, условий речевого акта – в соответствии с этим и возможно бытие БСП, предикативные части которых объединяются по смыслу и интонационно, без помощи союзов и союзных слов: *Смягчается времён суровость, Теряют новизну слова* (Б. Пастернак); *Ель хороша только при сильном солнечном свете: тогда обычная чернота просвечивает самой густой, самой сильной зеленью* (М. Пришвин); *Утро вечера мудренее – трава соломы зеленее; Глаза золотом запорошат – ничего не увидишь* (В. Даль).

Отсутствие формальных средств связи на фоне развитой системы союзов, когда употребление их сознательно сокращается и заменяется другими средствами языка, в особенности приёмами тонирования, является чертой стиля утончённого, обработанного в сторону разговорной лёгкости. Тонирование в разговорной речи играет гораздо большую роль, нежели в речи письменной: роль логических скреп берут на себя не моменты специфически интеллектуальные (союзы), а эмоционально-интеллектуальные (ритмо-мелодические признаки), что даёт разговорной речи большую психологическую окрашенность, некоторый налёт своеобразной интимности, специальную сжатость. Она предполагает со стороны читающего способность схватывать мысли быстрее, связывать звенья их по даваемым интонацией намёкам, а не по прямо указанным логическим отношениям.

Бессоюзные предложения употребляются в разговорной речи и, следовательно, в языке художественных произведений. Однако они широко вовлекаются и в другие стили: в публицистический, частично – в научный.

Категориальное значение в БСП не маркируется союзными средствами, что делает решение вопроса о показателях структурно-семантического единства данных синтаксических единиц и их сути в целом важнейшей проблемой.

В истории изучения БСП наиболее распространены три решения вопроса о бессоюзном целом:

1. БСП не есть особый тип СП, так как семантически почти любое бессоюзное может быть квалифицировано либо как ССП, либо как СПП (А.М. Пешковский, А.Н. Гвоздев).

2. БСП образует особый тип СП, противопоставленный ССП и СПП формально и семантически: оно лишено специализированных средств выражения синтаксических отношений и поэтому потенциально многозначно, что также является его специфическим свойством (Н.С. Поспелов, В.А. Белошапкина, С.Г. Ильенко).

3. БСП рассматривается как текст, состоящий из двух или более предложений (Русская грамматика 1980).

Ответ на первый, основной вопрос – существует ли БСП как самостоятельная синтаксическая единица – строится либо на функционально-семантическом анализе соответствующих структур, либо на учёте их синонимических отношений с другими конструкциями, либо же на выявлении формально-семантической и смысловыразительной (многозначность) специфики БСП.

Однако провести параллель в чисто семантическом плане между бессоюзным построением и каждым из союзных построений было бы возможно, если бы существовал параллелизм в семантике сочинения и соответствующих бессоюзных конструкций, с одной стороны, и подчинения и соответствующих бессоюзных конструкций – с другой. Предположительно такая параллель подтверждается возможностью вставки между предикативными частями соответственно сочинительного или подчинительного союза. Ср.: *Медлительной чередой исходит день осенний, Медлительно кружится жёлтый лист* (А. Блок) – ...*исходит день осенний, и... кружится жёлтый лист; Под этими липами Пушкин грустил, На этой скамеечке сживал Гоголь* (Д. Кедрин) – ...*Пушкин грустил, и/а... сживал Гоголь; Скучно тебе жить – займись чем-нибудь другим* (М. Горький) – *Если скучно... – займись...*

Но параллелизма не существует, потому что отсутствие средств связи обуславливает несомненное своеобразие смысловых отношений между частями БСП: они нередко характеризуются многозначностью, диффузностью (лат. *diffusio* – растекание, смешение) семантики, зыбкостью границ между различными значениями: *Лес рубят – щепки летят* – перечисление ситуаций; *Лес рубят – щепки летят* – синкретизм временного, условного, причинного и следственного значений.

Большинство БСП богаче смысловыми значениями, чем ССП и СПП, чаще имеющие одно значение, закреплённое союзом. Недифференцированность смысловых взаимоотношений определяется потребностями языка выразить сложную семантику меньшим количеством языковых средств. Отсутствие в БСП материально выраженных скреп предикативных частей также позволяет судить о многозначности бессоюзных построений, лаконичности форм и их выразительности. Известно, что более выразительная форма речи активнее воздействует на чувства, волю человека, и поэтому БСП свойственны эмоциональная напряжённость и динамичность: живость, лёгкость, простота, изящество, экспрессия. Такие предложения более отвечают психологическим условиям

эмоционально-волевого общения, в то время как союзная связь служит преимущественно для выражения логически точного мышления.

Отметим также и то, что существуют БСП, в которых вообще невозможно употребление союзов без изменения модели предложения. Такие СП включают предикативные структуры, «приспособленные» друг для друга не только содержательно, но и структурно; они стабилизированы в семантическом отношении, выражая 1) пояснительно-конкретизирующее, 2) пояснительно-усилительное и 3) созерцательно-результативное значения:

1) *Нос был странный: он не стоял посреди лица, а как бы прилёг на щёки* (В. Токарева); *Я красива – вот моё несчастье* (М. Горький);

2) *Я не увидел их более – я не увидел Аси* (И. Тургенев); *Всё цвело и благоухало, всё хотело жить полной жизнью* (Н. Тихонов);

3) *Я посмотрел на часы – ждать ещё двадцать минут* (М. Веллер); *Прислушался: погони нет* (М. Лермонтов).

Несоотносительны со сложными союзными предложениями БСП, первая часть которых имеет структурную схему N1: *Нелепая, неправдоподобная весть: Алексей Александрович умер!* (И. Бунин); *Отсюда вывод: никогда не упускайте из виду далёких горизонтов* (К. Паустовский).

Таким образом, БСП – это самостоятельный структурно-семантический тип СП, не отождествляемый со ССП и СПП, но при изучении методически сопоставляемый с ними.

Конечно, важным синтаксическим средством, формирующим БСП как особую синтаксическую единицу, является интонация. Она соединяет предикативные части в одно сложное предложение и является синтаксическим сигналом с такой функцией: найди смысловые отношения между предикативными частями в их содержании, т.е. интонация вторична по отношению к тем значениям, которые формируются лексикой, заполняющей данные синтаксические структуры.

Синтаксическое значение БСП определяется прежде всего лексическим наполнением предикативных частей и особенностями их семантики, отсюда большая по сравнению с другими классами СП степень диффузности их значения. Конкретизация значений и достигается при помощи интонации как коммуникативного уровня языка и дополнительных средств связи.

В «Русской грамматике» 1980 данные конструкции рассматриваются в тексте как «сочетания», «соединения» предложений, то есть БСП выведены за пределы СП, что представляется недос-

таточно обоснованным в лингвистическом плане и нецелесообразным в методическом. В то же время нельзя не отметить, что само описание бессоюзных сочетаний сделано весьма тщательно и с учётом их взаимоотношений со СП.

Действительно, предложения в связном тексте употребляются не изолированно. Функционируя как единицы текста, отдельные предложения соединяются друг с другом не только по смыслу, но и грамматически. Образуются новые по сравнению со СП единицы – единицы текста: сверхфразовые единства.

Сложные предложения, относящиеся к высшему (синтаксическому) уровню языка как полипредикативные единицы, оказываются наиболее близкими к тексту – последовательно связанным по смыслу предложениям. Как и текст, СП состоит из предикативных единиц, но в отличие от текста отношения между частями активизированы (с целью создания синтаксического значения), семантически квалифицированы и грамматически оформлены.

Основные средства связи предложений в тексте и предикативных частей в БСП совпадают. Однако предложение есть единство формального, семантического и коммуникативного, что в целом представляет собой выражение единой мысли, и поэтому граница предложения есть граница мысли. Отрывать коммуникативное от формального в предложении нельзя, иначе будет нарушена одна из основных функций – коммуникативная.

Рассмотрим БСП, между частями которого можно было бы, не влияя на смысл всего предложения, поставить точки: *На тёмно-сером небе где-то мигают звёзды; влажный ветерок изредка набегает лёгкой волной; слышится неясный шёпот ночи; деревья слабо шумят, облитые тенью* (И. Тургенев).

Автор выбирает форму БСП, а не сочетание отдельных предложений в тексте, вероятно, потому, что писатель создаёт единую картину, отражая её одним движением мысли. Художественный образ един именно единством авторской мысли. Если мысль «расчленишь» (оформить эти части как отдельные предложения), то и образ «распадётся», будет мозаика, а не цельная художественная картина.

Используя БСП, говорящий «оперирует» лишь отдельными конкретными представлениями, пропозициями, не уточняя логико-синтаксических связей между ними. И поэтому БСП, оставаясь принадлежностью естественного звучащего языка, в то же время как бы «обнажают» язык мысли. Говорящий не эксплицирует то значение, которое имеется в виду в данной конкретной речевой ситуации, он только указывает на смысловое взаимодействие между двумя предикативными единицами, которое состав-

ляет основу имплицитно существующего в БСП типового синтаксического значения.

В приведённом примере такое «указание» обнаруживается в лексико-семантическом наполнении частей; все ключевые слова относятся к одному ассоциативно-семантическому полю «Описание ночи» и, дополняя друг друга, обуславливают следование предикативных частей в БСП.

Соглашаясь с Н.С. Поспеловым, можно констатировать, что «бессоюзное предложение выступает в речи прежде всего как законченная синтаксическая единица сообщения, в которой отражается сложная мысль говорящего, выражающая взаимоотношения предметов и явлений действительности. Поэтому отдельные предложения, входя в состав формирующегося из них БСП, теряют свою коммуникативную самостоятельность» (Поспелов 1950, с. 343).

Следовательно, отдельное БСП в отличие от сочетаний предложений в тексте представляет собой единую формально-семантическую структуру с единым коммуникативным назначением, которое в речи оформляется интонацией, а на письме соответствующей пунктуацией.

Итак, БСП – это особый грамматический класс СП, в котором с помощью интонации и других средств в одно целое объединяются две (или более) предикативные части, чтобы активизировать имплицитные смысловые отношения, заложенные в содержании этих частей.

Дифференциальными признаками БСП являются:

- отсутствие союзных средств связи (союзов и союзных слов);
- недифференцированная синтаксическая связь;
- диффузность, многозначность значения.

1.1. СРЕДСТВА СВЯЗИ ПРЕДИКАТИВНЫХ ЧАСТЕЙ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Отсутствие союзов и союзных слов как наиболее действенных и очевидных маркеров связи между предикативными частями БСП заставляет обратить внимание на другие, менее обобщённые в грамматическом отношении средства выражения связи, которые обеспечивают единство бессоюзного построения: **интонацию, порядок следования частей, соотношение видовременных форм глаголов-сказуемых, наличие типизированной лексемы, незамещённой синтаксической позиции, общего члена предложения, синтаксический параллелизм.**

Интонация соединяет предикативные части в одно сложное предложение, она характерна в целом и для БСП; к тому же она является синтаксическим сигналом с такой функцией: найди смысловые отношения между предикативными частями в их содержании. Естественно, что воспользоваться семантико-синтаксической структурой БСП можно только тогда, когда содержание предикативных частей позволяет обнаружить те или иные смысловые отношения между ними.

В зависимости от активизации смысловых отношений характер интонации может быть разным, что на письме передаётся соответствующими знаками препинания. Сравните такой ряд предложений: *На дворе зной. Дома прохладно;* *На дворе зной, дома прохладно;* *На дворе зной; дома прохладно;* *На дворе зной – дома прохладно.* Данный ряд показывает разную степень активации смысловых отношений между предикативными частями: она является нулевой при точке, слабой при точке с запятой, средней при запятой и сильной при тире. За каждым знаком стоит особое интонирование: при точке имеют место два предложения, то есть две конструкции с интонацией завершенности; при запятой (точке с запятой) чаще всего имеет место интонация незавершенности, хотя и не ярко выраженная; при тире или двоеточии – яркая интонационная незавершенность.

Среди семи типов интонационных конструкций (ИК) в современном русском языке, выделенных Е.А. Брызгуновой, в БСП особое значение имеют два типа ИК: ИК-1, оформляющая синтаксическую завершенность предложения (*Льёт море, гудит город, сверкает солнце* (М. Горький)), и ИК-3, которая является психологическим сигналом семантико-синтаксической незавершенности последней предикативной части и позволяет нацелить слушателя-читателя на поиск смысловых отношений между предикативными частями (*Есть изречение: смерть каждого человека на него самого похожа* (А. Куприн)).

Помимо ИК-1 и ИК-3 для бессоюзных конструкций важен интонационный разрыв (пауза). В письменном тексте величина паузы определяется характером знака препинания на границе между частями. ИК-3 обозначается обычно такими сильными знаками интонационной несамостоятельности, как двоеточие и тире (*Грибы большие оригиналы: они шляпы носят на ножках; Закуковала кукушка – сей рожь*). Запятая и точка с запятой, как было отмечено, с меньшей силой обозначают интонационную незавершенность последней части БСП.

Показателем конструктивной целостности БСП выступает также **фразовое ударение**, участвующее в выражении актуального

членения; оно, акцентируя определённые лексемы, даёт то актуальное членение, которое из равновесных семантических отношений выбирает нужное в данных ситуативных условиях: *Я читал залпом: мне хотелось понять жизнь* (М. Горький) – позицию ремы занимает вторая предикативность часть, содержащая фразовое ударение – *понять жизнь*.

Таким образом, БСП являются интонационно связанными предложениями, семантические отношения между предикативными частями которых позволяют «вскрыть» содержание бессоюзия и его правильное интонирование. Более полное описание интонации БС см. в кн.: Русская грамматика: В 2 т. – М., 1980. – Т. II. – С. 650–656.

Порядок следования частей только при опоре на лексико-семантическое их наполнение, на их интонационный рисунок принимает участие в выявлении и установлении семантических отношений между частями БСП. Установить логику связи явлений в БСП *Подул северный ветер – стало холодно* можно исходя из лексико-семантического наполнения частей: для носителей языка существует прямая причинно-следственная зависимость между компонентами *ветер* – (поэтому) *холодно*, и, напротив, обратная зависимость компонентов *холодно* – (оттого что) *ветер*.

Такова же роль порядка частей в БСП *Не уговаривайте меня: всё решено* (Ф. Достоевский) – причинные отношения; условные отношения: *Дом разбирать – надо полмесяца возиться* (В. Шукшин); определительно-пояснительные отношения: *Дам я тебе грамоту к купцу Сафьяникову, мукой на Москве торгует* (Д. Мережковский); пояснительные отношения: *Процесс этот очень прост: он состоит в распадении клетки надвое* (К. Тимирязев); последовательные отношения: *Лошади тронулись, колокольчик зазвенел, кибитка полетела* (А. Пушкин).

Корреляция (соотнесённость) **видовременных** форм глаголов-сказуемых и модальных планов предикативных частей способствует выражению временных отношений: *Ветер трепал и рвал деревья, дожди поливали их с утра до ночи* (И. Бунин); *Улица кончилась – началось поле* (Ю. Яковлев). Условные отношения в БСП, имеющих, например, модальный план настоящего неактуального времени, представленный глаголами несовершенного вида: *Повар имеется – отпускаю* (В. Кожевников); *Назад плывёт – откупаются* (А. Толстой).

На фоне широкого спектра лексических единиц в составе БСП можно выделить лексемы определённой типовой семантики – **типизированные лексемы**, которые всегда семантически наполнены и предполагают не только развитие дальнейшей информации,

но и соответствующий способ оперирования ею в определённой речевой ситуации.

Это могут быть **опорные слова** с прогнозирующей функцией: *Каждый срок несёт свои приметы: на совсем недавнем рубеже Недооценённые поэты Нынче перехвалены уже* (К. Ваншенкин); **катафорические** местоименные слова в первой части: *А факты такие: уже за пятьдесят* (Ю. Трифонов); **анафорические** местоименные слова во второй части, замещающие содержание первой части или её элементы: *Она была молода и красива – это видно по фотографии* (В. Войнович); **лексические средства связи** (синонимы, антонимы, слова одной лексико-семантической или тематической группы): *Катятся ядра, свищут пули, нависли холодные штыки* (А. Пушкин); *Собака лает, соловей молчит* (пословица); *Не ищи красоты – ищи доброты* (пословица).

В роли единиц с **незамещённой синтаксической позицией** выступают лексемы со значением речи, интеллектуального и чувственного восприятия: *Я спросил: что значит этот амулет* (В. Шкловский); *А ты ему передай: пусть подумает о своём поведении* (Л. Улицкая) – источником восполнения незамещённой синтаксической позиции становится вторая часть, которая в отличие от придаточной части соотносительных с БСП СПП с изъяснительными отношениями представляет собой более свободное построение.

Незамещённая позиция обусловлена контекстом: *Мужчина слушает ушами, женщина – глазами* (В. Ключевский). В эллиптических БСП, несмотря на отсутствие одного из звеньев в цепи восприятия (а именно глагола с валентнойемой), взаимосвязь частей осуществляется через контекстно-семантическую неопределённость второй части, компенсирующей эллиптированный глагол: *Гляжу на них: высокую веру проповедуют* (Б. Бабкин) – в первой части отсутствуют *вижу* и *понимаю*; *Её живые, внимательные глаза вдруг вспыхивают: неужели он не придёт* (Л. Улицкая) – пропущена пропозиция *я думаю* (*я спрашиваю, я задаю вопрос*).

Общий член в составе бессоюзных построений выполняет функцию детерминанта: *Из-за кризиса снижен уровень занятости, сдвинуты экономические показатели* (из газет); *У Пелагеи лицо делалось неподвижным, зрачки расширялись, полные губы приоткрывались* (Б. Акунин); *Каждый день слышался грохот упавшей мебели, звенела разбитая посуда* (А. Волос).

Последующие части могут быть ориентированы и на какой-нибудь компонент общей предикативной единицы: подлежащее, второстепенный член: *Именинника поздравили все: жена подарила*

что-то для машины, сынишка преподнёс собственное творчество (М. Палей); *Мы ехали спокойно: двигатель гудел, «уазик» потряхивало, взгляд скользил по ленте шоссе* (А. Волос).

Синтаксический параллелизм при поддержке соответствующей интонации «цементирует» БСП с отношениями перечисления и построения с сопоставительно-противительными отношениями, усиливая их логическую последовательность или противопоставленность событий, что поддерживается семантическими элементами: повторами и словами-антонимами. Например: *Начинается лето – начинаются огороды* (из газет); *Мысль пробирается вглубь, мысль нащупывает фигуры в темноте далёких времён* (В. Маканин); *Она много раз перечитывала письмо, она хотела вычитать правду* (И. Грекова); *Ввысь взлетел сокол – жмётся уж к земле* (М. Горький); *Вы назначены на племя, Я назначен на убой* (Д. Давыдов).

Приём повтора способствует акцентированию коммуникативно значимых элементов предложения, выявлению «общей идеи» предложения, повтор подчёркивает ритмичное звучание синтаксически параллельных частей, участвует в выражении эмоционально-экспрессивной окраски СП.

Наличие слов-антонимов при «зеркальном» строении второй части позволяет представить части БСП как взаимообусловленные, взаимозависимые. Нередко автор текста намеренно совмещает слова разных тематических групп, не являющиеся антонимами, но в условиях структурной аналогии частей воспринимающиеся как противоположные по значению. Такого рода сопоставление создаёт иронию: *А теперь Олег у Ирочки, Вершинин у бизнеса* (Т. Устинова).

Рассмотренные средства связи предикативных частей и соответственно реализации отношений между ними в БСП отчасти характерны и для союзных СП, хотя по сравнению с ними носят не столь регулярный характер. Некоторые из них закреплены за определёнными бессоюзными построениями и типизируют их структуру, другие характерны для бессоюзных предложений разных типов.

Ведущим же средством связи предикативных частей в БСП служит само лексическое наполнение бессоюзной конструкции, прежде всего комплексы лексических единиц, которые объединены общими семами и определяют семантическую соотнесённость частей.

Таким образом, комбинации видовременных и модальных форм глаголов-сказуемых, порядок следования частей, общие компоненты, синтаксический параллелизм, лексические элементы –

корреляты, частицы и различные виды повтора с соответствующей интонацией выступают показателями структурно-семантического единства БСП. Кроме грамматической функции названные средства часто выполняют стилистическую роль, придают эмоционально-экспрессивную и оценочную окраску высказыванию, маркируя конструкцию как синтаксическую единицу разговорного стиля.

2.0. КЛАССИФИКАЦИЯ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В истории отечественного синтаксиса классификация БСП проводилась на разных основаниях. Так, С.О. Карцевский (2000, с. 125) предлагал строить классификацию БСП, основываясь на декларированном, но не раскрытом автором формальном принципе. Им выделяются три их типа: 1) открытая структура, где «второе предложение просто присоединяется к первому, уже оформленному в виде фразы», – структура с ««ослабленной связью» (*Стоит изба – плетнём огорожена*); 2) закрытая структура, когда «второй акт предикации является предусмотренным, о нём известно в первом», когда «структурная схема целого осознаётся говорящим субъектом прежде, чем он начал говорить» (*Будет хорошая погода – пойдём гулять*); 3) структура, нейтральная с точки зрения последовательности частей (главным образом конструкции с прямой речью).

Эта классификация не получила распространения в научной и учебной литературе, потому что носит слишком общий характер и в конечном счёте основывается на семантике.

В последующем признание получила классификация Н.С. Поспелова (1950, с. 338), разделившего бессоюзные предложения на две группы: «бессоюзные предложения однородного состава и бессоюзные предложения неоднородного состава». Первые из них представляют «сочетания однородных по синтаксическому значению предложений, потерявших свою коммуникативную самостоятельность как отдельные единицы сообщения и объединённых без союзов цельностью выражаемой в них сложной мысли и единством присущего им синтаксического значения однородности, т.е. одинакового отношения к тому целому, которое они выражают».

А вторые «выражают ту или иную зависимость друг от друга составляющих их предложений: обусловленность последующего предшествующим, обоснование последующего предшествующим

или раскрытие в последующем какого-либо предшествующего содержания».

Такое деление не диктуется структурными или семантическими особенностями самих бессоюзных предложений. Оно, по существу, представляет собой попытку распространить на бессоюзие некоторые признаки сочинения и подчинения.

В некоторых работах делается попытка классифицировать бессоюзные предложения по интонационным признакам (Ильенко 2009), однако интонация не является автономным грамматическим средством выражения синтаксических отношений, в русском языке она выступает как побочное, неосновное средство (Пешковский 1959, с. 191).

Традиционалистски ориентированные синтаксисты предлагают строить классификацию БСП на их смысловой соотносительности / несоотносительности со сложноподчинёнными и сложносочинёнными предложениями. Однако это вело бы к отказу от основных принципов и постулатов синтаксического анализа: всякая функция интересует синтаксис лишь постольку, поскольку она оказывается связанной с определённой формой. Синтаксическая синонимика уже предполагает наличие известного ряда синтаксических форм, объединённых близостью функций, поэтому она не может лечь в основу разграничения типов синтаксических единиц.

В «Русской грамматике» (1980) на семантической основе выделяются две основные группы отношений: в первой группе обнаруживается двустороннее соотношение частей (*Воды жалеть – каши не сварить*), а во второй выявляются односторонние соотношения частей (*Не спи, казак: во тьме ночной чеченец ходит за рекой* (А. Пушкин)). Деление всех БСП на две указанные группы в известной степени соответствует делению на предложения с однотипными составными частями (первая группа) и с неоднотипными составными частями (вторая группа).

Таким образом, в специальной литературе нет единых принципов классификации БСП, но ни одна не претендует на полноту, базируясь на учёте, как правило, какой-либо одной стороны проблемы: либо интонации, либо семантики, либо синонимичности союзным конструкциям. Вместе с тем, несмотря на разнообразие терминологических обозначений и стремление исследователей распределить языковые явления по группам на основе по-разному трактуемых объективных критериев, реально все они в конечном счёте связаны со структурой и семантикой. Это и естественно: описать синтаксическую систему в отрыве от семантики невозможно. Задача состоит в том, чтобы сочетать семантическое опи-

сание с формальным, материально-грамматическим. На таком понимании и строится дальнейшее описание БСП, позволяющее разграничить их на предложения **открытой** и **закрытой** структуры.

Таким образом, в первую очередь устанавливаются формальные (лексико-грамматические или интонационные) признаки БСП; далее указываются значения, которые могут быть выражены при одних и тех же формальных признаках одного и того же формального типа. И уже на следующем этапе, в рамках семантических разновидностей рассматриваются свойственные им более частные особенности: лексическое наполнение, особенности соотношения видовременных глагольных форм, специфические схемы частей.

2.1. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ

Дифференциальные признаки БСП открытой структуры:

– однородность состава предикативных частей, проявляющаяся в одинаковом отношении одной части к другой: *Хорошо на озере! Весело горит яркий огонёк; начинает припекать горячее солнце; глазам больно смотреть на сверкающую даль чудного озера* (Д. Мамин-Сибиряк);

– смысловое и грамматическое равноправие частей; показатели однородности состава БСП те же, что и ССП;

– семантическая соотнесённость лексем в предикативных частях: *Сытался неуёмный осенний дождь, ныл ветер, шумели деревья* (М. Горький);

– одинаковая грамматическая оформленность предикативных частей, общность их временных планов: *Закат уже начал темнеть, кое-где зажглись первые звёзды, на смену усталому дню торжественно спустилась ночь* (В. Арсеньев);

– перечислительные отношения между предикативными частями: *Мальчик шёл, сова летела, Крыша ехала домой, Эта крыша не хотела Спать на улице зимой* (Ю. Мориц);

– наличие перечислительной интонации, для которой характерно одинаковое интонационное оформление входящих в состав предложений предикативных частей: *Опускалось солнце далеко за садом, наступал вечер, куковала кукушка в лесу, жалобно звенела где-то над лучами жалеика старика-пастуха* (И. Бунин) – предупредительная интонация: повышается в конце каждой предыдущей части и начале последующей с очень краткими паузами между ними, что заставляет ожидать продолжения речи.

БСП открытой (и гибкой) структуры, как правило, представляют собой многочисленные конструкции: *Октябрь уж наступил – уж роща отряхает Последние листья с нагих своих ветвей; Дохнул осенний хлад – дорога промерзает...* (А. Пушкин).

Содержание предикативных частей в СП, в которых даётся описание природы, окружающей обстановки, внешности или душевного состояния человека, как правило, носит однородный характер, обычно они объединены одной общей идеей. Общая идея предполагает одинаковую соотнесённость предикативных частей с неким общим семантическим инвариантом (общей пропозицией). Так, в пушкинских строках даётся картина осени, что нашло равнозначное отражение во всех компонентах, а далее поэт говорит о своём состоянии: *...Теперь моя пора: я не люблю весны; Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен; Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены...*

В таких предложениях наиболее полно проявляется основной грамматический признак открытых структур – их возможное неограниченное продолжение при сохранении единого грамматического значения.

Общая идея, общее положение дел часто представлены отдельным предложением, которое может предшествовать БСП или следовать за ним: *Петербург неугомонный Уж барабаном пробуждён. Встаёт купец, идёт разносчик, На биржу тянется извозчик, С кувшином охтенка спешит, Под ней упругий снег хрустит. Проснулся утра шум приятный* (А. Пушкин).

Предложения открытой структуры с перечислительными отношениями могут содержать описание чего-либо (природы, человека), а также рассказ о фактах, совершающихся **одновременно** или **последовательно**.

Одновременность происходящих событий обычно передаётся глаголами несовершенного вида: *Страшно качался вагон, летели мешки со стенок, грохались сундучки, хлопали железные ставни* (А. Неверов).

В таких предложениях возможно и сочетание глаголов несовершенного и совершенного вида в перфектном значении: *Более ничего не напоминало старину барского быта в глуши деревни. Старые господа умерли, фамильные портреты остались дома, предания о старинном быте всеглохнут* (И. Гончаров).

Предложения, содержащие рассказ о событиях и фактах, указывающих на следование ситуаций, обычно выражают их развитие, последовательность: *Хозяйка, сняв чан с плиты, опрокинула его, ком белья вывалился в корыто, оттуда в лицо ей ударил пар* (Г. Бакланов).

БСП сообщает о серии **последовательно** происходящих целенаправленных действий (часто – одного действующего): *Принесли завтрак. Пётр Степанович с аппетитом набросился на котлетку, мигом съел её, выпил вино, выхлебнул кофе* (Ф. Достоевский) – такому перечислению также может предшествовать сообщение общего характера, но компоненты перечислительного ряда не конкретизируют его, а «исходят из него», раскрывая постепенные изменения в некотором изначальном положении дел. При этом последняя предикативная часть обычно сообщает о действии, логически завершающем некое развёртывание ситуации (что и придаёт структуре негибкий характер).

БСП открытой структуры могут присоединять к себе и предикативные части, не объединённые общей идеей, а вступающие со всем перечислительным рядом в особые отношения: *Последним выступал Годунов-Чердынцев. Но было уже поздно, многие продвигались к выходу, какая-то дама одевалась спиной к эстраде, ему аплодировали жидко* (В. Набоков).

Три первые предикативные части в целом, весь этот перечислительный ряд служат основанием для следствия, выраженного последней предикативной частью, которая и делает возможным объединение в один предикативный ряд разнородных ситуаций.

БСП этого типа широко представлены в разговорно-бытовой речи; в художественной речи они используются при описаниях – в этом случае конструкция реализуется на материале конкретной лексики, сказуемые частей выражаются глаголами настоящего или прошедшего времени несовершенного вида: *В доме шла свадьба, за ставнями ревели пьяные голоса, хрипела гармонь, слышался звон разбиваемой посуды* (Е. Мальцев).

Сама конструкция БСП как факт синтаксиса остаётся нейтральной, общепотребительной. Экспрессия живописания создаётся средствами лексики, морфологии, при этом одни типы экспрессивны по характеру смысловых отношений (особенно в стихотворной речи): *День вечереет, ночь близка, длинней с горы ложится тень, на небе гаснут облака* (Ф. Тютчев), другие – по особенностям строения (синтаксический параллелизм): *Три весны прошумели над нами, как птицы, Три зимы намели-накрутили снегов* (Я. Смеляков); *Полюбите молодца, сердце подарите* (А. Твардовский).

Рассмотренные БСП синонимичны ССП с соединительными отношениями: *Будет вечер – заговорщик и обманщик, темнота на мостовые упадёт* (Б. Окуджава) – *...обманщик, и темнота...;* *В синем небе лётчики летают, в синем море корабли дымят* (Я. Смеляков) – *...летают, и... дымят.*

2.2. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЗАКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ

Дифференциальные признаки БСП закрытой структуры:

- бинарность структуры и её закрытость;
- разнотипность частей в семантическом плане, их обусловленность;
  - возможность различного грамматического оформления частей (различия временных или модальных планов, наличие разнофункциональных предикативных частей: *Знай одно: твой взгляд широк от жара* (М. Цветаева); *Репей посадишь – рожь не уродится* (пословица);
  - использование различных типов интонационного оформления предложения;
  - невозможность общего второстепенного члена или предикативной части;
  - возможность синонимии с некоторыми типами СПП: *Заранее предупреждаю: удобств на пути не будет* (А. Чехов) – ...*что удобств...*; *Не спится, няня: здесь так душно* (А. Пушкин) – ...*потому что здесь так душно*; и с некоторыми типами ССП: *Ты богатый, я без хаты* (А. Кольцов); *Не мудрено голову срубить – мудрено приставить* (пословица);
  - наличие в составе одной из предикативных частей катафорических или анафорических слов: *Как все московские, обычай мой таков: желал бы зятя он с звездами да с чинами* (А. Грибоедов); *Все эти девчурки-подростки стали теперь взрослыми девушками; какие у них славные лица!* (В. Вересаев) – слов, указывающих на известную семантическую неполноту.

Отношения между предикативными частями в БСП закрытой структуры значительно разнообразнее, чем в БСП открытой структуры. Это отношения сопоставления и противопоставления, изъяснительные, причинные, пояснительные, причинно-следственные и др.

Продуктивным для анализа БСП закрытой структуры является разграничение предложений с *дифференцированными* и *недифференцированными* отношениями.

Дифференцированными являются такие отношения, для описания которых необходим один термин. Если этот термин общий с тем, который используется для определения смысловых отношений в союзном типе, то из этого однозначно следует, что отношения в союзном и бессоюзном СП идентичны: *Ещё издали увидел: три окошка освещены* (В. Панова) – *Ещё издали увидел, что три окошка освещены*. То, что в союзном типе эксплициру-

ется союзом или союзным словом, в бессоюзном заложено в лексико-семантическом содержании частей.

Недифференцированными являются такие отношения, для описания которых необходим ряд терминов: *Параша искала его, звала обедать – он не откликнулся* (И. Бунин) – уступительно-противительные отношения. Такие отношения потому и называются недифференцированными, что в этом смысловом комплексе в одном недифференцированном целом представлен ряд дифференцированных отношений.

2.2.1. Закрытые БСП с дифференцированными отношениями

В предложениях с **сопоставительными** и **противительными** отношениями сообщается о двух или нескольких ситуациях, которые сосуществуют одновременно или противопоставлены одна другой: *Вода не любит мягкое дно, желудок – пустоты* (пословица); *Вниз тянут нас заботы материальные, вверх зовут интересы духовные* (С. Волконский); *Радость прямит, кручина крючит* (В. Даль).

Такие бессоюзные предложения имеют фразовое ударение на сопоставляемых словах: *Он одну белку шишбёт – я две. Он две шишбёт – я пять* (С. Антонов). Первая из соплагаемых частей произносится с повторением интонации к концу, вторая – с понижением: *Умирали царства на земле – детство никогда не умирает* (В. Луговской); *С концепциями можно спорить; с опытом души спорить нельзя* (С. Аверинцев).

Конструктивная база этих СП – структурно-семантический параллелизм предикативных частей: *Он жаждал покоя – они бури* (Ю. Давыдов), т.е. в сопоставительно-противительных конструкциях необходимы определённые семантические и структурные соотношения компонентов частей предложения, чтобы адресат опознал эти отношения во фразе. Синонимичное им ССП содержит союзы – *а, но, да, а то, зато*: *Там, высоко-высоко, может, и бродили какие-то ветерки, у нас внизу было тихо* (В. Солоухин) – *...может, и бродили ветерки, а внизу было тихо; Сердце диктует уму, характер командует сердцем – ... диктует уму, но характер...*

В народнопоэтической речи и художественной литературе, особенно при воссоздании фольклорного колорита приём параллелизма совмещается с приёмом отрицательного сравнения: одна предикативная часть строится как отрицательное предложение, другая – как утвердительное: *Не олень бежит, рогами кусты раздвигая, – Мишка скачет с мешком за плечами* (А. Неверов).

Стилистический приём отрицательного сравнения не только создаёт определённую эмоциональную атмосферу или фольклорный колорит, но выражает также усиление, подчёркивает нужное значение: *Перед ним стоял не нищий: перед ним стоял помещик* (Н. Гоголь); *Я не Максим Максимович: я штабс-капитан* (М. Лермонтов).

БСП с сопоставительно-противительными отношениями в силу своей семантики и композиции широко представлены в пословицах: *Сыта свинья, а всё жрёт, богат мужик, а всё копит; Конь добр, да не езжен; дорог парень, да не учён; Худое валит пудами, хорошее каплет золотниками* (В. Даль); в афористических, крылатых выражениях: *Пессимист сам себя наказывает, оптимист сам себя награждает; Всё минется, правда останется; Алфавит есть начало учения, смирение – начало добродетели; Плохой учитель преподносит истину, хороший – учит её находить; Нельзя прочесть слишком много книг, можно быть только недостаточно начитанным.*

В конструкциях, выражающих **сопоставление**, первая часть не имеет самодовлеющего значения, а служит **актуализации** значения другой, *второй* части. Синтаксический параллелизм, столь характерный для них, есть своеобразный приём анафоризации, подчинённый вполне определённым задачам в процессе коммуникации: одна и та же схема, дважды повторенная, способствует не только быстрому и точному восприятию связанного с нею содержания, но и психологически подготавливает слушателя к восприятию именно той мысли, которая должна быть доведена до адресата речи и которая в известной мере предопределена в первой части. Сопоставление связано с одним и тем же утверждением, но дважды повторенным: в первый раз в общей форме, как бы намёком, второй – в утверждённой, конкретизированной.

В конструкциях с **противительными** отношениями сочетающиеся структуры выражают не одно и то же значение, расчленённое на общее и частное, а два самостоятельных, не относящихся друг к другу как частное к общему. В силу этого каждое из предикативных единств может характеризоваться особой организацией входящих в него компонентов, быть эквивалентом различных типов предложений. Но так как логическое противопоставление часто реализуется антонимическими формами, могущими быть попарно контрастными в речи, то принцип параллельного строения для данных конструкций нельзя считать неприемлемым. Вот народный язык и прибегает к нему охотно: *Нужда вежлива, Голь догадлива; Со счастьем на клад набредёшь, без счастья и гриба не найдёшь* (В. Даль).

В БСП с **изъяснительно-объектными** отношениями в первой части сказуемое может быть выражено глаголом, словом категории состояния или девербативом, которые требуют «изъяснения» – указания на объект речи, мысли, восприятия, чувства, состояния (*сказать, думать, чувствовать, бояться, ясно, мысль, вопрос, приказ* и др.); вторая часть имеет значение объекта по отношению к сказуемым первой части: *Но знаешь сам: бессмысленная чернь изменчива, мятежна, суеверна* (А. Пушкин); *То видит он: на талом снеге, Как будто спящий на ночлеге, Недвижим юноша лежит* (А. Пушкин); *Из рассказов было ясно: жизнь рабочего везде одинакова* (М. Горький); *Тут его осенила мысль: партизаны должны быть где-то здесь, поблизости* (Б. Полевой).

Конечно, такие бессоюзные конструкции синонимичны СПП с изъяснительно-объектными частями: *...было ясно, что жизнь... видит он, что на талом снеге... мысль, что партизаны...*

Это первая группа БСП с изъяснительно-объектными отношениями; ко второй относятся такие бессоюзные конструкции, в которых нет глагола, способного непосредственно соединиться с изъяснительной частью, но такой глагол является имплицитным, его значение определяется содержанием СП в целом: *Проснулся я: подружки нет* (А. Пушкин); *Студент оглянулся: одинокий огонь спокойно мигал в темноте* (А. Чехов) – *проснулся, оглянулся – и увидел, что...*

Структурно-семантическая близость союзных и бессоюзных предложений с изъяснительными отношениями не означает их полной эквивалентности и взаимозаменяемости: бессоюзные конструкции отличаются содержательным, экспрессивно-стилистическим и ритмомелодическим своеобразием, что находит отражение и в оформляющей их пунктуации.

Содержательное своеобразие БСП заключается в том, что круг изъясняемых слов в них уже, чем в союзных предложениях. Для сферы бессоюзия нетипично (менее естественно) использование глаголов (характерных для союзных изъяснительных), называющих разнообразные формы взаимоотношений субъекта с другими участниками общения – его целей, намерения, поведения (*благодарить, возражать, делать вид*): *Он обещал, что придёт при невозможности Он обещал, придёт.*

Первая часть БСП в отличие от союзных не может быть отрицательной: *Я не знал, что он придёт* ≠ *Я не знал, он придёт.*

Таким образом, бессоюзные конструкции регулярно трансформируются в союзные, обратная же трансформация возможна не всегда: *Я знаю, он приехал – ...что он...; Мы не знали, что экзамен перенесли* ≠ *Мы не знали, экзамен перенесли.*

Экспрессивно-стилистическое своеобразие БСП проявляется в особой, по сравнению с союзными конструкциями, выразительности второй, изъясняющей части. Она создаётся их ритмомелодическим оформлением: между предикативными частями чётко обозначается пауза; на письме между ними ставится двоеточие. В результате события, факты, ситуации второй части приобретают особую значимость, важность, даже категоричность. Сравните: *Я знаю, что он придёт* и *Я знаю: он придёт*.

Эта категоричность отсутствует в том случае, если изъясняемый глагол допускает некоторую неуверенность говорящего относительно сообщаемого; при выражении такого модусного смысла пауза между предикативными частями отсутствует, а на письме между ними ставится не двоеточие, а запятая: *Я думаю, он придёт*; *Я надеюсь, всё будет хорошо*. Сравните: *Я знаю: он придёт*; *Я уверен: всё будет хорошо*.

При **пояснительных** отношениях вторая предикативная часть БСП уточняет, развивает, конкретизирует или обобщает содержание всей первой части или какой-либо её компонент: *Онегин жил анахоретом: В седьмом часу вставал он летом И отправлялся налегке К бегущей под горой реке* (А. Пушкин); *Каждый срок несёт свои приметы: На совсем недавнем рубеже недооценённые поэты Нынче перехвалены уже* (К. Ваншенкин); *Так оно и было: мать уехала на праздники к родственникам* (Ю. Нагибин) – в конце первой части происходит предупредительное понижение голоса и имеется значительная пауза, а вторая часть заканчивается обычным понижением голоса.

Поясняемое слово, особенно местоимение, вообще лишено значения (денотативного, сигнификативного), оно синсеманлично, и поясняющая часть выполняет функцию его конкретизатора: *А факты такие: ему уже за пятьдесят* (Ю. Трифонов); *Отец рассчитывал так: ребята окончат школу, летом отдохнут, осенью – на работу* (С. Антонов); *Этот человек обладал одним качеством: он никогда не ошибался* (К. Паустовский).

Порядок следования частей при пояснительных отношениях – всегда фиксированный; поясняемое слово выделяется логическим ударением. БСП с данными отношениями синонимичны ССП с союзами *а именно, то есть*: *Это была лёгкая служба: на моей обязанности было снабжать городские библиотеки литературой* (А. Катаев) – *...лёгкая служба, а именно...*

Причинные отношения в бессоюзных конструкциях выражаются достаточно отчётливо – на основе их общего содержания: *Шутить с болотом было опасно: зайдёшь в трясины и не вер-*

нёшься (Г. Марков); *Лучше бы я комаром родился: у него судьба быстротечна* (А. Платонов).

Введение в подобные предложения союза *потому что* вызвало бы избыточную логизацию в передаче самоочевидных смысловых отношений. Соответственно оно снижало бы уровень разговорной непринуждённости речи и экспрессивную подчёркнутость выражения причины или обоснования.

Для создания причинных отношений в БСП употребляются слова, значения которых, естественно, соотносятся как причинные; сравним слова *смеяться – радоваться, плакать – неудача* в строфе С. Есенина:

*Все мы порою, как дети,
Часто смеёмся и плачем:*

*Выпали нам на свете
Радости и неудачи.*

Семантика обоснования создаётся наличием отрицательной модальности: *Не спится, няня: здесь так душно!* (А. Пушкин); *Всего ужаснее было для него встретиться с этим человеком опять: он ненавидел его без меры* (Ф. Достоевский)

К СП с дифференцированными отношениями относятся предложения, в которых выражаются **определятельные** отношения: *Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты* (А. Пушкин); *У русского царя в чертогах есть палата: она не золотом, не бархатом богата* (А. Пушкин); *Накрыли столик, поставили вино – в дорогом ресторане не сыщешь* (Ф. Светов); *На полу половики, от них доносит студёной прорубью* (В. Астафьев); **сравнительные** отношения: *По плечам волосы распустит – по мрамору шёлковые нити заструятся* (А. Островский); *Молвит слово – соловей поёт; Посмотрит – рублём подарит*. Ср. возможную синонимию: *У русского царя в чертогах есть палата, которая не золотом...; посмотрит, словно рублём подарит*.

2.2.2. Закрытые БСП с недифференцированными отношениями

К этому типу относятся предложения, выражающие отношения обусловленности. Среди них употребительными и достаточно отграниченными от других типов являются СП, выражающие значения **условия** (*Много паутины на бабье лето – осень ядрёная*) и **причины** (*Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец* (А. Пушкин)); **следствие** в чистом виде передаётся реже (*Деньги копить вы не умеете – богатым никогда не будете* (А. Куприн)); реже встречаются предложения с **уступительным** значением (*Такое освещение никак не напишешь,*

будь ты хоть сам Левитан (К. Паустовский) и значением цели (*Я пришёл к тебе, дай мне ключ от шкапа; пойдём в комнату: я тебе всё покажу* (А. Макаренко).

СП с **условными** отношениями состоят из двух частей: обусловливающей, находящейся обычно в препозиции, и следующей за ней обусловливаемой: *Хочешь быть безукоризненным – не бойся прямолинейности* (Ю. Нагибин) – первая часть произносится с интонацией незавершенности (ИК-3), комментируемой является вторая часть конструкции. Такие предложения имеют окраску устной речи, они экспрессивны.

Эти СП синонимичны СПП условным, дифференцируя значения **потенциального** и **ирреального** условия с помощью видо-временных форм в предикативных частях.

Наиболее распространёнными формами сказуемых обеих частей БСП с отношениями потенциального условия являются глаголы совершенного вида в форме будущего времени конкретного действия: *Истребят леса, пропадёт земля русская* (Ф. Достоевский); *Узнают хозяева – из квартиры выгонят* (А. Аверченко). Возможно и употребление несовершенного вида в форме будущего времени со значением обобщённого факта, указывающего на то, что внимание сосредоточено не на действии, а на самом факте его наличия или отсутствия: *Работать будут – кормить будем* (М. Шолохов).

Комбинация форм будущего времени совершенного вида нередко соседствует с временными отношениями: *Позволит на утро погода – за нами придёт катер* (Б. Житков); в конструкциях с формами прошедшего времени, в которых обуславливающее действие предшествует обусловленному, характерно наличие дополнительного причинного оттенка: *Захотел отдохнуть – присел* (И. Шмелев); такое совмещение условного и причинного значений возникает при сочетании изъянительного и повелительного наклонений: *А не знаешь – не толкуй* (А. Твардовский); *Взялись воевать, так воййте, окаянные, как следует* (М. Шолохов).

Недостаточно дифференцируемые условно-временные отношения возникают при комбинации прошедшего – настоящего, будущего времени: *Наскучило идти – берёшь извозчика и сидишь себе, как барин* (Н. Гоголь); *Попал у нас человек в беду – последнее отдадут* (Е. Максимов).

Отношения обусловленности могут выражаться комбинациями инфинитива с различными глагольными формами за исключением прошедшего времени (из-за его категориального значения – всегда называть действие потенциальное). При этом возможно употребление инфинитива как в первой, называющей условие,

так и во второй предикативной частях: *Всё к сердцу принимать – так в чашотку скоро попадёшь* (А. Островский); *Макару попадёт шлея под хвост – тогда и повозки не собрать* (М. Шолохов).

Использование синтаксически независимого инфинитива в качестве главного члена односоставного предложения носит подчеркнuto экспрессивный характер и сопровождается частичными модальными значениями:

– долженствования или вынужденной необходимости – *Слово царское сказано – так тому и быть* (В. Пикуль);

– волеизъявления – *...а не спрашивают – сидеть и получать присвоенное жалованье* (М. Салтыков-Щедрин);

– действие возможное, но нежелательное – следствие имеет негативный оценочный характер – *Просто побродить по улицам, посмотреть витрины – опять же засекут* (Ю. Нагибин);

– действие необходимое или вынужденное – *А на церковь отказать – откажу* (И. Шмелев).

Глагол в форме императива выступает в БСП в качестве главного члена и в первой, сообщающей об условии, и во второй, указывающей следствие, предикативных частях: *Будет новая беда – пряником спешу сюда* (Л. Филатов); *Молчишь – живи, проговорился – гроб заказывай* (С. Абрамов); *А гусиным уши натри – ни почём не отморозишь* (И. Шмелев).

Отношения обусловленности в таких конструкциях могут осложняться:

– заместительным значением – *Глаза не видят – на ощупь ищи* (В. Белов);

– причинно-следственным оттенком – *Пришёл спать – так спи* (В. Астафьев);

– оттенком ограничительности – *Начни кому поблажку давать – совсем распухнет* (В. Тендряков);

– уступительным оттенком – *Упри его носом в стенку – не отстранится, будет спать* (И. Грекова); *Отсеки собаке хвост – не будет овцы*;

– оттенком цели – *Позвони мне вечером – я дам тебе его адрес* (В. Конецкий); *Плохо не клади, вора в грех не вводи*.

В **ирреально-условных** БСП сообщается о гипотетическом условии и следствии, которые могли осуществиться в прошлом, но не осуществились. Особенностью данных СП является способность не только называть какую-либо гипотетическую ситуацию, но и содержать информацию о небытийности описываемых пропозиций.

Значение предполагаемого действия выражается формой согласительного наклонения, с которой могут сочетаться:

- императив – *Не будь Петра – сорвали бы с него парик* (А. Толстой);
- инфинитив с частицей *бы* – *Пошарить бы здесь побольше – нашлось бы ещё кое-что* (В. Белов);
- формы других знаменательных частей речи – *Ораву бы ребяташек, так некогда челомкаться-то стало бы!* (В. Астафьев); *Не людская бы злость да жадность – жить бы можно было* (В. Гаршин).

Выражение отношений обусловленности указанных форм сопровождается дополнительными субъектно-модальными оттенками – возможности, необходимости или желательности. При сочетании инфинитивов с частицей *бы* в обеих частях: *Знать бы про такое коварство – посадить бы их под караул* (А. Толстой) – обусловленное действие воспринимается как необходимое в описываемой ситуации, а обуславливающее – как желаемое.

Ярко экспрессивными, с окраской разговорно-бытового стиля или народнопоэтической речи оказываются БСП, в которых главный член обуславливающей части выражен глаголами *приведись, доведись, хочешь* или формой, совпадающей с повелительным наклонением: *А завялись сейчас сыны – я бы их на баз не пустила* (М. Шолохов); *Приведись мне там идти, я хотел бы к той хозяйке постучаться по пути* (А. Твардовский). Экспрессивными являются и предложения фразеологизированного типа, например, условно-временного значения: *Стоит только мне вниз спуститься, Вспоминаю я каждый раз Запылённые те ресницы, Тихий свет бирюзовых глаз* (С. Васильев); *Вспоминаю я незнакомку, стоит только попасть в метро* (С. Васильев) – часть со словом *стоит* выражает условие, из которого вытекает действие, сразу следующее за ним.

Обратим внимание на то, что в БСП с отношениями обусловленности часто встречается **лексический повтор**, который сочетается с синтаксическим параллелизмом.

Необходимость повтора определяется тем, что повторяющиеся элементы организуют информативно значимые фрагменты обуславливающей и обусловленной ситуации и участвуют в выражении эмоционально-экспрессивной окраски, свойственной всем бессоюзным единицам обусловленности. Наличие повторов определяется свойственным данным конструкциям **семантическим согласованием**: положительное условие вызывает положительное следствие, отрицательному следствию соответствует отрицательное условие: *Рождается человек – рождается целый мир* (С. Довлатов); *Не хочешь уберечься для себя – для меня уберегись* (С. Довлатов); *Второй раз забудешь – второй раз напомним*

(И. Бабель); *Снова встретил – снова приморозил* (Ф. Искандер); *Пошёл на медведя – пойдёшь на медведя, А куда деваться – надо, Федя!* (Л. Филатов). Лексико-синтаксический повтор в подобных условных конструкциях выполняет стилистическую функцию, являясь средством усиления воздействия эмоционального характера со стороны говорящего.

БСП с отношениями обусловленности легко приобретают значение обобщённости, поэтому в числе русских пословичных формул велик удельный вес конструкций, части которых относятся друг к другу как обуславливающее к обуславливаемому: *Возьмёт голод – появится голос; Глаза золотом запорошат – ничего не увидишь; Придёт пора – ударит и час; Придёт старость – придёт и сладость* (В. Даль).

БСП, включающие значения **причины и следствия**, распадаются на две группы: со следственно-причинными и причинно-следственными отношениями.

Бессоюзные СП, у которых причина заключается во второй предикативной части, а первая часть имеет значение следствия, имеют следующие особенности в произношении: первая часть произносится с беспокойным (предупредительным) понижением голоса, после неё имеется пауза: *Жизнь наша в старости – изношенный халат: И совестно носить его, И жаль оставить* (П. Вяземский); *Однако пора вставать: уже без четверти шесть* (А. Пушкин); *Я доверяю любящим: они великодушны* (К. Паустовский).

Наиболее важную структурную роль в этих предложениях играет сильное фразовое ударение на второй части конструкции. Его расположение зависит от коммуникативной организации предложения, прежде всего от расчленения (или нерасчленения) содержащейся в нём информации на коммуникативно менее значимую (тему) и коммуникативно более значимую (рему).

Вторая, комментирующая, часть предложений причинной зависимости по своей коммуникативной организации часто представляет собой нерасчленённое высказывание с фразовым ударением на подлежащем, которое часто располагается перед сказуемым: *Мы очень зябли: ноги были холодные* (В. Арсеньев); *Часами Люсьен глядел на зелень: она успокаивала* (И. Эренбург).

Вторая, комментирующая, часть высказывания может сообщать об изменениях в ситуации, в целом известной или предполагаемой, и отвечать на вопрос «Что случилось с X?»; в таком случае она представляет общеинформативное расчленённое высказывание с фразовым ударением на сказуемом: *А пешком уйти Андре не мог: с трудом волочил больную ногу* (И. Эренбург).

Значение причины создаётся за счёт семантики первой части в целом или наличием в ней слов, вызвавших такое следствие: *Он покраснел: ему было стыдно убить человека безоружного* (М. Лермонтов); *Неожиданно Лиза вздрогнула: на галерее появился отец* (К. Федин); *Верните мне мое прошлое: в нём было такое прекрасное будущее* (Б. Крутиер); *Это было некстати: в доме кончились дрова* (Б. Пастернак).

Сказуемые в таких БСП выражаются различными глагольными формами, с чем связаны оттенки значений: *Я не мог заснуть: передо мной во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами* (М. Лермонтов) – в первой части, обозначающей состояние человека, составное глагольное сказуемое с вспомогательным модальным глаголом в форме изъянительного наклонения, во второй части, указывающей причину этого состояния, глагольное сказуемое в форме изъянительного наклонения; *Смирись, Кавказ: идёт Ермолов!* (А. Пушкин) – во второй части, указывающей причину, простое глагольное сказуемое в форме изъянительного наклонения; в первой части со сказуемым в форме повелительного наклонения – приказание совершить действие, обусловленное (как следствие) содержанием второй части.

Причинные значения могут совмещаться с другими значениями и оттенками. Так, сосуществуют пояснительное и причинное значения: *Смотри, духом не падай: не один остался на свете, люди кругом* (Е. Мальцев); *Вот дураки: каждому слову верят* (А. Неверов); *Волга добрая лошадка: всё везёт; Сердце – веиун: чуёт и добро, и худо* (В. Даль).

Реже значение причины совмещается со значением предметно-дополнительным (изъянительным): *Некоторые её осуждали: замахнулась чересчур широко, большие всех надо* (В. Панова) – *...осуждали за то, что (потому что) замахнулась широко...;* *Сосед спать не даёт: хорошо живёт* (В. Даль) – *...спать не даёт тем, что (потому что).*

Предложения причинной зависимости легко вступают в синонимические отношения с причинными СПП с союзом *потому что*; различие между ними состоит в большей экспрессивности бессоюзных конструкций, подчёркнутой характерным для них фразовым ударением: *Трудно жилось ему: быть честным человеком на Руси очень дорого стоит* (М. Горький) – *Трудно жилось ему, потому что быть честным человеком...;* *Словно лист осенний, вянет парус судна: ветра нет* (А. Грин) – *...вянет парус судна, потому что ветра нет.*

Причинные отношения представлены и в пословичных конструкциях, вторая часть которых нередко сопровождается различ-

ными модальными значениями, например, предостережения: *Не шуми у браги: не позовут к пиву; Прошлому не кайся: скоро состареешься* (В. Даль).

БСП, у которых вторая часть включает следствие, а первая – причину, имеют следующие особенности в произношении: первая часть произносится с обычной повествовательной интонацией, после неё бывает пауза, несколько более длительная, чем перед второй частью с причинным значением: *В войну я с немцами наговорился – сыт на всю жизнь* (Ю. Бондарев); *В добрую почву упало зерно: пышным добром отродится оно* (Н. Некрасов); *Тут всего на одну сигарку, бери обратно* (М. Шолохов); *Быль не сказка: из неё слов не выкинешь; Журавль летит высоко, видит он далеко* (В. Даль).

В начале второй части в качестве дополнительного средства выражения следствия употребляются конкретизаторы – частица *так*, наречия *потому, оттого*: *Всё к сердцу принимать – так в чухотку скоро попадёшь* (А. Островский); *Погодин был в ударе: поэтому речь ему удалась* (С. Сергеев-Ценский); *Я меньше всех: оттого он меня и мучит* (Л. Толстой).

Причинно-следственные бессоюзные конструкции – это экспрессивный синоним союзного СП с придаточным следствия: *Многое дано писателю, многое с него и взыщется* (И. Эренбург) – *...дано писателю, так что многое...*

БСП со второй частью, выражающей причину и следствие, взаимно обратимы. Если в таком сложном предложении произвести перестановку предикативных частей, то вторая часть получает соответствующее значение: *На угле живём, селитесь на другое место* (Г. Макаров) – *Селитесь на другое место: на угле живём*.

Различие между обоими способами выражения, по-видимому, состоит в акцентировании то одной, то другой части. Так как сильной синтаксической позицией в СП является конец предложения, то в первом СП целью сообщения является следствие (*На угле живём, так что селитесь на другое место*), а во втором – причина (*Селитесь на другое место, так как на угле живём*). Обратим внимание на то, что в причинно-следственных отношениях первая часть имеет и оттенок условия: *Если на угле живёте, селитесь в другое место*.

В БСП с **присоединительно-распространительными** отношениями вторая предикативная часть содержит добавочные замечания со значением оценки, пояснения, следствия и т.д.; первая часть произносится с ИК-2, перед второй частью имеется большая отчётливая пауза: *На стене ни одного образа – дурной знак* (М. Лермонтов); *Злые собаки лаяли на задворках, не решаясь*

выбежать навстречу бричке, – должно быть, отучили их от этой привычки приезжие (Н. Гоголь).

Важнейшая функция присоединяемой части – это комментирование в широком смысле слова содержания предшествующей предикативной части, о чём свидетельствует и её обязательная постпозиция. Формальными показателями таких отношений могут быть местоимения: *Они расстались – эта мысль ошеломила обоих* (Д. Гранин), *Он всегда любил поболтать – это было мне отлично известно* (В. Каверин), частицы: *Баня парит, баня и правит; Чарка вина не прибавит ума, другая да третья сводят с ума; Слово слово родит, третье же само бежит* (В. Даль).

БСП с присоединительными отношениями могут быть синонимичными ССП: *Они расстались – эта мысль ошеломила обоих – ...расстались, и эта мысль...; Картошка жарилась на сковороде, от неё шёл вкусный запах* (К. Паустовский) – ...*Жарилась на сковороде, и от неё шёл...*

Уступительно-противительные отношения устанавливаются в БСП с фиксированной соотносительностью форм сказуемых в предикативных частях: *Да будь он принц американский – не подумаю замуж за него выходить* (М. Горький); *Ну растрать ты деньги казённые, проиграй в карты – все б тебя пожалели* (А. Островский); *Полон стол золота насыть – не скажу* (А. Островский); *Нельзя перескочить, так можно подлезть* (В. Даль).

Таким образом, БСП закрытой структуры связаны системными парадигматическими отношениями с другими СП: бессоюзные конструкции с дифференцированными отношениями имеют, как правило, один синтаксический синоним, в котором эти же отношения выражаются посредством подчинительного союза: *Я знаю: ты сейчас начнёшь говорить* (Е. Ежов) – ...*знаю, что ты сейчас...* Предложения с недифференцированными отношениями имеют два соотносительных с ними союзных предложения: *Она искала его, звала обедать, потом пить чай – он не откликнулся* (И. Бунин) – *Она искала его..., но он не откликнулся... Хотя она искала его..., но он не откликнулся; Солнце село, стало холодно* (В. Арсеньев) – *Солнце село, и стало холодно; Когда солнце село, стало холодно.*

Такое сопоставление БСП с союзными показывает «что синтаксическую форму бессоюзного сложного предложения можно рассматривать как такую форму, в которой, по сравнению с формой союзного типа, упрощён код – нет кодового грамматического средства (союза или союзного слова). Устранение такого кодового средства ведёт ... к явному усложнению требований к лексико-

семантическому содержанию предикативных конструкций» (Ши-ряев 1986, с. 59).

3.0. МНОГОЧЛЕННЫЕ БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

БСП могут быть многочленными, то есть состоять из трёх и более предикативных частей. По своей структуре и выражаемым в них отношениям такие предложения делятся на две группы:

– с предикативными частями, которые равноправны по отношению друг к другу и выражают перечисленные отношения (см. 2.1).

– с предикативными частями, которые не однородны по отношению друг к другу, так что в СП выражаются не менее двух видов отношений (см. 2.2).

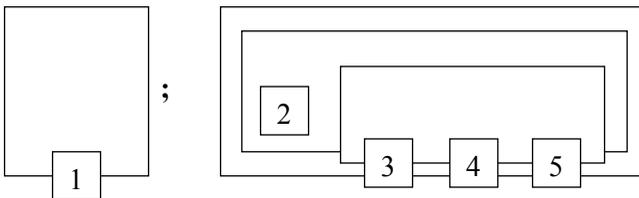
Бессоюзные конструкции первой группы представляют открытую структуру, характеризуются определённым набором видо-временных форм, относительно устойчивым порядком частей и имеют перечислительную интонацию, объединяющую в целом СП одной темой: *Сияет солнце, воды блестят, На всём улыбка, жизнь на всём, Деревья радостно трепещут, Купаясь в небе голубом* (Ф. Тютчев); *Мой костёр в тумане светит, Искры гаснут на лету, ночью нас никто не встретит, Мы простимся на мосту* (Я. Полонский); *Спит залив, каким-то ветром скован, Ветра нет, в траве роса лежит, Полный месяц, словно очарован, Высоко и радостно дрожит* (К. Случевский).

Здесь возможны бессоюзные конструкции, в которых предикативные единства нанизываются друг на друга, создавая эффект амплификации (лат. *amplificatio* – увеличение, распространение; стилистическая фигура, состоящая в нанизывании синонимических компонентов с целью усиления выразительности высказывания): *Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поёт; Шёлк не рвётся, булат не сечётся, красное золото не ржавеет* (В. Даль) – в синтаксической форме перечисления реализуется нарастающее градационное противопоставление, тем самым типизированная форма и вкладываемое в неё содержание как бы оппозитивны. Так актуализируется и ирония, и меткая народная оценка соответствующих жизненных ситуаций.

В БСП второй группы необходимо выделять структурно-семантические блоки предикативных частей, более тесно между собою связанные, устанавливать отношения внутри них и соотносить блоки между собой.

Например: *Он был стар – они были молоды, он был худ – они были сыты, он был скучен – они были веселы* (Л. Толстой «Холстомер») – между тремя блоками – перечислительные отношения, а внутри каждого блока – сопоставительные; *Всё вокруг него опустело: одни померли, другие – ушли* (М. Салтыков-Щедрин) – второе и третье предложение образуют блок с отношениями противопоставления, и вместе взятые, они связаны с первым предложением пояснительными отношениями; *Жилин приуныл: видит – дело плохое* (Л. Толстой) – второе и третье предложения, образуя блок с изъяснительно-объектными отношениями, связаны причинными отношениями с первой предикативной частью; *А погода была скверная: сыпался холодный дождь, грязная земля была окутана тьмой* (М. Горький) – два структурно-смысловых блока с пояснительными отношениями, второй блок – перечислительные отношения.

Таким образом, главное звено в анализе многочленных БСП – установление семантико-синтаксических отношений между частями, выделение имеющихся блоков: *Поезд предостерегающе и печально кричит куда-то в пустоту 1; я спешу на площадку 2: как-то первобытно сыро, свежо 3, накрапывает дождь 4, перед станцией одиноко стоит товарный вагон 5* (И. Бунин) – на первом уровне членения выделяются два блока – [1]; [2, 3, 4, 5]; отношения между ними перечислительные со значением одновременности, что выражается видовременными формами сказуемых (несов. вид, наст. время) и перечислительной интонацией; состав однородный, открытая структура; на втором уровне членения второй блок представляет собой многочленное БСП, так как состоит из четырёх предикативных частей – [2]: [3, 4, 5], между которыми причинные отношения; средства связи – соотнесённость видовременных форм сказуемых (несов. вид, наст. время) и интонация обусловленности; состав неоднородный, структура закрытая; на третьем уровне членения выделяется многочленное БСП, состоящее из трёх предикативных частей – [3, 4, 5]; отношения между частями перечислительные; средства связи – соотнесённость видовременных форм сказуемых и интонация перечисления; состав однородный, структура открытая. Схема этого БСП:

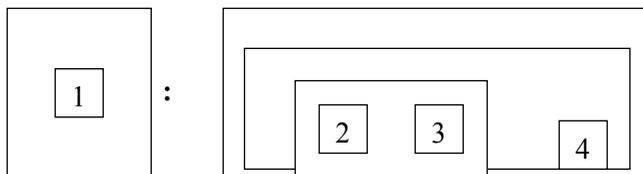

При анализе многочленного БСП важно определить ведущую бессоюзную связь, которая обнаруживается на основном уровне структурного и смыслового членения: *Такая перемена произошла со звуками 1: они стали гораздо осмысленней 2, их стало в сотни раз больше 3 – можно выделить скрип ветки под ветром, стрекотание сверчка и следить за колебанием этих звуков одновременно 4* (В. Пелевин).

СП состоит из четырёх предикативных частей; основной уровень структурно-смыслового членения позволяет выделить два блока – до двоеточия [1] и после него [2, 3, 4]. Все четыре части соединены бессоюзной связью, которая идентична текстовой. Связь между частями выражена соотношением видовременных форм глаголов-сказуемых; лексико-семантическим наполнением частей, объединённых темой описания звуков, наличием анафорических средств (*такая, они, их, эти*).

Предложение, как и текст, полиситуативно: первая ситуация – со звуками произошла какая-то перемена, вторая и третья ситуации – пояснение того, какая же именно произошла перемена; смысловые отношения – перечисление фактов действительности. Третья ситуация – описание картины, создаваемой звуками, и в ней можно выделить четвертую миниситуацию, так как в предикативной части два однородных сказуемых, каждое из которых создаёт свою ситуацию: *можно выделить* – непосредственно отображает двуплановую картину звуков; *можно следить* объединяет эту двуплановость в единый образ одновременно, без дальнейшего раздвоения и как бы завершает открытость второй и третьей предикативных частей, а также структуру предложения в целом.

На основном уровне – это БСП закрытой структуры с пояснительными дифференцированными отношениями; на втором уровне имеем перечислительные отношения (между второй и третьей предикативными частями) и на третьем уровне следственные отношения в четвертой предикативной части закрытой структуры. Схема этого БСП:

Интонация выражена соответствующей пунктуацией и обусловлена соотношением определённых смыслов. Смысл отража-

ется в интонации: говорящий, обращаясь к адресату, присваивает себе слово и тем самым направляет его адресату – референту.

Выбор знака препинания для БСП – это активизация имплицитных смысловых отношений между предикативными частями. Здесь двоеточие, тире, запятая подсказывают, свидетельствуют, что предикативные части находятся в тесной синтаксической связи, объединены авторской интенцией (намерение, замысел) и коммуникативной направленностью предложения, занимающего позицию абзаца.

II. ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ СВЯЗИ

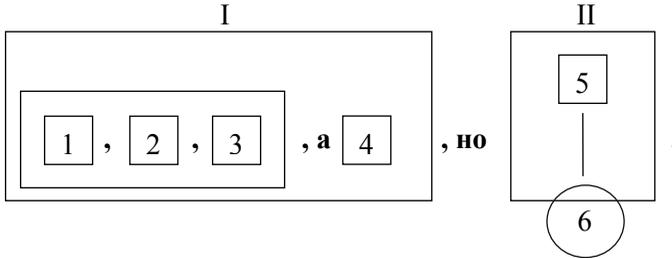
Полипредикативное СП с различными видами связи как единица языка (вне контекста и ситуации) занимает позицию между элементарным (двухчастным) СП (ЭСП) и текстом. Текст как единица системы языка является нанизыванием предложений, между которыми устанавливаются смысловые отношения, выраженные как специальными синтаксическими средствами, так и имплицитно. Полипредикативные СП (ПСП) противопоставлены текстовым последовательностям предложений своей цельно-оформленностью и относительно большей связностью между ЭСП и текстовыми образованиями, которые больше, чем предложение. Эти единые коммуникативные структуры выполняют единую авторскую коммуникативную интенцию.

ПСП квалифицируются то как производные синтаксические построения на основе контаминации (лат. *contāminātio* – смешение, возникновение структуры в результате соединения компонентов) исходных ЭСП, то как сложные синтаксические конструкции, образованные на основе объединения частей с разнотипной синтаксической связью. В ЭСП и БСП реализуются структурные схемы и ССП, СПП и БСП бинарных СП, но различаются предложения объёмом, глубиной, количеством предикативных единиц, наличием в ПСП основного (генерального, ведущего) и дополнительного (второстепенного) уровня (уровней) структурно-смыслового членения.

Таким образом, ПСП имеют многоуровневую структуру; в них реализуется несколько структурных схем, каждая из которых создаёт свой уровень членения:

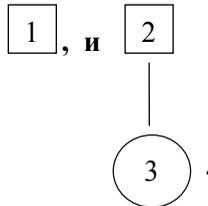
Есть Бог 1, есть мир 2, они живут вовек 3, А жизнь людей мгновенна и убога 4, Но всё в себе вмещает человек 5, Который любит мир и верит в Бога 6 (Н. Гумилёв) – первые три предика-

тивные части объединены бессоюзной связью, четвёртая предикативная часть вступает в сопоставительные отношения с бессоюзным блоком; пятая и шестая предикативные части также образуют блок, выражающий противительные отношения по отношению ко всей предыдущей части; данное ПСП состоит из двух структурно-смысловых блоков при ведущей сочинительной (противительной, закрытой) связи; в первом блоке представлена бессоюзная и сочинительная ведущая связь, а во втором – подчинительная. Схема такого ПСП:

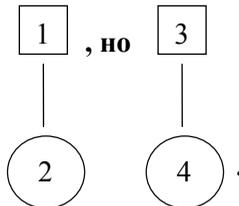

Рассмотрим возможные варианты совмещения различных связей:

– сочинительной и подчинительной: *Валько был человек немногословный 1, и никто никогда не знал 2, что совершается в душе его 3* (А. Фадеев) –

Язык – это брод через реку времени 1, который ведёт к жилищу ушедших 2, но туда не сможет прийти тот 3, кто боится глубокой воды 4 (В. Топоров) –

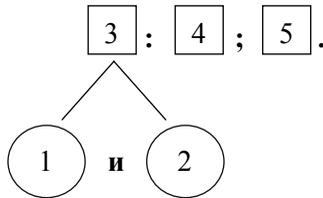
– сочинительной и бессоюзной: *Я вас любил 1: любовь ещё, быть может, В душе моей угасла не совсем 2, Но пусть она вас больше не тревожит 3; Я не хочу печалить вас ничем 4* (А. Пушкин) –

□ 1 : □ 2 , но □ 3 ; □ 4 .

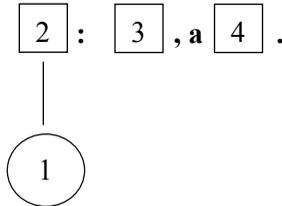
Поют деревья 1, блещут воды 2, Любовью воздух растворён 3, И мир, цветущий мир природы, Избытком жизни упоён 4 (Ф.Тютчев) –

□ 1 , □ 2 , □ 3 , и □ 4 .

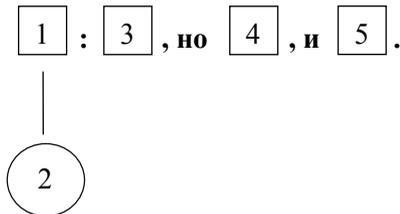
– подчинительной и бессоюзной: *Куда бы нас ни бросила судьбина 1 И счастье куда б ни повело 2, Всё те же мы 3: Нам целый мир чужбина 4; Отечество нам Царское Село 5 (А. Пушкин) –*

– сочинительной, подчинительной и бессоюзной: *Если бы я часто смотрела в глаза Джоконде 1, я бы сошла с ума 2: она обо мне всё знает 3, а я о ней – ничего 4 (Ф. Раневская) –*

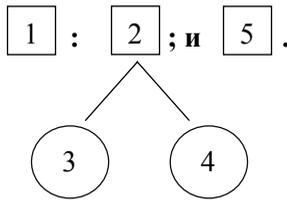

Тот человек, которого ты любишь во мне 2, конечно, лучше меня 1: я не такой 3, но ты люби 4, и я постараюсь быть лучше себя 5 (М. Пришвин)

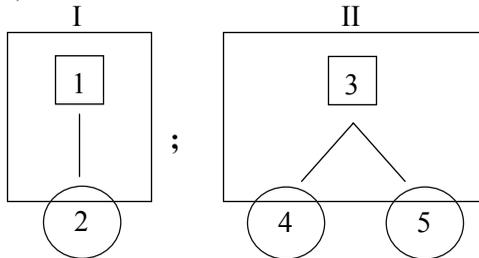
В последнее время между двумя свояками установились как бы тайные враждебные отношения 1: как будто с тех пор, как они были женаты на сёстрах 3, между ними возникло соперни-

чество в том 2, кто лучше устроил свою жизнь 4, и теперь эта враждебность выражалась в начавшем принимать личный оттенок разговоре 5 (Л. Толстой) –

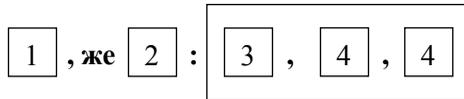

Рассматриваемые ПСП (сложные синтаксические конструкции) допускают выделение в своей структуре частей, блоков предложений, более тесно друг с другом связанных. Деление на части (блоки) производится на структурно-семантической основе. Так, сочинительный союз или бессоюзие в горизонтальной плоскости схем подсказывают членение ПСП: ведущее для данной конструкции отношение выступает как своеобразная граница блоков. Например:

По собственному опыту зная, что дать человеку выговориться – значит помочь ему 2, Брюханов молча слушал 1; ему подумалось 3, что откровенность своего рода лекарство 4 и пользуются им обычно как самым сильным, крайним средством 5 (П. Проскурин) –

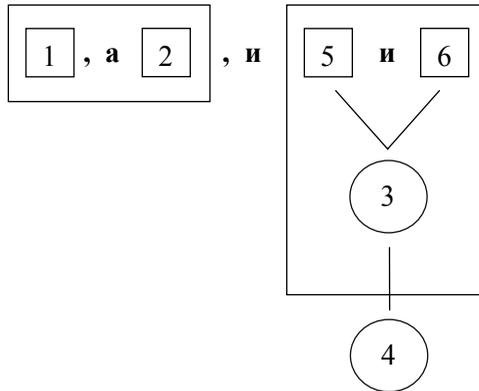
Золото купит четыре жены 1, конь же лихой не имеет цены 2: Он и от вихря в степи не отстанет 3, Он не изменит 4, он не обманет 5 (М. Лермонтов) –

– бессоюзная связь соединяет три последние предикативные единицы с предыдущей, второй, выражая семантику причинной обусловленности, и эта обусловленность не включает в названную смысловую часть первую предикативную единицу, которая

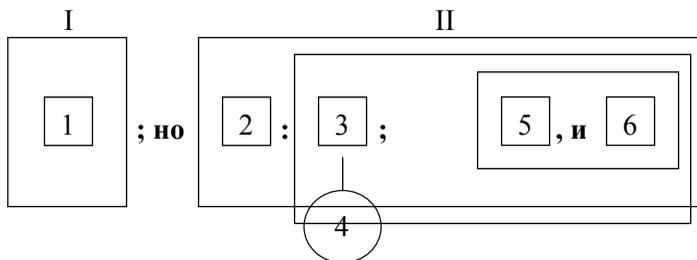
соотносится с последующей смысловой частью, выражая другой тип синтаксических отношений – сопоставительный, значит, доминирующая (ведущая) семантика в ПСП, связывающая все предикативные части в единое целое, – сопоставительная, показатель которой – частица в союзной функции;

Мы ушли с блоковского чтения, но пошли пешком 1, а Блока повезли на второе выступление в машине 2, и пока мы добрались до Никитского бульвара 3, где помещался дом печати 4, вечер кончился 5 и Блок уехал в общество любителей итальянской словесности 6 (Б. Пастернак) –

В данном ПСП сопоставительные отношения (выраженные союзом *а*) можно воспринимать не как доминирующую связь, а лишь как связь, объединяющую две первые предикативные единицы в одну сложную составную – блок, и поэтому в целом предложение можно квалифицировать как предложение с ведущей соединительной связью (следственные отношения); второй блок представляет ПСП с сочинением, однородным подчинением и последовательным подчинением.

Сочинительная часть, если она не соединяет однородные придаточные, представляющие единый блок по отношению к главному предложению, обычно бывает доминирующей при наличии бессоюзной и подчинительной связи. Сочинительная связь обладает максимальным включающим потенциалом и поглощает бессоюзную связь, выражающую семантику обусловленности (причинно-следственной, условно-следственной), пояснения и комментирования: *Конечно, для счастливой жизни, а особенно в супружестве, должно иметь необходимое 1; но смысл этого слова неопределённый 2: иные почитают необходимым то 3, чтобы ни в чём себе не отказывать 4; другие довольны небольшим 5, и они-то настоящие счастливые 6 (Д. Бегичев) –*

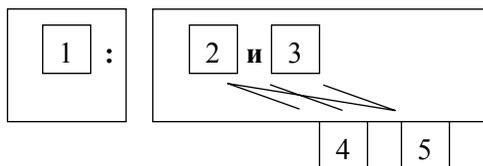
Во втором блоке ведущая бессоюзная связь с пояснительными отношениями; третья и четвёртая (сложноподчинённое предложение) вступают в сопоставительные отношения со сложносочинённым (пятым и шестым) предложением закрытой структуры со значением следствия.

Для ПСП с ведущей бессоюзной связью характерна общность апперцепционной базы участников коммуникативного акта. Структурно-смысловые компоненты содержат основную и дополнительную информацию. В основе семантической организации с противопоставительными отношениями лежит имплицитная антитеза, обуславливающая расстановку смыслообразующих акцентов:

Вот они пришли 1, и человек был рад им 2; он весело смеялся и спокойно глядел на углы, в которых кто-то прятался 4, на потолок 3, по которому кто-то ходил 5, – теперь никого уже нет 6, и доски не гнутся 7, и не сыплется больше тонкая пыль 8 (Л. Андреев).

Взаимобусловленное структурно-смысловое и коммуникативное устройство подобных предложений определяет прагматическую организацию предложения. Структурная и смысловая связь осуществляется через особое грамматическое оформление модально-временных планов, которые выступают как единый комплекс:

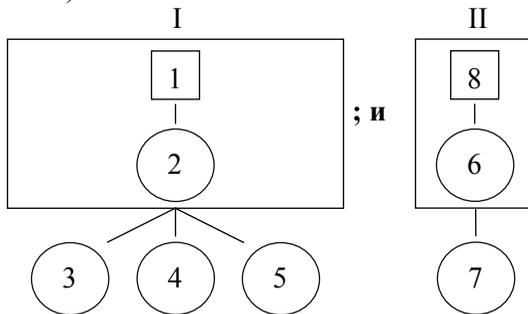
Впоследствии я думал не раз 1: сколько несчастий не пришлось бы мне перенести 2 и сколько добра принёс бы я своим близким 3, если бы в этот вечер у меня хватило решимости поворотить назад 4, если бы моя Зорька взбесилась и унесла меня подальше от этого страшного большого озера! (А. Чехов) –

Для подобных предложений свойственны фиксированный порядок следования предикативных частей со структурно-смысловым центром в препозиции, обязательное наличие типизированных лексических средств.

Распространёнными, типичными являются и ПСП с ведущей сочинительной связью:

Мысль о нём до такой степени тревожила его 1, что он решился даже послать к нему чиновника узнать 2, что он 3 и как 4, и нельзя ли в самом деле помочь ему 5; и когда донесли ему 6, что Акакий Акакиевич умер скоростижно в горячке 7, он остался даже поражённым, слышал упрёки совести и весь день был не в духе 8 (Н. Гоголь) –

Это ПСП состоит из двух блоков, между которыми соединительные отношения со значением последовательности; первый блок – многочленное СПП с последовательным подчинением и однородным соподчинением; второй блок – СПП с последовательным подчинением.

Итак, в ПСП с различными видами связей для авторов характерно стремление вместить в предложение все сложности, все оттенки мысли и переживания, дать мысль в её динамике, развитии, то есть важна не только сама мысль, но и её причины и следствия, обстоятельства, сопутствующие её появлению. Потенциал таких СП проявляется как в развитии их структуры и семантики, обусловленном обогащением информативными и экспрессивными функциями, так и в совершенствовании их текстообразующих и коммуникативно-речевых возможностей. Поэтому их дискурсивные возможности в письменной речи почти не ограничены: они могут соответствовать как предложению, так и более сложным текстовым единицам – сложному синтаксическому целому, абзацу и тексту, которые встречаются не только в писательской изящной словесности, но и в творчестве естествоиспытателей – см., например, «Жизнь растений» К.А. Тимирязева.

III. СИНТАКСИС ТЕКСТА

Наша жизнь – это общение, и для него землянам одинаково дан звуковой язык. Но не доверяя изменчивой человеческой памяти, особенно долговременной, люди поэтому нуждаются в тексте как предмете. Овеществлённые тексты позволяют распространять итоги общения во времени и пространстве, неизменно хранить добытое знание... письменная форма до сих пор главенствует, даже обоготворяется в нашем русском, исторически лингвоцентрическом сознании.

Этому много причин, важнейшая из которых в том, что именно письменно (печатно) опредмеченные тексты стали основой, на которой развилась книжность и её книжный язык.

В.Г. Костомаров

1.0. ТЕКСТ И ЕГО ПРИЗНАКИ

Человек живёт в мире текстов, в них он открывает не только объективную действительность, но и самого себя, так как за всяким текстом стоит и мир предметов, явлений, событий, и мир идей, чувств. Текст – это феномен реальной действительности и способ отражения действительности, построенный с помощью элементов системы языка.

Существуют многочисленные определения этого понятия, одно из последних, данное В.П. Рудневым, звучит так: «Текст – одно из ключевых понятий гуманитарной культуры XX века, применяющееся в семиотике, структурной лингвистике, филологии... Текст – это последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединённых общей темой, обладающая свойствами связности и цельности» (Руднев 1997, с. 305).

Этот термин имеет сложную и разветвлённую этимологию: лат. *textum* – *ткань, одежда, связь, соединение, строение, слог, стиль*; *textus* – *сплетение, структура, связное изложение*; *texo* – *ткать, сплетать, сочинять, переплетать, сочетать*. Иными словами, в основе слова «текст» лежит метафора ткань, переплетенья. Ср.: глагол «плести» в значении ‘говорить что-либо, обычно несурзное’; существительное «сплетни» или термин древнерусской книжной словесности «плетение словес»; характерно в этом отношении и использование метафоры «ткань текста» в работах современных лингвистов и литературных критиков.

В этимологию слова «текст» входят три семантических компонента, или маркера:

- 1) то, что сотворено, сделано человеком;
- 2) связность элементов внутри этого сделанного;
- 3) искусность этого сделанного – в соответствии с этим текст изучается: текстологией, герменевтикой, поэтикой и лингвистикой.

Предметом изучения синтаксиса текста является речевое, смысловое и формальное объединение предложений, обладающее свойством целостности (цельности), связности, членимости, закреплённости в определённой знаковой системе и информативности.

Целостность обеспечивается смысловой нитью, которая должна проходить через весь текст, – это объединённость общей темой, мыслью.

Связность текста – это условие его целостности, это смысловая и формальная связь между предложениями. Чтобы понять текст, недостаточно уяснить значение изолированной фразы: каждая фраза включает в себя значение предыдущей; связь предложений в тексте – это прежде всего связь смыслов: *Самая большая цель жизни – увеличить добро в окружающих нас. А добро – это прежде всего счастье для всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решить* (Д. Лихачёв).

Членимость – выделение в составе текста его компонентов – предложений, образующих в том числе и сложное синтаксическое целое (ССЦ), или сверхфразовое единство (СФЕ). А.А. Потебня отмечал, что «подлинно независимым отрезком речи является текст, внутри которого растворяется предложение» (1976, с. 96).

Закреплённость – важнейшее качество письменной речи – даёт ей известные преимущества перед речью устной.

Информативность – главное свойство и назначение текста – передача информации, её целенаправленность и прагматическая

установка (в том числе модальная – отношение автора к сообщаемому, авторская оценка и самооценка).

Сложная природа текста обуславливает проблематичность его однозначного достаточного определения; в исследованиях по лингвистике текста много самых различных его определений, например:

– это языковое выражение замысла его создателя (Д.С. Лихачёв);

– это функционально завершённое речевое целое (А.А. Леонтьев);

– как нечто целостное есть некоторый концепт, то ментальное образование, которое в лингвистической литературе именуется цельностью (Ю.С. Сорокин);

– это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённой, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа (И.Р. Гальперин);

– сформулированная в пространстве и времени точка зрения на человека и мир (М.М. Бахтин);

– особым образом организованная словесная структура, моделирующая действительность (Ю.М. Лотман);

– представляет собой основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определённой исторической эпохи, отражение психической жизни индивида (А.В. Белянин);

– выраженное в устной или письменной форме упорядоченное и завершённое словесное целое, заключающее в себе определённое содержание, соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, отграниченное от других подобных целых и в случае необходимости воспроизводимое в том же виде (А.И. Горшков);

– язык в действии (М.А.К. Хэллидей).

Развёрнутый анализ понятия *текст* содержится в «Кратком словаре теории лингвистики текста» Т.М. Николаевой.

В качестве рабочего определения текста можно использовать следующее: **Текст** – это произведение речевого процесса, характеризующееся смысловой и структурной завершённостью, определённым отношением автора к сообщаемому, целенаправленностью и прагматической установкой сообщения.

В лингвистической литературе последних лет наряду с термином *текст* появился термин **дискурс** (фр. discours – речь) – связанный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как

целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания, то есть речь, «погружённая в жизнь» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 132).

Термины *текст* и *дискурс* означают разные явления, обладающие дифференциальными признаками. Дискурс основан на отборе языковых средств, соответствующих стилю, жанру, интенции автора. Текст же является результатом этого отбора и выбора соответствующей модели. Дискурс более широкое понятие, чем текст. Это одновременно и процесс языковой деятельности, и её результат. Дискурс обладает признаком процессности, что означает невозможность его существования вне прикреплённости к реальному времени, в котором он протекает. Текст же лишён жёсткой прикреплённости к реальному времени, его связь с временем носит опосредованный характер, он существует не в физическом времени, а во времени и пространстве культуры. Текст создаётся с установкой на многократное воспроизведение, а дискурс воспроизведения не предполагает.

Во всех исследованиях коммуникативной лингвистики основной единицей не только речи, но и языка признаётся текст. Языковые варианты, обслуживающие те или иные уровни языка, в процессе коммуникации, участвуя в построении речи, приобретают новые свойства и функции и становятся элементами текста.

Таким образом, текст синтезирует языковые и речевые варианты всех уровней, объединяет в себе языковые сущности и речевые свойства. Он – одновременно единица языка и произведение речи; все единицы, категории языка обретают подлинную жизнь именно в текстах, существуют для оформления текстов.

1.1. ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ. СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Текст является содержательным единством, но, как правило, характеризуется многотемностью: это сложная организующая организация частных тем, связанных друг с другом. Их семантическое развитие формирует общую тему текста. В потоке речи предложения группируются, объединяются тематически, структурно и интонационно и образуют особую синтаксическую единицу – **сложное синтаксическое целое – ССЦ**.

Текст реализует свои признаки через ССЦ. ССЦ является единицей текста, представляющей собой группу предложений (простых, сложных), объединённых вокруг единого смыслового

центра. Главная идея, лежащая в основе организации ССЦ, – «содружество предложений», «несколько об одном», то есть ряд высказываний, посвящённых одной (макро)теме.

ССЦ обладает тремя дифференциальными признаками, отличающими его от других единиц, в том числе и от текста, и проявляющимися в специфике его структуры и семантики:

– представленность рядом предложений, формально самостоятельных коммуникативных единиц, – поликоммуникативность;

– подчинённость реализации одной микротеме – монотематичность; в смысловом отношении наблюдается лексическая преемственность и взаимосвязанность компонентов; каждое последующее предложение продолжает и развивает содержание предыдущего, пока микротема не будет раскрыта полностью;

– принадлежность компонентов ССЦ разным речевым субъектно-речевым планам (автора, повествования, персонажа) – полифоничность. Например:

Даль – это наш Магеллан, переплывший русский язык от А до Я. И было у него первое слово, которое он записал, и было оказавшееся последним, предсмертное. Представить себе, что это проделал один человек, невозможно, но только так оно и было. В результате этого подвига мы имеем не только четыре великих тома, не только сам словарь, но и новое осознание языка как вполне конкретного, осязаемого организма (А. Битов) – четыре предложения объединены микротемой – В. Даль как автор словаря, что создаётся лексической преемственностью изложения, авторским отношением к излагаемому (представить себе невозможно), связанностью предложений (Даль... у него... один человек... в результате...), их грамматической организацией (временная перспектива создаётся последовательным развитием плана прошедшего и настоящего времени).

Тесная взаимосвязь предложений в ССЦ получила наименование когерентности (лат. cohagerentia – сцепление, внутренняя связь) текста, то есть смысловой организации целого, выделяющей текст как целое из других текстов, и когезии (лат. cohesion – сцеплённый) как формальной связи. Когерентность и когезия проявляются одновременно в смысловой целостности, структурной связанности и коммуникативной целостности как содержания, форма и функция.

Смысловая целостность ССЦ заключается в единстве его одной микротемы – смыслового ядра (монотематичность). Переход от одной темы к другой знаменует конец ССЦ и начало следующего ССЦ: *Осень пришла и завладела землёй. Всё сразу стало*

осенним. В саду суетились синицы. Крик их был похож на звон разбитого стекла. Они висели вниз головами на ветках и заглядывали в окно из-под листьев клёна.

Каждое утро в саду, как на острове, собирались перелётные птицы. Под свист, клёкот и карканье в ветвях поднималась суматоха. Только днём в саду было тихо: беспокойные птицы улетали на юг.

Начался листопад. Листья падали дни и ночи. Они то косо летели по ветру, то отвесно ложились в сырую траву. Леса моросили дождём облетевшей листвы (К. Паустовский).

В этом тексте три ССЦ, имеющие частные микротемы (поведение синиц, суматоха в саду, начало листопада), которые объединены общей темой – *Осень пришла*. В основе построения и связности текста – синтаксический параллелизм всех трёх ССЦ.

Монотематичность ССЦ проявляется в:

– наличию в его вертикальной семантической структуре зачина, середины и концовки;

– семантической **изотропии** (гр. *isos* – равный, подобный + *trōpos* – свойство), т.е. в объединении всех предложений вокруг одной темы посредством повторяемости ключевых слов и их синонимов;

– **прономинализации** компонентов (употребление местоимений *они, их* вместо *синицы, они* вместо *листья*);

– **тождестве** референции (лат. *reffere* – относить, связывать; сообщать);

– **предметной соотнесённости**: существительные во всех ССЦ однореферентны;

– **импликации** (лат. *implicatio* – сплетение, переплетение) семантических связей между частями единства, т.е. в подразумеваемых семантических связях: *осень пришла – всё стало осенним – в саду суетились синицы; под свист, клёкот – суматоха; листопад – листья падали косо, отвесно, леса моросили дождём облетевшей листвы*.

ССЦ организуются через **тема-рематическую последовательность**, при помощи которой осуществляется пошаговая тематизация ремы. Каждое последующее предложение в коммуникативном плане связано с предшествующим и продвигает высказывание от известного к новому, от данного, исходного к ядру. В результате образуется тема-рематическая последовательность, цепочка: *Через неделю меня полюбила стройная девушка в импортных туфлях. Звали её Ася. Ася познакомила меня с друзьями. Все они были старше нас – инженеры, журналисты* (С. Довлатов).

Каждое из предложений в этом ССЦ поэтапно продвигает информацию вперёд, как бы отталкиваясь от предшествующего предложения, что проявляется в повторении уже данной информации: *меня 1 – полюбила девушка 1, её 2 – звали Ася 2, Ася 3 – познакомила с друзьями 3, они 4 – были старше нас 4.*

Нетрудно заметить, что если обозначить компоненты ССЦ в терминах актуального членения (Т – R), то структура данного ССЦ и одновременно его коммуникативная перспектива будет выглядеть так:

$T_1 - R_1, T_2 - R_2, T_3 - R_3, T_4 - R_4.$

Как видим, новую информацию несут рематические компоненты, именно они продвигают информацию вперёд; тематические же компоненты фиксируют исходные пункты высказывания, они скрепляют отдельные высказывания, связывая их в единое целое и обеспечивают преемственность – информативную, структурную, коммуникативную. Так образуется тема-рема-тематическая последовательность в пределах кусочка текста – ССЦ. Именно такая последовательность проявляет коммуникативную связанность текста, так как через неё происходит накопление информации, её продвижение.

Но одновременно тема-рема-тематическая последовательность выявляет и структурную связанность: тематическая преемственность каждого высказывания требует структурного оформления и выбора средств связи. Так содержание ищет форму, а форма становится содержательной.

Тексты, построенные по такой тема-рема-тематической модели, имеют **цепную связь** высказываний: *Все блага и радости жизни // создаются трудом. Без труда // нельзя честно жить. С малых лет // учись быть верным слову. Верность слову // – твоя личная честь* (В. Сухомлинский).

При цепной связи последующие предложения могут быть неполными:

С чего начинается Родина?

А может, она начинается

С картинки в твоём букваре,

С той песни, что пела нам мать.

С хороших и верных товарищей,

С того, что в любых испытаниях

Живущих в соседнем дворе.

У нас никому не отнять.

(М. Матусовский)

В рамках цепной связи выделяются два типа смысловых соотношений частей текста.

1. Смысловое **зацепление** предполагает логические или временные взаимоотношения высказываний: *Бабушка не спит долго, лежит, закинув руки под голову, и в тихом возбуждении расска-*

зывает что-нибудь. И всегда она умела выбирать сказку, которая делала ночь ещё значительней, ещё краше (М. Горький) – союз и во втором предложении выражает присоединительные отношения высказываний.

Кругом ещё ярко светит солнце: охотиться ещё можно. Но туча растёт: передний край её вытягивается рукавом, наклоняется сводом (И. Тургенев) – смысловое зацепление двух высказываний принимает вид противительных отношений.

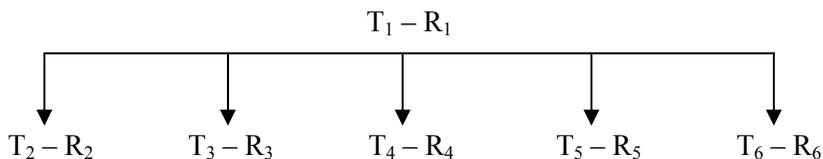
На степь ложится красноватое освещение, возбуждающее тоскливое чувство. Потом солнце прикасается краем к земле и лениво уходит в неё или за неё (М. Горький) – высказывания связаны временными отношениями.

Смысловое зацепление, как правило, возникает на стыке двух высказываний, оно отражает логическую связность двух внешнеязыковых явлений, ситуаций и соответственно внутреннюю спаянность выражаемой мысли.

2. Смысловое **перекрытие** предполагает идентичность каких-либо смысловых компонентов высказываний и находит отражение в лексических и синонимических повторах, в анафорической местоименной связи: *Когда стало смеркаться, вокруг нас зажгли длинные цепи из разноцветных фонарей. Но этого оказалось мало: площадка оставалась почти неосвещённой. Вдруг с обоих её концов вспыхнули ослепительным голубоватым светом два электрических солнца. Берёзы и грибы, окружавшие площадку, сразу выдвинулись вперёд* (А. Куприн).

Связность линейного типа как со смысловым зацеплением, так и со смысловым перекрытием характерна для динамических текстов, имеющих сюжет и отражающих динамику его развития.

Существует и **второй тип связности** предложений в ССЦ – связность **радиального** типа, в основе которой лежит **параллельная связь** предложений. При такой связи предложения автономны (каждое предложение знаменательно, нет ни обобщающих слов, ни слов из другой конструкции), т.е. не связаны друг с другом, а связаны «пучкообразно» с темой всего ССЦ: *Меркнут || краски. Небо, голубизну теряя || блекнет. Алеет || закат над дальним лесом. Ночь пришла* (И. Акимовский).

Так оформляется тема-рема-ическая последовательность при помощи параллельной связи (последовательность однородного состава). Кроме того, в данном случае последовательность объединяется общей темой – $T_1 - R_1$.

Структурным показателем такой связи является соотношение видовременных форм глаголов-сказуемых; в таких конструкциях возможен также параллелизм строения предложений. Связность радиального типа присуща текстам «несюжетного» характера. Существуют такие функциональные разновидности текста, для которых связность радиального типа неизбежна: словари, своды правил или норм. Эти тексты предназначены для частичного, выборочного восприятия, и потому в них не нужно отыскивать связь с предыдущим или последующим контекстом.

Вместе с тем связность радиального типа наблюдается и в частях целостного текста: *Был седьмой час вечера – время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха. В городском саду уже играла музыка. Лошади звонко стучали по мостовой; со всех сторон слышались смех, говор, хлопанье калиток. Встречные солдаты козыряли офицерам, гимназисты кланялись Никитину. А как теплы, как мягки на вид облака, как кротки и уютны тени тополей и акаций!* (А. Чехов) – зачин имеет несколько обобщающий характер: следующие за ним предложения иллюстрируют «признаки» наступившего городского вечера. Концовка по смыслу ближе к зачину и замыкает мысль.

Параллелизм строения предложений более отчётливо выражен, если компоненты единства начинаются одними теми же словами при одинаковом количестве членов предложения: *В земле наша правда. В земле наши корни. И сила в плечах – от лугов и полей. Земля и оденет, земля и накормит, Ты только себя для неё не жалея* (Е. Долматовский).

Параллельная и цепная связь могут сочетаться в одном ССЦ: *Около полудня бричка свернула с дороги и остановилась. Егорушка услышал тихое, очень ласковое журчанье и почувствовал, что к его лицу прохладным бархатом прикоснулся какой-то другой воздух. Из холма тонкой струйкой бежала вода. Она падала на землю и, прозрачная, весёлая, сверкающая на солнце тихо ворча, точно воображая себя сильным и бурным потоком, быстро бежала куда-то влево. Недалеко от холма маленькая речка расплзлась в лужицу, горячие лучи и раскалённая почва, жадно выпивая её, отнимали у неё силу* (А. Чехов).

Предложения, входящие в состав ССЦ и целого текста, связаны между собой единством темы и коммуникативной направлен-

ности, но и разнообразными внешними сигналами, указывающими на то, что они представляют собой части одного целого и образуют в своей совокупности структурное единство.

1.2. СТРУКТУРНАЯ СВЯЗНОСТЬ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

Структурная связность ССЦ – это синтаксическое выражение взаимосвязи предложений в рамках смысловой целостности. Эта взаимосвязь может быть горизонтальной: «слева» – «направо» по линии речи, вертикальной: «сверху» – «вниз» по всему корпусу единства. Она осуществляется различными средствами, среди которых можно выделить лексические, лексико-грамматические и грамматические.

К **лексическим** средствам связи относятся слова, включающие общий семантический компонент. Так как ССЦ объединяет предложения, раскрывающие одну микротему, то в нём и используются лексические единицы, которые так или иначе связаны с этой темой: *Несколько дней лил, не переставая, холодный дождь. В саду шумел мокрый ветер. В четыре часа дня мы уже зажигали керосиновые лампы, и казалось, что лето кончилось и земля уходит в глухие туманы, в неуютную темень и стужу* (К. Паустовский) – раскрывается микротема осеннего дождя и тех ощущений, которые он вызывает: *лил дождь, холодный; мокрый ветер; глухой туман; темень и стужа* – передающих физическое и душевное состояние автора.

С чем сравнить рождение хрустальных изделий? Может быть, с рождением радуги после дождя, потому что, как радуга, многоцветен и нежен хрусталь. Может быть, с каплями светлой росы на венчике полевого цветка, потому что, как капля росы, чист и прозрачен отблеск алмазной грани. Может быть, с вечерней песней зарянки, потому что так же певучи тонкие стенки хрустальных бокалов (В. Полторацкий) – лексическое варьирование смыслового элемента хрустального изделия: слова *радуга, капля росы, песня зарянки*, которые являются контекстуальными синонимами и позволяют дополнить характеристику известного предмета.

Нередко лексический повтор в ССЦ является и средством связи компонентов, и средством актуализации семантической значимости повторяемого слова. Такова, например, функция слова *жизнь* в высказывании Г.М. Кржижановского: *Самое прекрасное,*

самое дорогое для человека – это сама его жизнь. А жизнь под-держивается разносторонним, неустанным трудом. Стоит за-мереть труду человека – начнёт замирать и его жизнь.

В ССЦ: *Чехов любил смех, но смеялся своим милым, зарази-тельным смехом только тогда, когда кто-нибудь другой расска-зывал что-нибудь смешное; сам он говорил смешные вещи без малейшей улыбки* (И. Бунин) – общий корень *смех* создает смы-словую цельность, различные морфемы усложняют значение од-нокоренных слов, делают их семантически богаче.

К лексико-грамматическим средствам связи относятся анафо-рические и катафорические связи между предложениями и внут-ри предложений между их частями.

Анафоры – это отсылки к компонентам предшествующего текста, в роли которых выступают прежде всего лично-указатель-ные, указательные и притяжательные местоимения, слова типа *факт, событие* и т.п., замещающие содержание предшествующих высказываний: *За садом находился большой лес... Он был глух, запущен... В этом лесу обитали дикие коты, и их не должно сме-шивать с теми удальцами, которые бегают по крышам домов* (Н. Гоголь).

Катафорическое отношение противопоставляется анафориче-скому. Катафора как сигнал правосторонней, последующей связи свидетельствует о структурной и смысловой несамостоятельно-сти предложения, занимающего в тексте начальную или средин-ную позицию. При катафорическом отношении элемент с отсы-лающим значением является линейно предшествующим: *За всю свою жизнь не припомню я такой осени. Прошёл сентябрь – яс-но-голубой, по-майски тёплый, с обворожительными утрами и задумчивыми фиолетовыми закатами. По утрам плещется в Волге рыба... Высоко в небе, курлыча, пролетают запоздалые журавли* (В. Некрасов).

К **традиционно-грамматическим** средствам связи относятся:

1. Порядок слов, отражающий особенности тема-рематическо-го членения в ССЦ: *Я помнил его просьбу навестить геолога Шацкого. Он жил на окраине города, на улице, широкой рекой спускавшейся с гор. По ней шли горцы* (К. Паустовский); *Самая большая цель жизни – увеличивать добро в окружающем нас. А добро – это прежде всего счастье для всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать* (Д. Лихачёв);

2. Союзы, союзные слова и союзные предложения (*в связи с этим, вот почему, однако, так как, поэтому, так же, как и*), все дейк-тические средства, употребляющиеся в начале предложений; эти

синсемантические элементы отсылают к предшествующему тексту: *Города в отличие от людей могут обретать новую молодость. И тогда они становятся особенно привлекательными* (В. Песков).

Союзы могут быть сигналом развития новой темы: *Изда была у нас маленькая, домовому спрятаться негде, но я не сомневался, что он существует.*

Но мир расширялся. И скоро единственным местом, где мог жить домовый, оставался лес (В. Песков);

3. Формы грамматического (морфологического и синтаксического) времени и вида, указывающие на одновременность или последовательность ситуаций, на временной план изображения: *Вдруг она вздрогнула и обернулась к балкону. Беспокойство овладело ею. Она встала, пошла около кресел, остановилась на минуту за стулом старого генерала Р., ничего не ответила на его тонкий мадригал и вдруг скользнула на балкон* (А. Пушкин).

Определённым образом соотносятся друг с другом формы прошедшего времени несовершенного / совершенного вида в начале XIV главы повести «Дубровский»: *Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пяльцах, перед открытым окошком. Она не пугалась шелками... Под её иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то её мысли не следовали за работой, они были далеко.*

В составе следующих друг за другом предложений – формы прошедшего несовершенного. Они расположены как бы на одной поверхности и вместе способствуют цельности описания – фона для последующих событий, которые разворачиваются стремительно: *Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошёл и позвал её к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет* – стремительность развивающихся событий передаёт ряд глагольных предложений с прошедшим совершенным в их составе. Стремительность подчёркивается и лексически, наречием *вдруг* в начале ССЦ.

4. Вводные слова используются для логической организации речи (*следовательно, значит, во-первых, наконец*) или выражения других модальных значений: *Как давно Анна не жила так – с муравьями, с деревьями, с собой, с Чеховым. Книги сохранили его мысли, энергетику души. В сущности, саму душу. Значит, можно беседовать. Правда, общение одностороннее: она Чехова познаёт, он её нет* (В. Токарева) – *в сущности* – выразитель уточняющего значения по отношению к предшествующему предложению;

значит – указывает на вывод; *правда* – на дополнительное замечание, ограничивающее этот вывод. См. также ССЦ В. Полторацкого.

5. Синтаксический параллелизм: *Петух был такой красивый. На шею огненное ожерелье. Спина серая, в мелких белых пестринках, а в пышном хвосте длинные, серпообразные сине-чёрные перья* (Е. Носов).

6. Неполнота предложений, отсылающая к предшествующим элементам текста: *Хлеб режет Горкин. Кладёт и мне: огромный, всё лицо закроешь* (И. Шмелёв).

Эти средства связывают не только отдельные предложения между собой, но и более крупные отрезки текста – ССЦ, абзацы и даже главы, и в этом плане приобретают статус средств когезии.

Перечисленные структурные средства связи не обязательно должны присутствовать во всём объёме в каждом тексте. Использование формальных средств связи характеризуется избирательностью, но смысловое единство частей текста обязательно:

Всё в течение дня совершалось в известную пору. Утром, ровно в восемь часов, всё общество собиралось к чаю; от чая до завтрака всякий делал что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком (имение было на оброке), с дворецким, с ключницей. Перед обедом общество опять сходилось для беседы; вечер посвящался прогулке, картам, музыке. В половине одиннадцатого Анна Сергеевна уходила к себе в комнату (И. Тургенев) – смысловая организация этого ССЦ поддерживается следующими формальными средствами его связности: обстоятельством детерминантами с временным значением (*в течение дня, утром в восемь часов; от чая до завтрака; перед обедом*); функционально-стилистическим эквивалентом обстоятельного детерминанта (*вечер; в половине одиннадцатого*); общностью видовременных форм глаголов-сказуемых; синтаксическим параллелизмом двусоставных предложений; семантическим соотношением лексем типа «часть-целое» (*общество, всякий, хозяйка*), лексической перифразой (*хозяйка, Анна Сергеевна*).

1.3. АБЗАЦНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ТЕКСТА

От ССЦ следует отличать абзац. Если ССЦ – структурно-семантическая единица, то абзац – единица композиционно-стилистического членения текста.

Абзац – это часть текста между двумя отступами (красными строками). С помощью абзаца выделяются отрывки связного тек-

ста, значимые с композиционной точки зрения. Композиционно организуя текст, абзац выполняет логико-смысловую или эмоционально-экспрессивную функцию.

Если абзацное членение ведется по логико-смысловому признаку, то первые предложения каждого абзаца намечают основную содержательную линию текста. Вот, например, первые предложения абзацев одного из отрывков повести А. Пушкина «Дубровский»:

1. *Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию. (...)*

2. *Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей, Гриша, его камердинер, подал ему письмо. (...)*

3. *Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. (...)*

4. *Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце. (...)*

5. *Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия.*

6. *Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уж на большой дороге.*

Этот ряд сообщений, отражая естественную логическую последовательность смысловых звеньев, представляет собой ёмкий по содержанию рассказ без детализирующих описаний.

Если абзацное членение ведется по эмоционально-экспрессивному признаку, то сочетание первых предложений абзацев лишено тематической завершённости и логической последовательности:

1. *Кудрин надеялся заснуть, но сон не шёл. Лёгкий озноб щекотал тело и не давал успокоиться. И нахлынули мысли. Вспомнился Шамурин с его рассказом: палач и жертва своего фанатического безумия.*

2. *Безумие ли?*

3. *Кудрин приподнял подушку за спиной и остался в таком положении – полулёжа-полусидя.*

4. *Безумие ли? Да, конечно, безумие, но в нём была и своя жестокая, мрачная прямолинейная логика. Шамурин упрямо и неуклонно шёл по своей линии, без компромиссов и отступлений. Своя и чужая жизнь в жертву делу, в жертву идее искусства.*

5. *Несчастный старик! (Б. Лавренёв)*

Членение текста на абзацы является важным стилеобразующим фактором. Абзацное членение по логико-смысловому признаку характерно для описательного контекста, а членение по

эмоционально-экспрессивному – свойственно напряжённому, лирически взволнованному повествованию.

Абзац не имеет особой структуры, как ССЦ. Он может содержать описание нового этапа в развитии действия, авторское отступление, описание места или времени действия, характеристику героев и т.п. Следовательно, абзацное членение зависит также от смыслового членения текста.

Поскольку ССЦ объединяет предложения, тесно спаянные семантически, то абзац и ССЦ в своих границах могут совпадать, но это не обязательно. Вот пример такого совпадения границ ССЦ и абзаца из рассказа А. Чехова «Дом с мезонином», в котором дана характеристика обеих сестёр:

А у белых каменных ворот, у старинных крепких ворот со львами, стояли две девушки. Одна из них, постарше, тонкая, бледная, очень красивая, с целой копной каштановых волос на голове, имела строгое выражение и на меня едва обратила внимание; другая же, совсем ещё молоденькая – ей было семнадцать-восемнадцать лет, не больше – тоже тонкая и бледная, с большим ртом и с большими глазами, с удивлением посмотрела на меня, сказала что-то по-английски и сконфузилась. И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон.

Если абзац выполняет не только смысловую, но и выделительную, эмоционально-экспрессивную функцию, то он может состоять из одного предложения (см. текст Б. Лавренёва), являющегося композиционно важным в тексте: например, А. Чехов выделяет в отдельный абзац следующее предложение: *Она пошла к себе наверх укладыватьсь, а на другой день простилась со своими и, живая, весёлая, покинула город, – как полагала, навсегда.*

Границы абзацев и ССЦ нередко не совпадают. ССЦ может быть разбито на несколько абзацев. Вот пример ССЦ, разделённого автором на четыре абзаца:

Во время путешествий мы часто бываем восхищены блеском чужеземной природы, но она никогда не сможет затмить природу русскую.

Я испытал это на себе, когда в туманных предосенних садах Версаля я – совсем не знаю почему – вспомнил городок Спас-Клепики, и у меня заныло сердце.

В этом городке было собрано всё, чем хороши такие наши городки: домишки с разошедшимся мезонинами, старые вязы, деревянный мост через чистую реку.

Я не боюсь признаться, что поэзия сонного летнего дня в таком городке была ближе моему сердцу, чем величавая пустыньность версальских садов (К. Паустовский).

Абзац может состоять из нескольких ССЦ. Так, в абзаце из поэмы Н. Гоголя «Мёртвые души» при описании приезда Чичикова к Коробочке раскрываются три микротемы, и следовательно, имеются три ССЦ: 1) Ночной визит и собачий концерт; 2) Внутреннее убранство комнаты; 3) Характеристика хозяйки:

Ворота отперлись. Бричка, въехавши на двор, остановилась перед небольшим домиком, который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом. Между тем псы заливались всеми возможными голосами: один выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал бог знает какое жалованье; другой отхватывал наскоро, промеж них звенел неугомонный дискант, и всё это наконец повершал бас, наделённый дюжею собачьей натурой. На крыльцо вышла какая-то женщина, она проводила его в комнату. / Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные зеркала с тёмными рамками; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... невмочь было ничего более заметить. / Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет, с фланелью на шее, одна из тех матушек-помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки, а между тем набирают понемногу деньжонок в мешочки. В один мешочек отбирают все целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комоду ничего нет, кроме белья да салона, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит. Но не сгорит платье, бережлива старушка.

1.4. СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ И ПЕРИОД

Период (греч. *periodos* – круг, обход, круговращение; цикл) – развёрнутое синтаксическое построение, образованное простым или сложным предложением, а также ССЦ. Дифференциальными признаками таких построений являются – бинарность (двучленность); структурная замкнутость; семантико-структурная взаимосвязь и взаимообусловленность частей; контрастная интонационная оформленность компонентов: первая часть характеризуется повышением, восходящим движением тона, а вторая – понижением, нисходящим движением тона; длительная пауза между частями; структурно-семантический параллелизм членов частей периода. Например: *Явившись к полковому командиру, получив назначение в прежний батальон, сходявши на дежурство и на*

фуражировку, войдя во все маленькие интересы полка и почувствовав себя лишённым свободы и закованным в одну узкую неизменную рамку, Ростов испытал то же успокоение, ту же опору и то же сознание того, что он здесь дома (Л. Толстой);

Как ни ярок был день, как ни золотило солнце те места на снегу ли, на деревьях ли, куда оно попадало прямыми лучами, как ни густа была синева там, куда не достигало солнце, как ни розовели вверху безлистые купы берёз, как ни ослепительно сверкали иногда крупные кристаллики снега..., – всё же ничего не было ярче красных грудочек снегирей (В. Солоухин).

В обоих примерах имеем чёткое ритмико-интонационное и смысловое членение всего предложения на две части; ритмичность периода получает выражение в том, что он заключает в себе ряд однородно построенных соразмерных компонентов (в первом – однородные обособленные обстоятельства времени; во втором – однородные придаточные уступительные); наличие следующих одна за другой параллельных конструкций приводит к ритмичности произношения периода. Построение периода характеризуется двучленностью, что и отражается на его произношении: он распадается на две взаимно уравновешенные части – первая представляет повышение, вторая – понижение. Этим создаётся интонационная целостность периода, напоминающая простое предложение, также характеризующееся соединением повышения и понижения частей.

Но в отличие от простого предложения в первой части имеется несколько компонентов, и каждый последующий произносится более высоким тоном, чем предыдущий за счёт эмфатического ударения, и этим создаётся характер всё возрастающего напряжения; кульминация повышения падает на последний член первой части, завершение которой получает выражение в длительной паузе. После неё со значительного понижения начинается вторая часть, оканчивающаяся глубоким понижением в конце.

Обычно члены периода строятся симметрично, представляют собой предложения (или обороты) одной структуры, с одним порядком слов, с однотипными по форме сказуемыми; при этом широко используется анафора (единоначатие) и другие лексические повторы, синонимическая и антонимическая лексика.

Особенности периода ярко проявляются в стихотворной речи с её делением на строфы, отдельные строки, подчинённые общему ритму, увязанные рифмами и имеющие соразмерное количество слогов.

В качестве классического примера периода, в котором в одно целое увязан ряд сложных и глубоких мыслей, выраженных в со-

размерных и ритмических синтаксических построениях, может служить стихотворение М. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива». Замечательный русский писатель Б. Шергин однажды написал, что русская природа – это икона Господа нашего Спасителя Иисуса Христа. Восприятие природы как иконы при-суще и М. Лермонтову в этом стихотворении:

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ве-
терка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного
листка;
Когда росой обрызганный души-
стой,
Румяным вечером иль утра в час
златой,
Из-под куста мне ландыш серебри-
стый
Приветливо кивает головой;*

*Когда студёный ключ играет по ов-
рагу
И, погружая мысль в какой-то
смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится
он, –
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на че-
ле, –
И счастье я могу постигнуть на
земле,
И в небесах я вижу Бога.*

Здесь важная лирическая тема уложена в один период, кото-рый и составляет законченное стихотворение. Этот период с точ-ки зрения своей структуры представляет собой сложное предло-жение, включающее в первой части развёрнутые временные при-даточные части, и во второй части – главные предложения. Такое сложное предложение характеризуется полнотой и законченно-стью выражения мысли, а также специфической интонацией.

Начинающиеся одним союзом *когда* придаточные части, за-нимая по одной строфе, имеют одинаковый интонационный ри-сунк: каждая последующая строфа произносится более высоким тоном, происходит интонационное нарастание, градация, и куль-минация повышения падает на последнюю строку третьей стро-фы *Про мирный край, откуда мчится он*.

В этих трёх строфах и развёртываются картины природы, при этом их выражение придаточными ясно указывает, что они пред-ставляют интерес не сами по себе, а в связи с последующим.

В первой строфе природа отделена от лирического героя, она предстаёт как нечто внешнее. Но природа выступает здесь уже не в качестве набора деталей пейзажа, она наделяется своей жизнью и даже одушевляется: *И прячется в саду малиновая слива*.

Во второй строфе мы наблюдаем переход от одушевления к очеловечиванию природы. Она вступает в диалог (пока только мимический) с лирическим героем: *Мне ландыш серебристый /*

Приветливо кивает головой. Ключевое значение имеет здесь местоимение *мне*: оно подчёркивает, что поэт входит в изображаемый им мир на правах участника общения, при этом достижение гармонии становится возможным и для него.

Наконец, в третьей строфе на смену мимическому диалогу приходит речевое общение: *...студёный ключ... / Лепечет мне таинственную сагу...*

И в последней строфе ощущение одиночества, отъединённости от мироздания и связанная с этим тревога преодолеваются не через усилия самого поэта, но через исполненное любви к нему обращение природы. Внешнее становится внутренним, и изнутри идёт ответная реакция, порождённая внезапно возникшим ощущением счастья и высшей гармонии: *Тогда смирятся души моей тревога, / Тогда расходятся морицины на челе, / И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу Бога.*

Именно в последней строфе, включающей четыре строго соизмеренных (синтаксический параллелизм) предложения, воплощается высокое содержание стихотворения: многократная попытка лирического героя обрести покой и душевный мир в единении с природой приводит к углублённому видению мира и самопознанию: счастье на земле и чувство близости к Богу оказываются тесно связанными. Счастье – это ощущение себя частью целого, причастности к гармонии мироздания.

Для Лермонтова Бог – личное существо, и познание его возможно, не умозрительно, но через ощущение живого диалога, контакта, которое возникает у поэта в лучшие минуты его жизни под воздействием одушевлённой и животворящей природы.

Обратим внимание на то, что в XVIII и начале XIX вв. период культивировался как книжная конструкция, несущая торжественную, приподнятую, вообще высокого типа тональность. Этот тип экспрессии за периодом сохраняется в течение XIX, да и XX вв., хотя экспрессивный элемент в нём снижается.

Периодическая форма стихотворной речи использовалась А. Пушкиным, поэтами «пушкинской плеяды», а позднее мы встречаем её у А. Толстого, К. Случевского, И. Бунина, А. Блока (*Когда в листве сырой и ржавой...*), ближе к нам – у Н. Заболоцкого, А. Ахматовой и Н. Рубцова (*Когда душе моей / Сойдёт успокоенье...*).

Периодические построения располагают широкими стилистическими возможностями, и их основными функциями являются текстообразующая и экспрессивная. **Текстообразующая** функция периода проявляется в известной самостоятельности и независимости от контекста. И поэтому он может быть использован в раз-

личных композиционно важных частях текста, но это не исключает его тесную соотнесённость с окружающим контекстом. **Экспрессивная** функция периода состоит в том, что периодические построения используются с целью создания торжественности, взволнованности, приподнятости и лирического пафоса (вплоть до патетического звучания).

Такие функции предопределяют и сферу их употребления – художественная литература (поэзия и проза) и публицистика.

Что касается художественной литературы, то период, будучи исторически сложившейся формой выражения мысли, даже в своих сложных модификациях безусловно служит одному писателю и оказывается недоступным для другого.

Если обратить взор в историю русской периодической формы речи, то с неопровержимостью можно утверждать, что Л.Н. Толстой, с одной стороны, усовершенствовал некоторые типы периодов, а с другой – разработал их новые виды в составе периодов с гипотаксической связью между повышением и понижением. Отдельные из собственно толстовских периодов стали достоянием литературного языка не благодаря авторитету писателя, а вследствие их большой двойной специфичности – структурной и логико-стилистической.

Сложные предложения и периоды «громоздкого склада» в авторском языке Л. Толстого закономерны с точки зрения норм языка, стилистически выразительны, логически ясны. Оценивая периодическую форму речи в произведениях Л. Толстого, А. Чехов говорил: «Вы обращали внимание на язык Толстого? Громадные периоды, предложения нагромождены одно на другое. Не думайте, что это недостаток. Это искусство, и оно даётся после труда. Эти периоды производят впечатление силы» (Русские писатели... 1954, с. 423).

Так, например, современная система временных периодов обязана Л. Толстому своей самой ёмкой и вполне стилистической моделью, в основании которой положен анафорически повторяемый синонимический ряд союзных сочетаний в сильно развёрнутых (синтаксически) членах периода. Эти конструкции Л. Толстой применил впервые в 1856 году как своеобразное вступление-пролог к повести «Два гусара» и облёк в форму следующего периода (приведём его модель с купюрами): *В 1800-х годах, в те времена, когда не было ещё ни железных, ни шоссейных дорог... ни милых дам-каamelий, которых так много развелось в наше время, – в те наивные времена, когда из Москвы, выезжая в Петербург в повозке или карете, брали с собой целую кухню домашне-го приготовления..., когда в длинные осенние вечера нагорали*

сальные свечи, освещая семейные кружки из двадцати и тридцати человек...; когда наши отцы были ещё молоды не одним отсутствием морщин и седых волос, а стрелялись из-за женщин...; когда прелестные дамы-камелии прятались от дневного света, – в наивные времена масонских лож, во времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных, – в губернском городе К. был съезд помещиков, и кончались дворянские выборы.

Модель этого нового для русского языка типа периода стандартизировалась, стала предметом внимания писателей, тяготеющих к включению в язык произведений сложных синтаксических конструкций.

В связи с тем что в периоде получает выражение то или иное положение с указанием его условий или вызывающих его причин и других связанных с ним обстоятельств, он получает структуру разных типов сложных предложений, имеющих ряды придаточных, например:

– условных (в первой части указывается на условия, при которых происходит то, что описано во второй части): *И если вы, уважаемый читатель, нашли в этой книге что-то интересное для себя, если хоть одна из глав дала вам пищу для размышлений, если какой-то случай запомнился вам, а какой-то пример пригодился в жизни, – тогда автор будет считать, что он свою задачу выполнил* (А. Аграновский);

– уступительных (в первой части даётся описание обстоятельств, препятствующих осуществлению того, о чём говорится во второй): *Как ни тяжело было княжне Марье выйти из того мира уединённого созерцания, в котором она жила до сих пор, как ни жалко и как будто совестно было покинуть Наташу одну, – заботы жизни требовали её участия, и она невольно отдалась им* (Л. Толстой);

– временных (подчёркивается временная соотнесённость событий, представленных в частях): *В Москве, как только он въехал в свой огромный дом с засохшими и засыхающими княжнами, с громадной дворней, как только он увидел – проехав по городу – эту Иверскую часовню с бесчисленными огнями свеч перед золотыми ризами, эту Кремлёвскую площадь с незаезженным снегом, этих извозчиков, лачужки Сивцева Вражка, увидел стариков московских, ничего не желающих и, никуда не спеша, доживающих свой век, увидел старушек, московских барынь, московские балы и московский Английский клуб, – он почувствовал себя дома, в тихом пристанище* (Л. Толстой);

– причинных (между частями – причинно-следственные отношения):

*За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А может быть, и не могли не лгать;
За то, что торопясь, от бедной жизни
брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам
дать,
За то, что с детских лет в вас жажда
идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,*

*Путём раздумия и часу не ве-
ла;
Что вы не плакали, что вы не
сомневались,
Что святостью труда и бод-
ростью его
На новые труды идти не под-
визались, –
Обманутая жизнь не даст
вам ничего*

(К. Случевский)

В художественной речи (стихотворной) возможны периоды и с бессююзной связью частей и членов:

*Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекише в мечтах любви напрас-
ной, –
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладостраст-
ной.*

*Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые, –
Мне вас не жаль, изменницы мла-
дые, –
Задумчивый, забав чуждаюсь я...*

(А. Пушкин)

Период может быть простым предложением, первая часть которого представляет собой цепь обособленных членов (обстоятельств, определений); первая часть такого периода, определяя какое-либо слово во второй его части, одновременно вступает с ней в смысловые отношения: однородные определения выражают в своей совокупности основание для вытекающего следствия. Таким образом, обнаруживается и внутреннее взаимоотношение между первой и второй частями периода.

При анализе таких простых определительных периодов обращается внимание на то, что данный период содержит развёрнутую характеристику подлежащего или сказуемого: *Москва, быв ещё недавно столицей без государства, окружённая неприятельскими владениями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодом, и ввечеру не зная, кого утреннее солнце осветит в ней на престоле, законного ли Венценосца Российского или бродягу, клевету разбойников иноземных, – Москва снова возвышала главу над обширным царством, простирая руку к Ильменю и к Енисею, к морю Белому и Каспийскому, опираясь в стенах своих на легионы победоносные и наслаждаясь спокойствием, славою, изобилием* (Н. Карамзин) – это ещё и пример кольцевого периода, в котором подлежащее как бы обрамляет перечисляющую часть.

Итак, периодическая форма речи употребляется преимущественно в художественной прозе и поэзии, публицистике; в первом

случае основное значение приобретает эмоционально-образная функция, тогда как в публицистических текстах преобладает логико-эмоциональная; с точки зрения структуры – это простые, а чаще сложные предложения, в основном соотносимые с ССЦ.

1.5. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ ТЕКСТА

Состав формальных средств текстовой связи представляет собой систему, функционирование которой регулируется определёнными нормами и правилами построения текста. Однако избирательность средств связи, их варьирование зависят от стиля изложения, от авторской манеры, а также от функционально-смыслового типа текста: описания, повествования, рассуждения.

Каждый тип имеет свои композиционные особенности. В композиции (лат. *compositio* – сочинение, составление, соединение) принято выделять экспозицию (обстановка, предшествующая началу действия), завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.

1.5.1. Описание

Описание – это изображение какого-либо явления действительности путём перечисления и раскрытия его основных признаков: *Поздняя осень. Грачи улетели. / Лес обнажился. Поля опустели. / Только не сжата полоска одна. / Грустную думу наводит она* (Н. Некрасов).

В синтаксическом плане описанию свойственна перечислительная структура, иногда ремарочность, наличие предложений разных типов, но часто используются номинативные, безличные и неполные эллиптические предложения для описания состояния природы, обстановки: *Август месяц. Тихо. Сухо. Предраассветный час* (М. Исаковский); *Сорок трудный год. Омский госпиталь. Коридоры сухие и маркие* (Р. Рождественский); *Справа от них – густая роща из молодого пихтача, а слева – сухостойные кедры, раскинувшие свои высохшие сучья* (Г. Марков).

При описании объекта речи раскрывается, уточняется состав, структура, свойства, качества, форма, назначение предмета и т.д. путём перечисления признаков, характерных для данного момента обстановки, картины или предмета или вообще присущих этому объекту речи. Перечисляемые признаки являются составными частями этой картины, обстановки, и в совокупности они и создают представление о данном объекте речи:

Метель не унималась. И небо и земля – весь белый свет был заполнен взбудораженным снегом. Снежинки забивали глаза, ноздри, уши, при порывах ветра остервенело хлестали по щекам. Деревья качались, поскрипывали. Было сумрачно, серо, как бывает перед наступлением потёмков (Г. Марков) – картина метели выражается предложениями, составляющими целый описательный контекст на данную тему. Эта картина складывается из ряда одновременных явлений как признаков данного состояния природы: *всюду взбудораженный снег; снежинки забивают глаза, уши, больно хлещут по щекам; порывы ветра; раскачивающиеся деревья и сумерки.*

Признаки описываемого объекта речи могут обозначать внешние свойства (например, рост человека, его возраст, цвет глаз, волос...) или внутренние качества (род занятий, увлечения...), временные явления (деревья покачивались, поскрипывали, было сумрачно...), постоянные свойства (осенью в поле пусто, дует холодный ветер...). Суть вещи познаётся не только через видимые её признаки, но и через её проявление, поэтому в описании возможно обозначение не только присущего качества предмета, но и его действия, состояния.

Вот описание обстановки: *Обширный кабинет был убран со всевозможной роскошью; около стен стояли шкафы с книгами и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало; пол был обит зелёным сукном и устлан коврами* (А. Пушкин) – перечислены признаки кабинета, эта картина статична, в ней нет никакого движения.

А вот описание пейзажа: *Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую рощицу; тень от неё тянулась через неподвижные поля... Солнечные лучи забирались в рощицу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осин таким тёплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела, и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарёй* (И. Тургенев) – признаками этого пейзажа являются процессы и даже действия (*вечерело, скрылось, тянулось*), но они указывают не на развитие действия, а на процессы в данный момент (один временной план) и воспринимаются как застывшие. Поэтому содержание этой картины, как и предыдущей, статично.

Можно отметить историю развития некоторых типов описания. В прозе XIX в. широкое распространение получает описание-портрет. Он встречается у А. Пушкина (описание Пугачёва в «Капитанской дочке»), занимает значительное место у И. Тургенева. У Л. Толстого этот тип описания сокращается в объёме. Для А. Чехова портрет становится вообще несущественным

элементом. Так, А. Чехов не даёт портрета Беликова («Человек в футляре»), он описывает не внешность персонажа, а всё, что её скрывает: в калошах и с зонтиком и непременно *в тёмном пальто на вате, он носил тёмные очки, фуфайку, уши закладывал ватой*. Об облике Анны Сергеевны («Дама с собачкой») сказано только, что она *молодая дама, невысокого роста, в берете*, о Гурове ещё меньше: *ему не было ещё сорока*.

Итак, с помощью описания воссоздаётся мир предметов, устанавливаются связи между ними. Описание характеризуется статичностью, прямой модальностью и перечислительной интонацией. Цель описания – чтобы читатель (слушатель) увидел предмет описания, представил его в своём сознании. Поэтому наиболее характерны такие элементы его композиции: общее представление о предмете; отдельные признаки предмета; авторская оценка, вывод заключения.

1.5.2. Повествование

Повествование – это сообщение о последовательно развивающихся действиях; на первый план выдвигаются порядок их протекания, развитие сюжета.

Произведения повествовательного типа могут начинаться сразу с завязки и даже развязки действия, т.е. событие может передаваться в прямой хронологической последовательности и обратной, когда мы сначала узнаём о развязке, а потом уже о самом действии. Иногда действие раскрывается в прямом порядке, но повествователь время от времени отступает от хронологической последовательности, вспоминает о том, что было раньше, или забегает вперёд, сообщая, что произойдёт в дальнейшем.

Выразительная и образная сила повествования заключается в наглядном представлении действия, движения людей во времени и пространстве: *Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствии уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирилла Петрович* (А. Пушкин).

Повествование – речь динамическая, что достигается использованием целой системы языковых средств – семантикой глаголов, сменой времён глаголов, видом глагола, модальностью высказывания, порядком слов.

Глаголы одного семантического ряда, отнесённые к одному субъекту, могут создавать динамику действия: *утром вставать, делать зарядку, умываться, завтракать, идти на работу...*

Смена времени глаголов в микротеме служит средством развития действия: *Вот уже полтора месяца, как я в крепости. Максим Максимович ушёл на охоту. Я сижу у окна... Скучно. Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями* (М. Лермонтов).

Вид глагола – одно из основных средств выражения развития действия. В повествовании чаще употребляется совершенный вид глагола, так как он указывает на действие в пределе, законченности: *Потом дедушка указал на подскакавшего к самому шалашу нарядного удода, или лесного петушка, как звал он эту, льнущую к нам птицу. Удод распустил хохолок, и над его головой поднялись вместо одного два веера. Поворачиваясь к нам, он несколько раз прокричал: Худо тут! Худо тут! Худо тут!* (М. Алексеев).

Повествовательная речь обладает различными средствами передачи всевозможных оценок, отношения действия к действительности, а также говорящего к высказываемой мысли. Эти значения модальности выражаются изъяснительным наклонением с различными оттенками (плюс модальные частицы), а также сослагательным, формами повелительного наклонения в значении изъяснительного, использованием предикативных слов с модальностью желания, возможности, необходимости, долженствования: *На Полицейской... Вот так я иду, а вот так он едет... И как **равнёт**... На мелкие кусочки... Господи, помилуй... Лошадей поубивало, кипажд на мелкие кусочки* (В. Катаев).

Для обозначения энергичного начала действия используется частица *ну* с инфинитивом: *Вот к конюшне прибегают, / Двери настезь отворяют, / И начали дурака / **Ну подталкивать** в бочка* (П. Ершов).

Значение желания и возможности может реализовываться с помощью сослагательного наклонения: *Соловушка, душа моя! Я слышу, что тебя везде за песни славят / И с лучшими певцами рядом ставят. **Хотела б** очень я сама тебя послушать* (И. Крылов).

Для динамики повествования используются обстоятельственные слова со значением времени: ***В течение нескольких секунд** пастушонок и Метелица смотрели в глаза друг другу. **Потом** парнишка перевёл взгляд на начальника эскадрона, потом на мужика...* (А. Фадеев).

В повествовании чаще, чем в описании, наличествует и субъективная модальность в виде вводных слов: *Я, к **сожалению**, должен добавить, что в том же году Павла не стало: он убили, упав с лошади. **Жаль**, славный был парень* (И. Тургенев).

В создании динамичности повествования большую роль играет и порядок слов в предложении. Подчёркнутым, стилизованным

характером выделяется сказовое повествование обычно с глаголом на первом месте: *Был Серёжа именинник, много ему разных подарили подарков... Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку. Достал Серёжа семья, насыпал на дощечку...* (Л. Толстой).

По использованию синтаксических построений и типов связи предложений повествование противопоставлено описанию: описание строится в основном на использовании форм несовершенного вида, повествование – совершенного; цепная связь предложений в повествовании – для описания более характерна параллельная связь; для повествования нетипичны номинативные и безличные предложения, широко представленные в описательных контекстах.

Повествование – тип речи, функционирующий прежде всего в художественных текстах и оформляющий рассказ о событиях, система которых составляет сюжет произведения; а также в текстах некоторых жанров публицистики – репортажа, очерка, в текстах-рассказах в разговорном стиле, в которых могут органично сочетаться элементы описательности и повествовательности.

И в художественном тексте К. Васильева: *Устав читать, я отложил книгу, спустился вниз и вышел на воздух. Я направился к бассейну. Оттуда доносились голоса купающихся. / Ветер совсем утихомирился. Солнце раздобрилось и не жалело тепла. Для тех, кто зелёную траву, цветы и деревья предпочитает тротуарам и зданиям, день был настоящим подарком* – в начале изложения – повествование, в конечных предложениях – описание.

А вот особенностью лермонтовского повествования является его манера сопровождать то, о чём повествует, оценкой в виде рассуждения: *И вот я вижу, бежит опять вприпрыжку моя Ундина; поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивлённая моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры: пеньё и прыганье не прекращалось ни на минуту. Странное существо!* – последние строки являются рассуждением по поводу странного поведения девушки.

1.5.3. Рассуждение

При рассуждении устанавливается взаимосвязь событий и явлений, раскрываются их причины; передаётся ход развития мысли, идеи. Рассуждение требует логически стройной системы доказательств, так как цель рассуждения – убедить адресата в чём-либо, укрепить или даже изменить его мнение.

В тексте-рассуждении обычно выделяются три части: 1) тезис (высказывается какая-то мысль); 2) доказательство (или опровержение) этой мысли, т.е. аргументы: а) ..., б) ..., в) ..., сопровождаемые примерами; 3) вывод, заключение: *Зачем нужно изучать синтаксис? Синтаксис нужно изучать для того, чтобы, во-первых, уметь правильно строить предложения и тексты; во-вторых, уметь правильно ставить знаки препинания; в-третьих, выразительно читать и говорить и, наконец, лучше и глубже понимать чужую речь уметь слушать других людей.*

Таким образом, знание синтаксиса помогает совершенствовать устную и письменную речь.

Тезис должен быть доказуемым и чётко сформулированным. Аргументы должны быть убедительными, и их должно быть достаточно для доказательства тезиса. И чем они будут убедительнее, чем яснее сформулированы, тем неотразимее всё рассуждение и бесспорнее вывод.

Доказательства используются не только в научной речи и публицистике, но и в художественных произведениях и в разговорном бытовом общении.

В логике «рассуждением называется ряд суждений, которые все относятся к определённом предмету или вопросу и которые идут одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, а в результате получается ответ на поставленный вопрос. Что организм состоит из клеток, что площадь треугольника равняется половине произведения основания на высоту, что Пётр I был одним из величайших русских государственных деятелей, – все эти и многие другие суждения не просто провозглашаются в качестве истин, но обосновываются при помощи рассуждений» (Асмус 1947, с. 147).

В этом определении рассуждению даётся логическая трактовка, но рассуждение – это и категория языка, и поэтому в определении рассуждения важно подчеркнуть его речевую характеристику: рассуждение – это такой тип речи, который характеризуется особыми отношениями между входящими в его состав суждениями, образующими умозаключение, и специфической языковой структурой, зависящей не только от причинно-следственной логической основы рассуждения, но и от смыслового значения выводимого суждения.

Со структурно-смысловой точки зрения рассуждение является именно типом речи, а не способом изложения мысли. Способ изложения мысли может меняться в зависимости от темы и стиля говорящего, тогда как тип речи от этих факторов не зависит. Выбор типа речи определяется характером объекта мысли и речи.

Если, например, нужно выразить причинно-следственные отношения между явлениями с целью оценки, то как бы ни меняли способ, стиль изложения мысли, рассуждение останется рассуждением и не станет ни описанием, ни повествованием.

Например: «*Орёл, чистый орёл, – говорила соседка... – Смелый был, рискованный*» (А. Рыбаков) – это высказывание имеет стиль разговорной речи, а по типу речи – рассуждение, потому что опирается на причинно-следственные логические отношения между суждениями: *Он орёл. Он смелый и не боится риска.*

Итак, рассуждение с языковой точки зрения – это тип речи, опирающийся в логическом плане на умозаключение и имеющий свою структурно-языковую характеристику.

А начинать текст рассуждения может тезис, который иногда имеет форму вопроса. После тезиса (в форме повествовательного предложения) можно поставить вопрос: Почему? Зачем?

Важным средством выражения логических связей между композиционными частями и отдельными высказываниями являются слова и структуры – специальные средства связи, указывающие на:

– последовательность развития мысли: *вначале, прежде всего, во-первых, во-вторых, затем, далее, идём дальше, продолжаем...*;

– причинно-следственные отношения: *вследствие этого, из этого следует, это позволяет предположить, поэтому, благодаря этому, следовательно, вследствие этого, это обусловлено...*;

– переход от одной мысли к другой: *обратимся к, рассмотрим, прежде чем перейти к, остановимся на, необходимо рассмотреть, отсюда имеем...*;

– противоречивые отношения: *однако, между тем, с другой стороны, невзирая на, в то время как, тем не менее, и всё-таки...*;

– итог, вывод: *итак, следовательно, значит, таким образом, обобщая сказанное, в заключение скажем, всё сказанное позволяет сделать вывод, подводя итоги, следует сказать, что и требовалось доказать...*

В качестве средств связи используются союзы и союзные аналогичности: *так как, так что, в связи с чем, поэтому, потому, поскольку, ибо, потому что, для того чтобы, отсюда...*; местоимения, прилагательные, причастия: *данные, этот, такой, названные, указанные, следующий...*

Синтаксическая структура предложений, обозначающих суждения, посылки, различная; однако общим для всех этих предложений является то, что все они находятся в причинно-следствен-

ной смысловой связи с выводом, поэтому общей структурной особенностью таких предложений является наличие союзов причины, условия в посылках (а также союзов и наречий, вводных слов со значением следствия в выводе).

Однако причинно-следственная связь осуществляется часто без формальных средств, что характерно для разговорной речи: *...человека же ничего для себя не буду заставлять делать. Ведь он такой же, как я* (Л. Толстой) – это сокращённое умозаключение из двух посылок, из которых вторая содержит указание на вывод-причину.

Аргументация, обоснование в художественной речи делает изображение более наглядным, психологически более достоверным, помогает читателю почувствовать внутреннее состояние героя: *Он стоял, положив руки на спинку сидения и, очевидно, волновался: лицо его было красно, и на щеке вздрагивал мускул* (Л. Толстой).

Обычно при рассуждении, особенно в художественной речи, используются одно-два средства связи: *Прятели называли его Тюфяком. За его медлительность, неповоротливость и неловкость. Если в классе писали контрольную работу, то ему всегда не хватало времени – он раскачивался только к концу урока. Если он пил чай, то на столе вокруг его блюда образовывалась большая чайная лужа. Он ходил вразвалку и обязательно задевал за край стола или сбивал стул. У него всё валилось из рук, всё не ладилось. Одним словом, тюфяк* (Ю. Яковлев).

Рассуждение как текстовое явление сформировалось в научной речи. Именно благодаря научному стилю русский литературный язык в процессе своего развития обогатился рассуждением в его наиболее «чистом» виде во всех основных разновидностях: доказательство, подтверждение, обоснование и объяснение.

Для художественных, публицистических, официально-деловых текстов нехарактерно строго логичное развёрнутое собственное суждение. Например, в художественных текстах рассуждение предстаёт в виде его эмоционального варианта, при котором причинно-следственная связь между суждениями прослеживается, но не объединяет их жёстким логическим стержнем: *Сейчас на реке я подумал, что шедевры существуют не только в искусстве, но и в природе. Разве не шедевр этот крик журавлей и их величавый перелёт по неизменным в течение многих тысячелетий воздушным дорогам?*

Птицы прощались со Средней Россией, с её болотами и чащами. Оттуда уже сочился осенний воздух, сильно отдающий вином.

Да что говорить! Каждый осенний лист был шедевром, тончайшим слитком из золота, обрызганным киноварью и чернью (К. Паустовский) [киноварь – красная краска, полученная из сернистой ртути; чернь – художественная обработка металла; гравированный рисунок, заполненный чёрным матовым сплавом из серебра, меди и ртути].

Описание, повествование и рассуждение в тексте художественного произведения могут строиться как с точки зрения автора, так и с точки зрения персонажа, героя. Они различаются также и по степени присутствия изобразительно-выразительных элементов. Для современной прозы характерна тенденция, связанная с подробной разработкой плана персонажа, ведущей за собой использование скрытых форм выражения авторской позиции: *Васич подпустил немца поближе, шагнул навстречу и в упор выстрелил в грудь.*

Он не заметил, что сбоку подходил к нему ещё автоматчик. В тот момент, когда немец отшатнулся, падая, Васича сильно ударило. Вздрыгнув от толчка, он обернулся, увидел перед собой солдата-немца и в его руках наставленный на него брызжащий огнём автомат. Это была смерть, он понял сразу, но отчего-то не мог ничего сделать, ни крикнуть, ни отскочить, а только стоял и прикованно смотрел на этот брызжащий в него огонь.

Огромная чёрная тень сзади прыгнула на немца, и всё покапало (Г. Бакланов).

Таким образом, функционально-смысловые типы речи имеют довольно чёткие границы, которые определяются микротематическими, тематико-композиционными и языковыми признаками:

– логическими (смысловыми) – основу представляют: последовательность явлений в форме предложений – в повествовании; одновременность явлений в форме предложений – в описании; наличие причинно-следственных отношений между явлениями (на основе умозаключения) в рассуждении;

– характером сообщения: сообщение о развивающихся, изменяющихся, сменяющих друг друга действиях (явлениях, событиях) – в повествовании; перечисление одновременных или постоянных признаков предметов, явлений, действий – в описании; сообщение в виде вывода, доказательства при установлении причинно-следственной связи между явлениями – в рассуждении;

– характерной чертой типа речи: динамизм – в повествовании; статичность – в описании; наличие положения, нуждающегося в доказательстве – в рассуждении;

– языковыми признаками типов речи: семантические ряды глаголов, обозначающих поступательное движение, обстоятельст-

венные слова и выражения со значением времени – в повествовании; семантические ряды глаголов одного временного плана со значением одновременности действия, статичности признаков в сочетании с именными частями речи, качественными наречиями и модальными словами – в описании; предложения (включающие определённые лексические средства, вводные слова, формы времени), устанавливающие причинно-следственные отношения, – в рассуждении.

IV. ЧУЖАЯ РЕЧЬ

1.0. ПОНЯТИЕ О ЧУЖОЙ РЕЧИ

В художественной и официально-деловой речи автору нередко представляются поводы включить в своё изложение высказывания других лиц, которые и выступают на фоне авторской речи как своеобразный элемент, занимающий особое место. Когда говорящий выражает не только свою собственную мысль, но и передаёт речь другого лица, высказывание получает двуплановый характер: оно включает в свой состав речь, принадлежащую говорящему, и высказывание, которое не принадлежит ему. Эти включаемые в авторскую речь высказывания других лиц и получили название чужой речи, то есть **чужая речь – это высказывание того или иного лица, введённое в авторское повествование или в речь рассказчика.**

Лицо, которое передаёт чужое высказывание, называют автором, а его предложения, вводящие чужую речь, – словами автора, авторским контекстом, авторским повествованием. Лицо, чья речь передаётся, называют говорящим: *А ты, Сашенька, не твёрдо выучил басню, – говорит Оленька и смотрит на него так, будто провожает его в дальнюю дорогу* (А. Чехов).

Чужая речь широко используется в художественных произведениях – к ней относятся реплики и диалоги персонажей, а в научной речи – цитирование других авторов.

Конструкции с чужой речью – ёмкая и сложная подсистема синтаксической системы языка, связанная многими своими сторонами с другими подсистемами; в то же время она обладает внутренними признаками, и поэтому закономерно рассматривать её как синтаксическую категорию.

Заслуга выделения чужой речи принадлежит М.В. Ломоносову, который ввёл в обиход и исходные термины для обозначения основных понятий: **вносимые, вводные речи = прямые и косвенные.**

Позднее возникший общий термин «чужая речь» является результатом контаминации терминологизированных выражений – речи вносимые (М. Ломоносов), чужие слова (А. Востоков, Ф. Буслаев) и вносимые предложения (Н. Греч).

Передача чужой речи допускает ряд различных вариантов, отличающихся смысловыми и экспрессивными оттенками, синтаксическим построением. Основными формами её передачи являются 1) прямая, 2) косвенная, 3) несобственно-прямая речь: 1) *Он никак не принял её за Ольгу, мысленно восклицая: Одна! Быть не может! Не решится она, да и нет предлога уйти из дома* (И. Гончаров); 2) *Он никак не принял её за Ольгу, убеждая себя в том, что это не Ольга, думая, что Ольга была бы не одна, не решилась бы уйти, нет у неё предлога уйти из дома*; 3) *Он никак не принял её за Ольгу: одна! Быть не может! Не решится она, да и нет предлога уйти из дома* (несобственно-прямая речь: *одна! Быть не может! Не решится она, да и нет предлога уйти из дома*).

Прямая речь представляет собой конструкцию, в которой дословно воспроизводится чужая речь, её лексический состав и грамматическая организация; она является частью бессоюзного сложного предложения с пояснительными отношениями: *Старик шёл и повторял: Какой аромат! Какой упоительный аромат!* (К. Паустовский).

Если при передаче чужой речи сохраняется только её содержание, то это **косвенная речь**: *Сёстры решили сказать Михаилу, что после завтрака идут гулять одни, без него* (А. Толстой); косвенная речь лишена самостоятельности, она оформлена как придаточная изъяснительная часть в составе сложного предложения.

При сближении форм прямой и косвенной речи образуется особая форма – **несобственно-прямая речь**. Её специфика заключается в том, что она сливается с авторским повествованием, сохраняя при этом черты как прямой, так и косвенной речи: *И почему за этот короткий миг вспомнилась Аксинье молодость и вся её долгая и бедная радостями жизнь. Что ж, старая, видно, стала Аксинья... Станет ли женщина смолodu плакать оттого, что за сердце схватит случайное воспоминание?* (М. Шолохов). С синтаксической точки зрения такая речь представляет собой самостоятельное предложение или часть сложного предложения, в ней в той или иной степени сохраняются лексические, грамматические и стилистические особенности речи другого лица, но речь ведётся от имени автора.

Помимо перечисленных форм для передачи чужой речи в зависимости от цели высказывания используются и другие способы её грамматической организации.

Чужая речь может сопровождаться вводным словом или предложением, указывающим на источник сообщения (*по словам, по сведениям, как говорится, как сказал...*): *Ему стукнуло, по сказкам, сто годов* (А. Некрасов); *Общий тон, как говорят художники, выдержан* (А. Чехов).

В простом предложении может быть обозначена только тема чужой речи. Она выражается либо с помощью именных оборотов при глаголах со значением речи и мысли, либо с помощью инфинитива при глаголах волеизъявления: *Варя была с заплаканными глазами и жаловалась на головную боль* (А. Чехов); *Отправляя Метелицу в разведку, Левинсон наказал ему во что бы то ни стало вернуться той же ночью* (А. Фадеев).

Перечисленные способы передачи чужой речи характеризуются разной степенью слияния с авторским повествованием. Ср.: *Лиза выбежала навстречу Григорию Ивановичу. Что это значит, папа? – сказала она с удивлением. – Отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?* (А. Пушкин) – конструкция с прямой речью. Чужая речь в рамках авторского повествования сохраняет структурную самостоятельность: *Лиза выбежала навстречу Григорию Ивановичу. Отчего он хромает? Где его лошадь? Чьи это дрожки?* – конструкция с несобственно-прямой речью.

Хотя чужая речь сохраняет свою самостоятельность в рамках авторского повествования, тем не менее её структурная зависимость проявилась в замене личных и притяжательных местоимений и формы личного глагола: *вы – он, ваши – его, хромаете – хромает. Лиза выбежала навстречу Григорию Ивановичу. Она с удивлением спросила у отца, отчего он хромает, где его лошадь и чьи это дрожки* – косвенная речь. Оформление чужой речи как придаточной части ослабило степень её самостоятельности в рамках авторского повествования. *Судя по словам Лизы, с её отцом что-то случилось* – конструкция с вводными словами, указывающими на источник сообщения. *Лиза расспросила отца о случившемся* – конструкция с именным оборотом, передающим тему чужой речи. В этих конструкциях слияние чужой речи с авторским повествованием происходит в рамках грамматической структуры простого предложения, т.е. достигает высшей степени.

Избрание того или иного способа передачи чужой речи зависит от функционального стиля: прямая и несобственно-прямая речь нетипичны для официально-делового или научного стиля, однако эти формы широко используются в художественной литературе. Различия в способах передачи чужой речи затрагивают в целом не её содержание, а форму изложения, поэтому выбор того

или иного способа характеризует речевую манеру говорящего или пишущего, несёт отпечаток индивидуальности его стиля.

1.1. ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Конструкции с **прямой речью** представляют собою смысловое и интонационное объединение двух частей: авторские слова (вводящий компонент) и собственно прямая речь.

Прямая речь, включённая в авторское повествование, способна передавать:

– высказывание самого автора: *Наконец, я ей сказал: Хочешь, пойдём прогуляться на вал?* (М. Лермонтов);

– высказывание другого лица: *Издалека доносилось: По-смаатривай!* (А. Толстой);

– невысказанную мысль: *Туча!* – *понял Василий и быстро вскочил с постели* (Р. Сенчин).

Авторские слова выполняют несколько грамматических функций: сигнализируют о прямой речи с указанием на её принадлежность; вводят прямую речь в авторское повествование; комментируют прямую речь.

В конструкциях с прямой речью смысловое объединение двух частей накладывает семантические ограничения не на прямую речь, а на вводящий её компонент – на авторские слова, которые своим лексическим значением указывают на чужое высказывание.

Эти ограничения проявляются в том, что ядром вводящего компонента являются определённой лексико-семантической группы глаголы и реже существительные, которые связаны друг с другом обозначением акта говорения или мышления.

Укажем основные группы глаголов, вводящих прямую речь.

1. Самая многочисленная, чаще употребляемая группа – это глаголы говорения (речи), обозначающие:

– акт говорения в самом общем виде: *сказать, молвить, рассказать...*;

– не только акт говорения, но и его особенности, манеру, способ произнесения речи: *крикнуть, шепнуть, пробормотать, промямлить, шептать, буркнуть, лепетать...* – *Взять их!* – *рявкнул старик, топнув ногой* (М. Горький);

– характер протекания речи, её связь с предыдущим изложением, её начало, продолжение: *заговорить, прервать, вставить, ответить, продолжать, подхватить...* – *Стой, сюда пойдём!* – *перевил старик Оленина* (Л. Толстой);

– не только сам акт речи, но и характеризующие её содержания: *упрекнуть, подтвердить, согласиться, возразить, поддержать, объяснить...* – *Завтра непременно поговорю с хозяйским братом, – успокаивал её Обломов* (И. Гончаров);

– особые виды речевой деятельности: *декламировать, телеграфировать, писать, петь...*;

– размышления: *подумать, вспомнить, размышлять...* – *Люди знают! – вертелось у него в голове* (И. Гончаров);

– волеизъявление, приказание, побуждение, просьбу: *приказать, велеть, просить, требовать, советовать...* – *И он командует резко, револьверно: По одному бе-го-ом!* (Е. Замятин).

2. Глаголы, обозначающие переживания и движения, сопутствующие акту говорения или мышления, который дополняется указанием на то, что сопутствует речи: *сказать про себя, сказать шёпотом, усмехнуться и сказать...* – *Он заговорил, улыбаясь: – Разве же есть где на земле необиженная душа?* (М. Горький); *Помилуйте, Степан Трофимович! – бормотал Липутин будто бы в ужасном испуге* (Ф. Достоевский).

В качестве глаголов, не обозначающих акт говорения и мышления, но вводящих прямую речь, употребляются:

– глаголы, обозначающие мимику, жесты, движения, сопровождающие говорение, мышление: *улыбнуться, нахмуриться, кивнуть, посмотреть...* – *Пётр усмехнулся: Что ещё скажете, бояре?* (А. Толстой);

– глаголы, обозначающие эмоции, чувства, ощущения говорящего, внутреннее состояние, сопутствующее процессу речи: *удивиться, обидеться, обрадоваться, возмутиться...* – *Дед Ефим подивился: Откуда филину быть, коли солнышко ещё не закатилось?* (П. Бажов) – такие вводы играют не только структурную роль, но и имеют оценочный, модальный характер, выражают отношение говорящего к своему высказыванию или мыслям другого лица;

– глаголы восприятия – в том случае, когда объектом восприятия служит чужая речь, которую автор или другое лицо воспринимает каким-либо другим путём: *Извозчик, на Выборгскую! – слышит Иона* (А. Чехов); *Я развернул записку и прочёл: Любезный Пётр Андреевич, пришли мне с моим мальчиком сто рублей* (А. Пушкин).

В художественной литературе при создании образа персонажа чаще, чем одиночные глаголы, используются в качестве вводящих словосочетания, состоящие из глагола и связанных с ним компонентов: *Я прочту-с, с позволения публики, – покривился опять Липутин; Я у них не стану-с, – с выражением отказался Липу-*

тин; Что с французского переводить! – опять скрючился Липутин; Я интересуюсь только между друзей-с, – с невинным видом обвёл он нас глазами (Ф. Достоевский).

Таким образом, авторские слова не только констатируют, но и характеризуют чужую речь или самого говорящего. Такая эмоционально-экспрессивная характеристика может даваться лексически глаголом-сказуемым авторских слов: *скомандовал, воскликнул, прошипел, пробормотал*; обстоятельством образа действия (наречием, существительным, деепричастием): *глухо говорил; печально и ласково прошептал; ответил с угрюмым раздражением; с холодной вежливостью осведомилась; громким шёпотом заметил; пробормотал, сделав страшные глаза; заговорила, сдерживая дрожь от страха; осклабился, как бы оцупывая своими воробьями глазками; скорчился, тотчас же начиная лгать и прикидываясь несчастным.*

Имена существительные, вводящие предложения прямой речи, по своему лексическому значению относятся в основном к тем же лексико-семантическим группам, что и глаголы, вводящие прямую речь; в подавляющем большинстве случаев они являются однокоренными с соответствующими глаголами: *разговор – разговоривать, оклик – окликать, ответ – ответить, упрёк – упрекать, дума – думать, мысль – мыслить...*, хотя некоторые из них (*слово, голос, речь*) не имеют однокоренных аналогов: *У Тёмы каким-то воплем вырвался новый громкий оклик: Жучка! Жучка! (Н. Гарин-Михайловский); Один ответ до времени: А ты леску продай! (Н. Некрасов); Дрожащий голос: Государь, проснись, беда! (А. Толстой); Мать неволью повторяла про себя одни и те же слова: Суд, через неделю суд! (М. Горький).*

В прямой речи приводимые автором высказывания других лиц сохраняются полностью, не подвергаясь никакой переработке; в ней не только точно передаётся содержание этих высказываний, но воспроизводятся все особенности их языкового выражения, специфичные для разговорной речи: диалектизмы, просторечные слова; грамматические особенности в составе этой конструкции также специфичны – для неё характерны:

– обращения: *Ну, не реви же ты, чудак! Я тебя завтра устрою, коли тебе некуда деваться, – как сквозь сон слышал я убедительный шёпот* (М. Горький);

– форма повелительного наклонения глагола: *Дедушка! Прости!* – *взмолился Лёнька* (М. Горький);

– неполное предложение: *Про то, про это говорю, / Что де загла РОСТА, а солнце: / Ладно, не горюй, смотри на вещи просто* (В. Маяковский) – вводящий компонент имеет эллиптические

скую структуру; позиция глагола-сказуемого не требует обязательного замещения, это значение может выражаться вводящей конструкцией в целом: *Софья мягко поднялась и – шёпотом: Сменю... Отдохни...* (А. Толстой); *Данила взглянул на камни, так сейчас же: Ну-ка, покажи!* (П. Бажов). Вводы-эллипсы находят широкое применение в языке художественной литературы, они придают повествованию динамичность, гибкость, стремительность;

– междометия, эмоционально-экспрессивные частицы: *Тсс... тише...* – сказал *Нежданов* (И. Тургенев); *Ох-хо-хо!* – зевнул извозчик. – *Ночь дождливая – самый крепкий сон* (К. Паустовский);

– личные местоимения и глагольные формы употребляются от имени говорящего лица: *Николай сказал: Я переделаю очерк;*

– частотное употребление форм речевого этикета: *пожалуйста, спасибо...*

В следующих репликах деда из повести М. Горького «В людях» речевая манера персонажа передаётся исключительно ярко: *Я вошёл в комнату, взглянул на деда и едва удержался от смеха – он действительно был доволен как ребёнок, весь сиял: Что, козёл? Опять бодаться пришёл?.. Ах ты, разбойник! Весь в отца! Фармазон, вошёл в дом – не перекрестился, сейчас табак курить, ах, ты, Бонапарт, жена копейка!* – здесь широко представлены синтаксис эмоциональной речи с междометиями, обращениями, неполными предложениями и своеобразная лексика с фразеологией.

Итак, в прямую речь могут входить предложения, различные по своему строению, интонации, целеустановке, временному плану. Её характеризует свобода в передаче особенностей чужой речи, в том числе и субъективно-оценочных элементов: междометий, частиц, вводных слов, фразеологических оборотов, синтаксически несвободных конструкций. Грамматическая организация прямой речи самостоятельна, она не зависит от характера оформления и местоположения авторских слов.

Слова автора по отношению к прямой речи могут находиться в препозиции, в постпозиции и в интерпозиции.

Препозиция авторских слов предполагает следующий порядок компонентов: слова автора – прямая речь – *Марья сказала: Я никогда не бывала не только в Москве, но даже в своём уездном городе* (А. Чехов). При этом вводящие слова могут сосредоточивать внимание на словах автора, часто на манере говорения персонажа, на жесте, позе: *Я на него загремел: Как ты разговариваешь?* (А. Макаренко). Разновидностью этого вида расположения

компонентов является кольцевой способ обрамления прямой речи: слова автора – прямая речь – продолжение слов автора: *Пробормотав сквозь зубы: **Здравствуйте!** – Базаров отправился к себе в комнату* (И. Тургенев).

Постпозиция авторских слов предполагает следующий порядок компонентов конструкции: прямая речь – слова автора: *Что же ты не едешь? – спросил я ямщика* (А. Пушкин).

Интерпозиция авторских слов членит конструкцию с прямой речью на три части: прямая речь – авторские слова – продолжение прямой речи: *Однажды, когда В. Маяковский был в Америке, ему сказали: Какой вы высокий! – **Что вы!** – удивлённо ответил Владимир Владимирович. – **Я самый маленький небоскрёб.*** В интерпозитивных авторских словах возможно употребление двух глаголов речи, и второй глагол обычно указывает на добавочное сообщение: *Спит, как суслик, – **сказал он, вернувшись, и добавил:** – **Навязался на мою голову, корреспондент!*** (К. Симонов).

Нарушая нормативный порядок авторских слов, авторы иногда стремятся подчеркнуть просторечный характер речи персонажа: *Ребята, – **это Осип говорит,** – а ежели война? Кто на фронт пойдёт, ежели нас шесть осталось? – Наше дело маленькое, – **Федула говорит.** – Да и войны-то ещё, может, не будет* (В. Белов).

Обратим внимание на то, что в зависимости от позиции авторских слов интонационный рисунок рассмотренных конструкций различается.

Самостоятельность авторских слов в конструкциях с прямой речью относительна. Это проявляется не только в семантической ограниченности круга глаголов-сказуемых, но и в порядке расположения главных членов вводящей конструкции. Вводящие прямую речь слова должны находиться непосредственно при прямой речи. Поэтому в случае препозиции слов автора порядок главных членов прямой: *Катя подумала: **Вот она, гора, раскрылась!*** (П. Бажов). При пост- и интерпозиции авторских слов сказуемое предшествует подлежащему: *Я вам не помешала, не-ет? – **пела она за дверью*** (К. Паустовский); *Гость подобен вдыхаемому воздуху, – **гласит** восточная мудрость. – Если он входит и не выходит, хозяин задыхается.*

Особенность передачи прямой речи заключается в том, что вводящий компонент может быть нулевым. Если авторские слова совсем отсутствуют, тогда прямая речь представляет собой сочетание реплик, или диалог: *– Кто говорит? – **Унтер-офицер Турбин*** (М. Булгаков). При нулевом вводе авторские слова могут предшествовать прямой речи, но не вводить её специально: *Вот Верочка*

и говорит, только к досаде Марьи Алексеевны, по-французски. – Экая дура я какая, забыла сказать, чтобы по-русски (Н. Чернышевский).

Как вытекает из изложенного, прямая речь употребляется по преимуществу в стилях речи, допускающих экспрессию; в деловых стилях употребляются такие конструкции, в которых чужие слова не имеют экспрессивных форм, в том числе личных форм глагола и местоимений первого и второго лица: *Павел Гаврилович, – сухо сказал Зайцев, – физическая нагрузка современного высокоорганизованного рабочего совершенно недостаточна для гармоничного развития всего организма (В. Кожевников).*

В художественной речи конструкции чужой речи обладают функцией передачи внутренней речи персонажей, которая проявляется в 1) ситуативной и 2) обобщённо-итоговой разновидностях:

1. *Перед крыльцом стояли дрожки Панишина. Ну, – подумал Лаврецкий, – не буду эгоистом, – и вошёл в дом (И. Тургенев).*

2. Неслучайно, что роман И. Тургенева «Дворянское гнездо» завершается внутренним монологом Лаврецкого, выступающим в качестве подытоживающей диалогемы романа: *Играйте, веселитесь, растите, молодые силы – думал он, и не было горечи в его думах, – жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придётся, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть – и сколько из нас не уцелело! – а вам надобно дело делать, работать и благословение нашего брата, старика, будет с вами.*

Этот внутренний монолог, обращённый к молодому поколению, увы, не произнесён вслух. Внешне это почти абсурдно, как абсурдно, с определённой точки зрения, и исчезновение из жизни вековых дворянских гнёзд, в стенах которых рождались история семьи, рода, отечества. У И. Тургенева этот словно бы абсурдный приём служит для передачи другой точки зрения, которая ещё раз озвучивается: суть трагедии поколения лаврецких можно выразить словами: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Благие слова Лаврецкого остаются даже не произнесёнными. Заметим также, что жизненное кредо Лаврецкого – это и кредо самого автора.

1.2. КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Косвенная речь представляет собой передачу высказываний других лиц от лица автора, и чужая речь в таком случае оказывается увязанной с авторской речью; подлинные слова других лиц

или персонажей в ней оказываются до известной степени переработанными. По сравнению с прямой речью косвенная речь вторична и является её заменой: *Кто этот человек? – спросил я дежурную* (К. Паустовский) – *Я спросил дежурную, кто этот человек* – дословное воспроизведение чужой речи. Этот способ изображения речи характерен тем, что автор стремится передать содержание речи героя, её смысл, а не языковые особенности. Лексически и синтаксически косвенная речь очень близка авторскому повествованию.

Косвенная речь представляет строго грамматикализованную конструкцию – сложноподчинённое предложение с изъяснительной придаточной частью, т.е. вводимая часть ориентирована лишь на содержание чужой речи, чем приглушается своеобразие столь важной для восприятия персонажа её речевой формы.

В предложениях с косвенной речью, так же как и с прямой, выделяются два компонента: авторские слова, оформленные в виде главной части СПП, и чужая речь, переданная в форме придаточной. Однако предложения с косвенной речью имеют негибкую структуру с фиксированным порядком следования компонентов: главная часть – придаточная. Главная часть указывает на факт чужой речи и на её источник. Круг глаголов, находящихся в главной части и вводящих чужую речь, значительно уже, чем в конструкциях с прямой речью. Эти слова непосредственно указывают на факт чужой речи: *сказать, ответить, приказать, думать, полагать...*: *Дядья считали, что это приданое должно быть поделено между ними* (М. Горький); *Мысль, что Марья Ивановна не успела выехать, ужаснула меня* (А. Пушкин); *Гости сказали им, что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь* (Н. Гоголь).

Придаточная часть, содержащая косвенную речь, присоединяется к опорному слову в главной части при помощи союзов (*что, чтобы, будто, ли*) и союзных слов (*кто, что, какой, где, как, откуда, зачем, отчего, почему, сколько*). Выбор средства связи зависит от целенаправленности чужой речи.

Если чужая речь оформлена как повествовательное предложение, то при её передаче используются союзы *что, будто*: *Шофёр закричал снизу, что пора ехать* (К. Паустовский); *В Петербурге распространился слух, будто вы написали эту книгу с целью понасть в наставники к сыну наследника* (В. Белинский).

Конструкции с союзом *чтобы* передают побудительное содержание чужой речи: *Не отрываясь от телефона, он крикнул вниз, чтобы принесли фонарь* (А. Толстой). Содержание вопросительных предложений чужой речи (косвенный вопрос) передаётся

конструкциями с союзными словами и союзом *ли*: *Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать* (А. Пушкин); *Николай Петрович заботливо спросил, здоров ли он* (И. Тургенев).

Косвенный вопрос присоединяется только к такому опорному слову в главной части, семантика которого требует вопросительного оформления чужой речи: *спросить, расспросить, поинтересоваться, справиться, осведомиться*. Поэтому следует отличать конструкции с косвенным вопросом от СПП, не содержащих чужую речь: *Не могу точно сказать, когда случилось это чудо* (А. Куприн); *Я не могу вам объяснить, где живёт этот маленький человек и кто его папа и мама* (Л. Пантелеев).

Косвенная речь целесообразна тогда, когда достаточен авторский пересказ содержания чужой мысли, и поэтому так часты конструкции с косвенной речью в газетных жанрах. Здесь распространены клишированные конструкции с определённым набором вводящих слов: *заявил, что...; сообщил, что...; передали, что...; пишут, что...* и т.д.

Передача чужой речи в виде косвенной сопровождается изменением некоторых грамматических форм. Закономерность этих изменений заключается в том, что косвенная речь передаётся не с точки зрения того, кому она принадлежит, а с точки зрения автора, передающего содержание. Изменение грамматических форм касается личных и притяжательных местоимений и личных форм глаголов.

Если сообщение в 1-м лице идёт от субъекта мужского или женского рода, то в косвенной речи появляется 3-е лицо:

Скоро я приеду, – сказала Аня. – Аня сказала, что она скоро приедет; Я скоро приеду, – сказал он. – Он сказал, что он скоро приедет.

Если сообщение – от субъекта 2-го лица единственного числа, я заменяется местоимением *ты*: *Я скоро приеду, – сказал ты. – Ты сказал, что ты скоро приедешь* – соответственно меняются и личные окончания глаголов.

Вместо притяжательного местоимения *мой*, когда это местоимение относится к говорящему, появляется *твой, его, её*:

Мой отец любит спорт, – сказал ты. – Ты сказал, что твой отец...

Мой отец любит спорт, – сказал он. – Он сказал, что его отец...

Мой отец любит спорт, – сказала она. – Она сказала, что её отец...

И наоборот: *Твой отец любит спорт, – сказал он мне. – Он сказал мне, что мой отец любит спорт.*

Если сказуемое в прямой речи стоит в повелительном наклонении, то в косвенной речи личные местоимения 1-го лица меняются на личные местоимения 3-го лица: *Дай мне газету, – попросила она. – Она попросила, чтобы ей дали... Дай нам газету, – попросили они. – Они попросили, чтобы им дали...*

В случае, когда прямая речь идёт от первого лица множественного числа и в ней есть определение *наш (наша, наши)*, в косвенной речи подлежащее ставится в форме второго лица множественного числа, а определение – в соответствующей ему форме (*ваши, ваша, ваши*); соответственно глагол-сказуемое ставится в форме 2-го лица:

Вы сказали: Этот опыт мы проведём вместе с нашим преподавателем. – Вы сказали, что этот опыт вы проведёте вместе с вашими...

Если прямая речь, содержащая определение – притяжательное местоимение, идёт от 1-го лица множественного числа, то подлежащее косвенной речи ставится в форме местоимения 3-го лица множественного числа, определение – в соответствующей ему форме *свои*:

Они сказали: Мы любим наш город. – Они сказали, что они любят свой (их) город.

При замене прямой речи – вопросительного предложения косвенной речью личное местоимение 1-го и 2-го лица заменяется личным местоимением 3-го лица; соответственно меняется и глагол-сказуемое: *Где я смогу тебя увидеть? – спросила она его. – Она спросила, где она сможет его увидеть; Когда ты узнаешь об этом? – спросил он её. – Он спросил её, когда она узнает об этом.*

Косвенная речь передаёт только содержание высказывания, поэтому многие элементы живой разговорной речи: обращение, междометие, модальные и вводные слова, частицы, форма повелительного наклонения, местоимения *какой, такой, что за, сколько, столько*, наречия *как, так*; а также, – лозунги, призывы и приветствия вообще не могут входить в такие конструкции. Например: *Он прочитал: Как хороши, как свежи были розы!; Ах, какая тишина! – воскликнула она.*

В крайнем случае прямая речь передаётся приблизительным пересказом или опосредованно другими лексическими средствами: *Петя! Как у нас было весело на вечере! – сказал Ваня. – Ваня сказал Пете, что у них на вечере было особенно весело; Гроза-то не унимается, – бормотала старуха. – Как бы, неровён час, чего не спалило (А. Чехов) – при трансформации этой прямой речи в косвенную форму трудно сохранить значение частиц *то, как бы* и*

вводного словосочетания *неровён час*: *Старуха бормотала, что гроза не унимается и что-нибудь случайно может сгореть.*

Убедительным примером сопоставления прямой речи с косвенной, лишенной эмоционально-экспрессивных элементов, являются встреча-наставление Кирила Петровича с учителем-французом и перевод Маши в форме косвенной речи:

– *Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что так и быть –принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.*

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец её надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

– *Хорошо, хорошо, – сказал Кирила Петрович, – не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи ему.*

Марья Кириловна смягчила в своём переводе грубые выражения отца... (А. Пушкин. Дубровский).

1.3. НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Несобственно-прямая речь (термин в филологической науке утвердился благодаря М.М. Бахтину) – это взаимопроникновение повествовательной речи автора и речи персонажа, т.е. совмещение в одном отрывке двух субъектно-речевых планов, осуществляемых при помощи ряда приёмов. Это форма передачи чужой речи, в которой высказывание какого-либо лица передаётся от имени автора, но при этом сохраняется не только содержание, но и особенности речи говорящего, персонажа: *Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило... Во что бы то ни стало надо решиться хоть на что-нибудь* (Ф. Достоевский).

Включение несобственно-прямой речи в авторский текст служит для передачи мыслей и чувств героев произведения, раскрытия их внутреннего мира. Особенностью этой формы чужой речи является то, что чужая речь, передающая мысли и чувства героя, тесно сливается с авторской речью.

Несобственно-прямая речь характеризуется особенностями, которые сближают её и с прямой, и с косвенной речью.

С прямой речью несобственно-прямую речь роднит сохранение в переработанном виде синтаксических структур прямой речи, а также сохранение свойственных собственно диалогической речи черт эмоциональности – модальных слов и частиц, междометий, восклицательных и вопросительных предложений и др. Её интонация характеризуется богатством, естественностью, т.е. сходна с интонацией прямой речи: вопросы, восклицания, возмущение, удивление; отсюда особая ритмика, экспрессия, динамичность, лексика сниженного характера: *По всей вероятности, негодная Верка не хочет выходить замуж, – это даже несомненно, – здравый смысл был слишком силён в Марье Алексеевне, чтобы обольститься хитрыми её же раздумьями о Верочке, как о тонкой интриганке* (Н. Чернышевский).

Сходство с косвенной речью заключается (обычно, но не всегда) и в оформлении несобственно-прямой речи формой третьего лица для обозначения субъекта речи и относительным употреблением временных форм. Как и в косвенной, в ней выдерживаются правила замены личных и притяжательных местоимений и личных форм глагола: *Несколько раз она силилась ответить себе на возвращающийся вопрос: **неужели она в самом деле та маленькая девочка, которая жила на берегу огромной реки с папой, мамой, братиком*** (К. Федин) – ср. употребление местоимения в прямой речи: *неужели я в самом деле та...*

С авторской речью несобственно-прямую речь объединяет оформление её эпическими формами повествовательного стиля.

Все эти черты такой чужой речи обнаруживаются только в контексте. Изолированная от контекста несобственно-прямая речь неотличима от обычной прямой речи: *Лизвета Ивановна выслушала его с ужасом. **Итак, эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое упорное преследование, всё это было не любовь! Деньги – вот чего алкала его душа! Не она могла удовлетворить его желания и осчастливить его!** Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы старой её благодельницы* (А. Пушкин).

Конечно, в художественном произведении несобственно-прямая речь не существует изолированно от двух других способов передачи чужого высказывания, но она является более тонким средством передачи чужой речи, более совершенным *стилистическим* способом ведения авторского повествования: *«Под пером выдающихся мастеров она изящная синтаксическая структура, соединяющая в себе отражённые, но вместе с тем выразительные эмоциональные краски, воспроизводящая в наиболее важных элементах фразы героев повествования, – с объективирующей*

сдержанностью авторского сообщения, – выступает и в поэзии и в прозе как прекрасный род передачи голосов, которым, по авторскому замыслу, нужно звучать сдержанно, приглушенно, неискренно, иногда – оставаться только «внутренними» голосами, выражением размышлений, загнанных в себя чувствований и под.» (Булаховский 1949, с. 350).

Несобственно-прямая речь располагает набором приёмов, которые различаются характером взаимодействия между речью автора и речью персонажа и способом речевого оформления, – в соответствии с этим можно выделить 1) лексические и 2) синтаксические приёмы оформления данного вида чужой речи.

1. Формой совмещения разных субъектно-речевых сфер может быть отдельное слово или словосочетание, которые воспринимаются нами как слова персонажа, так как они невозможны в устах автора (чаще всего благодаря своей стилистической окраске). Слово авторской речи может называть предмет сообщения так, как его называет персонаж, отражая точку зрения персонажа, – в этом случае сообщение о предмете опосредовано чужой точкой зрения и соответственно чужим словом: *Петя понял её замысел, и инстинктивно боясь того, чтобы с матерью не **разнежничаться, не обабиться** (так он думал сам с собою), он холодно обошёлся с нею* (Л. Толстой).

Определения, отражающие оценку персонажа, и конструктивно и по смыслу легче всего выделяются из состава авторского сообщения. В этих случаях неизбежно появляется двойное освещение – с одной стороны, оценка персонажа, с другой – скрытая, невысказанная оценка автора. Характер взаимоотношения между тем и другим определяет общий тон сообщения – сочувствие, неодобрение, ирония: *Участь княжны, **попавшейся к неверным псам** – магометанам, тронула военачальника* (И. Лажечников); *У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал **каналью-француза*** (А. Пушкин).

Распространённым является приём включения в авторскую речь местоимения *этот* в функции экспрессивного определения с самым общим значением – положительной или (чаще) отрицательной оценки: *Княжна Марья думала в этих случаях, как **сушит мужчин эта умственная работа*** (Л. Толстой); *У него заболела шея; он рассердился и дал себе слово не **смотреть на эту проклятую ложу*** (М. Лермонтов).

Приёмы включения в авторскую речь слов, отражающих восприятие или оценку персонажа, разнообразны. Это могут быть названия предметов, действий, качеств; развёрнутые характеристики, даваемые персонажем тому или иному явлению; отдель-

ные осколки прямой речи персонажа. Попадая в новое семантическое окружение, они приобретают особый смысл, играя определённую роль в общей смысловой направленности данного авторского сообщения: *Напрасно Анна Павловна уговаривала его не писать, чтобы не надсадил грудь: он слушать не хотел* (И. Гончаров); *Ростов недоброжелательно смотрел на Пьера, во-первых, потому, что Пьер в его гусарских глазах был штатский богач, муж красавицы, вообще баба* (Л. Толстой).

Интересным представляется приём внутреннего цитирования – автор цитирует персонажа, перенося в повествовательную речь отдельные слова и выражения из прямой речи персонажа. Слова персонажа как будто принимаются автором всерьёз, но в то же время помещаются в такой контекст, который немедленно обнаруживает их расхождение с действительностью или подчёркивает их комическую сторону (в той степени, как это необходимо автору): *Когда полицмейстер вспомнил было о нём и, сказавши: «а каково вам, господа, покажется вот это **произведение природы?**», подошёл было к нему с вилкою вместе с другими, то увидел, что **от произведения природы** остался всего один хвост* (Н. Гоголь); *Впрочем он был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, **уснастить речь**. А **уснащивал он речь** множественством разных частиц...* (Н. Гоголь); *Сколько наслаждений! **Никогда Александр не мечтал о такой полноте искренних, сердечных излияний. Искренние излияния** стали редки. Они иногда по целым часам сидели, не говоря ни слова* (И. Гончаров).

2. Синтаксические приёмы оформления несобственно-прямой речи связываются прежде всего с семантикой временных форм в повествовательном контексте, воспроизводящих внутреннюю речь персонажа. При этом обнаруживается чёткое соотношение абсолютного времени авторского повествования и относительно-го времени, воспроизводящего чужую точку зрения: *Граф Растопчин **готовил** в своём воображении те гневные и колкие упрёки, которые он выскажет Кутузову за его обман. Он **даст почувствовать** этой старой придворной лисице, что ответственность за все несчастия, имевшие произойти от оставления столицы, от гибели России (как думал Растопчин), **ляжет** на одну его выжившую из ума, старую голову* (Л. Толстой) – формы настоящего-будущего с относительным значением будущего времени выступают в предельно объективном повествовании при сознательной установке автора скрыть свой личный взгляд.

Непосредственный характер носит передача внутренней речи тогда, когда переход от абсолютного значения времени к относительному выражается переходом от одной временной формы к

другой, когда можно говорить о резко выраженном относительном значении этой другой временной формы: *Александр выбежал, как будто в доме обрушился потолок, посмотрел на часы – поздно: к обеду не поспеет. Он бросился к ресторану* (И. Гончаров); *Беликов засуетился и стал одеваться быстро, с выражением ужаса на лице. Ведь это первый раз в жизни он слышит такие грубости* (А. Чехов); *Обе долго рассуждали о завтрашнем посещении: что подумает Алексей, если узнает в благовоспитанной барышне свою Акулину, какое мнение будет он иметь о её поведении и правилах, о её благоразумии* (А. Пушкин).

Приёмы, призванные служить показателем несобственно-прямой речи, могут быть связаны с экспрессивными языковыми элементами. Наиболее эффективны в этом смысле восклицательные предложения: *Влетев в театр, Иван Андреевич мигом облетел взглядом все ложи и, о ужас! – сердце его замерло: она была здесь! Она сидела в ложе!... А между тем сказала, что будет вовсе не здесь!* (Ф. Достоевский); вопросительные предложения: *Она вышла и взглянула на часы: было без пяти минут шесть. И она удивилась, что время идёт так медленно, и ужаснулась, что до полуночи, когда разъедутся гости, осталось ещё шесть часов. Куда убить эти шесть часов? Какие фразы говорить? Как держать себя с мужем?* (А. Чехов); риторические вопросы: *Бах слушал её и не мог не насмеяться; он почитал слова Магдалины прихотью женщины: а для женской ли прихоти мог Себастьян унизить искусство? Низвести его на степень фиглярства?* (В. Одоевский) – при отсутствии вопросительной формы выделенные предложения заключали бы в себе лишь объективные сообщения автора; риторический вопрос является знаком эмоции, испытываемой героем (а здесь и автором) в момент его мысли, и имперфект приобретает значение настоящего в прошлом.

Развёрнутая несобственно-прямая речь передаёт внутреннюю речь персонажа в момент её рождения и развития. Общей чертой таких синтаксических единств являются *присоединительные* связи, как бы воспроизводящие ассоциативную цепь размышлений персонажа. Присоединительные конструкции с их субъектно-экспрессивной многоплановостью заключают точку зрения автора, впитывающую в себя и речь и мысли героя: *Так Даше и не удалось послушать, как бьётся сердце у любимого человека, подобраться осторожно к его затаённым мыслям... Да и было ли у него затаённое? Да и зачем оно тебе, Даша? Иван Ильич – просто щедрый человек, всё, что у него есть, – бери* (А. Толстой) – энергичность звучания вопросительных структур, характеристичность экспрессивной интонации усиливается двукратным союзом *да и*.

Способом выражения несобственно-прямой речи является и изменение модального плана высказывания, что достигается при помощи безличных, инфинитивных предложений, осложнением простого предложения вводными словами: *Она только кляла себя, зачем она вначале не победила стыда и не открыла Штольцу своё прошедшее, а теперь ей надо победить ещё ужас* (И. Гончаров); *Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же в самом деле, на что, на какие деньги её сделать?* (Н. Гоголь); *Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и учёный человек* (В. Шукшин).

В несобственно-прямой речи побуждение ко 2-ому лицу выражается преимущественно формой 3-го лица повелительного наклонения: *Хозяин и хозяйка напутствовали гостя, крестили. Пусть он едет по дорогам с оглядкой: ночи разбойные, народ лихой, пусть Ибрагим смотрит за Прохором, как за самим собой. Ну, в добрый час!* (Я. Шишков); возможна и контаминация сослагательного и повелительного наклонений: *На дворе говорили, что вешается Петьке на шею, да Петька не такой дурак, чтобы дать себя бабе в кабалу: пусть бы глядела, всё равно другую подцепит* (Б. Зайцев).

Большую роль в распознавании несобственно-прямой речи играют и такие языковые средства, которые придают речи разговорный оттенок, усиливающие её эмоциональный характер. Авторскому повествованию несвойственны разговорные интонации, и их неожиданное появление свидетельствует о чужой речи. Сюда относятся междометия, частицы, вносящие в объективное повествование экспрессию живой устной речи: *Он говорил и думал о том, что вот он идёт на свидание, и ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не будет знать* (А. Фадеев); *Садовник нашёл щенков и принёс их барышне, про которую ему сказали прачки, что она, мол, всяких зверей жалует* (И. Тургенев); *Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский свежий голосок – но откуда?* (М. Лермонтов).

Названные приёмы – лексического и синтаксического характера – могут функционировать каждый в отдельности или объединяются, отражая диалогическую сущность несобственно-прямой речи как гомогенной контаминации плана повествователя и плана персонажа на глубинном уровне в художественном тексте:

Неделю назад, когда Настёна впервые заподозрила в себе начало новой жизни, она едва не задохнулась от нахлынувших на неё – давно отринутых, упрятанных и вот теперь освободив-

шихся и оправдавшихся чувств: господи, неужели?! Неужели и она тоже, как все нормальные бабы, способна стать матерью? Неужели после стольких лет супружеской жизни, после стольких напрасных желаний, стараний и молитв теперь, когда казалась потерянной всякая надежда, она каким-то чудом вздохнула и понесла? Что случилось? (В. Распутин).

Лексическое наполнение экспрессивов, цель которых выразить психологическое состояние говорящего, маркирует не только речевой план персонажа, но и модус автора.

Типичные для разговорной речи лексемы *бабы, вздохнула, понесла* противопоставлены в тексте словам книжного, высокого стиля: *даровал, способна стать матерью, господи, напрасные желания, старания, молитвы, казалась потерянной надежда*; контрастная лексика – одно из главных средств выражения модальных планов; повторение вопросительных частиц и соответственно вопросительных предложений, разговорных конструкций формируют в целом внутренний монолог как несобственно-прямую речь.

Сравним два сложных синтаксических целых:

Крылов не знал, что возразить. В своей области он не осрамится. Он вот вчера вытащил из печени сержанта Горбунова осколок в восемьдесят граммов, не угодно ли? Политруку Чиркесу ногу спас, танцевать этот Чиркес будет, честное слово!... А сколько у кого танков, этого Крылов не знает (И. Эренбург) – данный текст показателен в плане введения чужой речи, модуса третьего лица, не участвующего в речевом акте; используются оценочные лексемы, конструкции разговорной речи.

Если данный текст лишить эмоционально-окрашенной лексики, дейктических элементов, инверсированных структур и разговорных формул, то он перестанет быть несобственно-прямой речью: *Крылов не знал, что возразить. В своей области он не допускает ошибок. Вчера он извлёк из печени сержанта Горбунова осколок в восемьдесят граммов. Спас ногу политруку Чиркесу, теперь тот сможет танцевать. Но Крылов не знает, у кого сколько танков* – здесь сохраняется информативность, но утрачивается основная коммуникативная цель – оценочность.

Сопоставление семантики планов автора и героя, структуры передачи чужой речи помогает понять своеобразие каждой.

В прямой речи больше показателей линии персонажа (употребление местоимений, личных и временных форм глагола, синтаксическая структура), а от автора – вводящие слова.

Петя Иванов сказал: *Я буду обязательно работать*. Подумав, он добавил: *Я буду обязательно учиться и работать*. Прямая

речь целиком принадлежит говорящему, она устраняет возможность каких бы то ни было авторских оценок. Свое отношение к содержанию прямой речи автор может высказать в дополнительных комментариях к ней.

В **косвенной речи** больше грамматических показателей линии речи автора (вводящие слова, местоимения, личные формы глаголов и синтаксическая структура), а от персонажа: временные формы глаголов, приобретающие относительное значение времени: Петя Иванов сказал, *что будет обязательно работать и учиться.*

В **несобственно-прямой речи** приблизительно равноценное выражение линии речи автора и персонажа: от персонажа – временные формы глагола с относительным значением времени; в формировании времени большую роль играют особенности речи персонажа; синтаксическая структура – от него же; от автора: употребление форм лица, приблизительно уравнивающее их по своей наглядности: Петя Иванов готовился к уроку. Он никак не мог сосредоточиться. Он вспомнил разговор с отцом, вспомнил, как отец уговаривал его поступить в институт и учиться дальше. С этими советами Петя не соглашался. *Он будет обязательно работать!.. Он будет работать и учиться!* Это решение успокоило его, и он снова углубился в книгу.

По эмоциональности, синтаксическим конструкциям несобственно-прямая речь ближе к прямой, чем к косвенной, – они прямо, непосредственно выражают экспрессивность чужого высказывания.

Несобственно-прямая речь – одна из тайн писательского мастерства: она позволяет проводить тенденцию автора скрыто, часто незаметно для читателя, воплощая её в образах. Приёмы этой речи позволяют освещать одно и то же явление одновременно с разных точек зрения (субъективной и объективной), отсюда и большая глубина такой формы чужой речи.

V. ПУНКТУАЦИЯ

Знак препинания – ноты при чтении.
А. Чехов (письмо 1888 г.)

Пунктуация – радость моя!
Как мне жить без тебя, запятая?
Препинание – честь соловья
И потребность его золотая.
А. Кушнер

1.0. ПУНКТУАЦИЯ

Пунктуация (ср.-лат. *punctuatio, punctum* – точка) – система графических внеалфавитных знаков и правила, кодифицирующие нормы пунктуационного оформления письменного текста. Термин пунктуация двузначен: во-первых, это собрание правил расстановки знаков препинания и, во-вторых, сами знаки препинания, используемые в письменной речи для указания на её расчленение, их систему.

Пунктуация – это определённая семиотическая (знаковая) система, это оптико-графическое средство несловесной коммуникации в речевом акте.

Знаки препинания служат для обозначения такого расчленения письменной речи, которое не может быть передано ни морфологическими средствами, ни расположением слов.

Обслуживая потребности письменного общения, пунктуация имеет чёткое назначение – передать читающему смысл написанного текста, каким он воспроизводится пишущим. А это возможно при условии одинакового понимания ими значений отдельных знаков. Именно в этом смысле можно считать пунктуацию явлением социальным, но в то же время она была и остаётся одним из важнейших разделов лингвистики, назначение которого во все

времена было настолько актуально и небесспорно, насколько неоднозначно интерпретировалось употребление того или иного знака в том или ином тексте.

Пунктуация как графическая система, функционирующая в современном русском литературном языке, складывалась в истории русского языка, изменяясь графически, функционально и качественно. Эти изменения происходили и происходят постоянно, они отражают жизнь языка, и поэтому правила, стабильные и узаконенные специальными документами, всегда неизбежно отстают от своего времени, так как фиксируют определённый временной отрезок, а практика употребления знаков препинания всегда зависит от причин языкового и внеязыкового (экстралингвистического) характера.

1.1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПУНКТУАЦИОННЫХ ЗНАКОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вопрос о назначении пунктуации, её принципах нашёл отражение в трудах русских грамматистов XVI–XVIII веков. В этот период начали складываться основы русской пунктуации.

Однако почти до изобретения книгопечатания в образцах древней письменности отсутствует система в использовании знаков препинания, хотя некоторые её зачатки наблюдались во времена Аристотеля в греческой письменной речи. Так, например, точка, поставленная сверху буквы, соответствовала нынешней точке, против середины буквы – двоеточию, а внизу буквы – запятой, однако употребление точки как мыслеотделительного знака не считалось обязательным.

В отличие от орфографии пунктуация более интернациональна, поэтому рассматривать её следует как результат длительного взаимодействия пунктуационных особенностей русского языка с особенностями других языков мира.

Первым стал употреблять знаки препинания Аристофан Византийский. А в начале I в. до н.э. система знаков препинания осознана уже теоретически и изложена грамматиком Дионисием Фракийским в книге «Грамматическое искусство», в которой он различал три знака препинания: точка – знак законченной мысли; средняя точка – знак отдыха; малая точка – знак мысли ещё не законченной, нуждающейся в продолжении.

В развитии пунктуации церковнославянского языка можно выделить три периода: система знаков в рукописях от XI в. до введения книгопечатания в России; пунктуация старопечатных

книг до исправления текста Священного Писания в патриаршество Никона; система пунктуационных знаков исправленного текста.

В большей части рукописей первого периода слова писались почти беспромежуточно, иногда между словами писцы ставили точку или прямой крестик, но никакими пунктуационными правилами они не руководствовались и употребление указанных знаков было неопределённо и запутанно.

Во втором периоде, когда слова уже отделяются друг от друга, графический арсенал русской пунктуации значительно обогатился: кроме точки для членения строки, используются запятая, точка с запятой, двоеточие.

Традиции кирилловского письма в использовании различных знаков были господствующими на Руси до XVI в.

Начиная с XVI в. в рукописных изданиях утверждается принцип раздельного написания слов, а позднее – использование знаков препинания между словами, предложениями и другими синтаксическими конструкциями. Эта традиция становится господствующей и поддерживается книгопечатанием. Появляются первые работы по грамматике, в которых пунктуации уделяется некоторое внимание.

Особо следует выделить работу Максима Грека «О грамматике инока Максима Грека работу святогорца объявлено на тонкословие», в которой автор подчёркивает интонационное значение в употреблении знаков препинания; пытается разграничить функции запятой и точки с запятой.

Высказывания о пунктуации в трудах русских книжников опирались на греческую пунктуацию, однако система пунктуационных средств оформлялась на русской почве, традиции которой были сформированы практикой.

Первая собственно славянская «Грамматика» сочинена была православным протоиереем Лаврентием Зизанием и напечатана в 1596 г. в Вильне. В ней указаны правила употребления разных знаков препинания – точек, как называл их Зизаний. Слово «точка» образовалось от глаголов *ткнуть*, *тыкать*; точка – след от действия *ткнуть*.

А в 1619 г. в Виленской Братской типографии отпечатан другой, ещё более важный труд – «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, которая стала использоваться в качестве учебного пособия. Она представляла более глубокий опыт грамматической разработки русского языка в отличие от грамматики Л. Зизания.

В XVIII веке закладываются основы современной пунктуации и постепенно определяются её правила. Если в предшествующий период в основе употреблении знаков препинания лежал *интона-*

ционно-смысловой принцип, то в XVIII происходит отход от этого принципа, и пунктуационные правила начинают формироваться на *синтаксическо-смысловой* основе, хотя переход к ней оказался сложным.

Такой подход находим в работе В.К. Третьяковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и о всём, что принадлежит к сей материи», в которой впервые даётся подробное описание назначения запятой. Конкретные правила употребления знаков он формулирует исходя из смысла и синтаксической структуры текста.

Значительным вкладом в разработку вопросов пунктуации в середине XVIII в. явилась теория пунктуации М.В. Ломоносова, который в определении назначения знаков препинания исходит из двух принципов – смыслового и синтаксического, и они рассматриваются им не изолированно, а в тесной взаимосвязи.

Итак, количество знаков препинания в середине XVIII в. значительно меньше, чем в современном русском языке: в правилах М.В. Ломоносова не находим тире, кавычек, многоточия. Впервые эти знаки появляются к концу XVIII в. Достоверно известно, что знак тире впервые стал употреблять Н.М. Карамзин; установить, кому принадлежит инициатива употребления в русской письменности кавычек и многоточия, не представляется возможным.

Самым крупным и оригинальным из учеников и последователей М.В. Ломоносова в изучении грамматики русского языка явился член Академии Российской, профессор Московского университета А.А. Барсов. Итогом его деятельности и высшим достижением в области изучения русского языка является рукописная «Российская грамматика» (1788), в которой пунктуация называется препинанием, указывается на различие между знаками надстрочными и строчными.

А.А. Барсов пошёл дальше своего учителя: точнее указал те грамматические единицы, которые являются объектами пунктуационного обозначения (слова, члены, периоды); ввёл перечень знаков препинания, отсутствующих у М.В. Ломоносова, – тире (молчанка), кавычки (вносные), параграф (статейный). Таким образом, в его грамматике нашли отражение такие знаки препинания, которые уже употреблялись в XVIII в. В течение этого века завершается формирование графического арсенала русской пунктуации.

Начало XIX в. характеризуется ещё значительным разнообразием в пунктуации. Это обусловлено тем, что она привлекала к себе гораздо меньше внимания, чем орфография.

Правила употребления знаков препинания, основанные в одних случаях на смысловых отношениях между частями простого и сложного предложения, в других – на синтаксическом принципе, находим в учебном пособии Н.И. Греча «Практическая русская грамматика» (1827), в которой пунктуационные правила соответствуют позиции М.В. Ломоносова.

По этому же пути пошёл и А.Х. Востоков. Он связывал пунктуацию со структурой законченного предложения, которое именовал периодом. В качестве характерной особенности периода А.Х. Востоков отмечал паузу и интонацию, с которыми он связывает пунктуацию: знаки препинания служат для обозначения этих пауз.

В 1858 г. появляется книга Ф.И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка». По мнению Ф.И. Буслаева, знаки препинания имеют двоякое значение: «п. 1. Способствуют ясности в изложении, отделяя одно предложение от другого или одну часть от другой; п. 2. Выражают ощущения лица говорящего и его отношения к слушающему».

История русского письма подробно изложена Я.К. Гротом в его капитальном труде «Спорные вопросы правописания от Петра Великого донныне» (1873). В основу пунктуации Я.К. Грот кладёт логические отношения между составными частями предложения. По его утверждению, эти отношения в устной речи выражаются паузами и интонацией, а на письме – знаками препинания. Но так как паузы по продолжительности неодинаковы, то им соответствуют разные знаки препинания. Следовательно, различные знаки препинания должны соответствовать различной длительности, и как следствие этого – возникает необходимость изучать нормы длительности пауз и запомнить знаки препинания, соответствующие тем или иным паузам.

Оригинальное решение вопросов русской пунктуации находим в трудах А.М. Пешковского («Интонация и грамматика», 1959) и Л.В. Щербы («Пунктуация» – Литературная энциклопедия, т. 9. 1935).

Основой пунктуации для А.М. Пешковского является всецело ритмомелодическая сторона речи, он считает, что пунктуация отражает не грамматическое, а «декламационно-психологическое расчленение речи».

Л.В. Щерба также усматривает во «фразовой интонации» основу для расстановки знаков препинания. Однако он углубляет взгляд А.М. Пешковского на пунктуацию и старается определить существо ритмомелодии, которая выражает «членение потока нашей мысли» и «некоторые смысловые оттенки». Вместе с тем

Л.В. Щерба приходит к выводу, что некоторые знаки препинания ставятся на чисто формальном основании и подчас даже вопреки смыслу. Следовательно, соглашаясь с мнением о главенствующей роли интонации в расстановке знаков препинания, Л.В. Щерба признаёт и другие факторы. Значит, пунктуация в общем не отражает какого-либо единого принципа, а носит компромиссный характер.

В 1940 г. были опубликованы «Правила единой орфографии и пунктуации с приложением краткого словаря. Проект...». Вышли же «Правила русской орфографии и пунктуации» в 1956 г., и в пунктуационных нормах последующих лет не произошло каких-либо изменений. Существующие на сегодняшний день нормы полностью соответствуют Правилам русской орфографии и пунктуации 1956 г., а вносимые замечания носят лишь уточняющий и разъясняющий характер.

1.2. ПРИНЦИПЫ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Основное назначение пунктуации – указывать членение речи на части, имеющие значение для выражения мысли на письме. Знаки препинания, таким образом, показывают, как надо при письме и при членении написанного членить речь на составные части, чтобы каждая часть была осмысленной и грамматически определённой.

В пунктуации следует различать две стороны: то, что относится к пишущему, и то, что относится к читающему. Из этого следует, что значения и оттенки, выражаемые знаками препинания, должны быть совершенно одинаковыми для пишущего и читающего. А так как все пишущие выступают и в роли читающих, а все читающие – и в роли пишущих, то значения знаков препинания, их функции должны быть едиными для всех.

Современная русская пунктуация – это сложная и богатая система, которая основывается на трёх принципах: синтаксическом, смысловом и интонационном.

1.2.1. Синтаксический принцип русской пунктуации

Синтаксический подход к объяснению основ пунктуации формулируется в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона профессором С.К. Буличем. Он утверждает, что пунктуация «делает наглядным синтаксический строй речи,

выделяя отдельные предложения и части предложений, вследствие чего облегчается понимание написанного».

Знаки, обусловленные прежде всего строением предложения, его синтаксической структурой, строго обязательны и не могут быть авторскими. Такое качество нашей пунктуации, как способность указывать на синтаксическое членение речи, является основанием для разработки устойчивых правил расстановки знаков препинания.

К разряду синтаксических можно отнести такие знаки, как *точка*, фиксирующая конец предложения; знаки *на стыке* частей сложного предложения (когда имеется в виду их отграничительная роль); знаки, *выделяющие* разнообразные конструкции, вводимые в состав простого предложения, но синтаксически с ним не связанные, то есть не являющиеся его членами (вводные и вставные конструкции, обращения, междометия); знаки при *однородных* членах предложения; знаки, выделяющие *приложения, определения* – причастные обороты и прилагательные с зависимыми словами, стоящие после определяемого слова или оторванные от него другими членами предложения.

В любом тексте можно найти такие обязательные структурно обусловленные знаки. Например: *Деревья растут ночью. Познание это поразило меня, и, уходя от строгой реальности, я стал объяснять странную тайну природы застенчивостью зелёных гигантов, скрывающих увеличение своей красоты, дабы не вызвать чувство превосходства над малоодарёнными чудесной силой соплеменниками.*

Я часто думаю, что деревья – явные свидетели человеческой истории: сколько же они видели людских судеб, бед, радостей, ненависти, счастливых и несчастливых слёз. И не однажды они были свидетелями предательств, заговоров властолюбцев, буйства народных высказываний, революций, попрания правды, злорадного торжества лжи, низкого падения человека, наконец, его величия и его ухода в вечность (Ю. Бондарев).

Все знаки препинания «держат» этот текст, они структурно значимы: делят предложения на отрезки вне зависимости от их конкретного лексического состава; фиксируют синтаксическую однородность; выделяют распространённое определение; отграничивают части бессоюзного предложения; выделяют придаточную часть; отделяют части сложносочинённого предложения; обозначают конец предложения.

Имеющееся в тексте двоеточие – сигнал членения сложного предложения; выбор же знака (двоеточия, тире, запятой, точки с запятой) зависит от смысловых взаимоотношений частей

предложения. Однако эта смысловая, контекстом обусловленная функция вторична, первична же функция структурного разграничения.

Преимущественная роль синтаксических факторов наблюдается в употреблении большинства знаков препинания в середине предложения:

- при однородных членах предложения (знаки препинания ставятся с учётом способов грамматического объединения однородных членов);

- при употреблении тире между подлежащим и сказуемым, выраженным существительным или инфинитивом;

- при употреблении знаков препинания в союзных сложносочинённых и сложноподчинённых предложениях.

Синтаксический принцип способствует выработке общеупотребительных правил расстановки знаков препинания. Знаки, поставленные на таком основании, не могут быть факультативными. Это тот фундамент, на котором строится современная русская пунктуация, это тот необходимый минимум использования знаков, без которого немислимо беспрепятственное общение между пишущим и читающим.

Синтаксические знаки в настоящее время достаточно регламентированы, употребление их устойчиво. Такие знаки членят текст на синтаксически значимые части, помогают установить соотносённость частей текста, указывают на конец изложения одной мысли и начало другой. Они имеются в тексте любой стилиевой принадлежности: в официальном документе, в научной работе, в художественном или публицистическом произведении.

Синтаксическое членение речи в конечном счёте отражает членение логическое, смысловое, так как синтаксически значимые части совпадают с логически значимыми, они служат их выражению, и знаки препинания фиксируют границу этих частей.

1.2.2. Семантический принцип русской пунктуации

Таким образом, **синтаксическая** структура тесно связана со **смысловой** стороной речи, так как назначение любой синтаксической структуры – передать определённую мысль.

Академик Я.К. Грот в справочном пособии «Русское правописание» (с 1885 по 1916 гг. выдержало 22 издания) указывал, что употребление знаков препинания находится в тесной связи с синтаксической структурой предложения и смысловыми отношениями между частями.

Смыслового понимания основ пунктуации придерживались С.И. Абакумов и А.Б. Шапиро.

С.И. Абакумов утверждал: «Основное назначение пунктуации заключается в том, чтобы указывать расчленение речи на части, имеющие значение для выражения мысли при письме», «...знаки препинания могут указывать, какой смысловой оттенок имеет часть высказывания, после которой тот или иной знак стоит» (Абакумов 1951, с. 5).

А.Б. Шапиро писал, что пунктуация служит «для выражения возможных, весьма существенных сторон смысла текста. Основная роль пунктуации – обозначение тех смысловых отношений и оттенков, которые будучи важны для понимания письменного текста, не могут быть выражены лексическими и синтаксическими средствами» (Шапиро 1956, с. 86).

Действительно, знаки препинания помогают пишущему сделать тонкие смысловые выделения, заострить внимание читателя на важных деталях, показать их особую значимость и выразительность. Глубокий смысл передаётся, например, обособленной конструкцией в предложении: *Видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, бывают поэтами* (Н. Гоголь). Известно, что Чичиков и поэзия несовместимы, но роль поэзии столь велика, что даже такие прирождённые антипоэты, как Чичиков, в какие-то особые минуты жизни подпадают под её всесильное влияние. Всё это (необычность и противоестественность явления) передано глубокой по смыслу и своеобразной по интонационному оформлению обособленной конструкцией. Ср. предложение без такого выделения; оно звучит более утвердительно и безапелляционно: *Видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни бывают поэтами.*

Как было отмечено, синтаксическое членение текста, предложения задаётся его смыслом, отражает содержательную значимость речи. Там, где синтаксические отрезки речи совпадают с её смысловым членением, «синтаксические» знаки препинания совпадают со «смысловыми». Но довольно часто смысловое членение речи подчиняет себе структурное, так как конкретный смысл диктует и единственно возможную структуру. Строение предложения как бы программируется заданным смыслом.

Например: *Теперь он пристально рассматривал в бинокль школу под бурой черепицей, с одинокой покосившейся трубой, с самодельной надписью на фанерной вывеске* (Ч. Айтматов). Запятые здесь отделяют каждую предложно-падежную форму и фиксируют однородный ряд, члены которого непосредственно связаны с существительным *школа*.

В других случаях только запятая помогает подчас установить смысловую и грамматическую зависимость слов: *Трое перед фотографией, напряжены* (И. Ильф) – запятая членит предложение на две части, имеется два сказуемых; при отсутствии запятой *перед фотографией* – второстепенный член.

Необычное, неожиданное следствие или результат обозначает многоточие: *Чемпион становится... папой* (из газет).

Смыслоразличительная роль отводится и тире: *Жених был приветлив и очень важен, потом – он был неглуп и зажиточен* (М. Горький) – тире позволяет осмыслить *потом* как *кроме того*, а без тире *потом* имело бы первоначальный смысл *после чего-либо*.

Большую роль в осмыслении текста играет и место знака, делающего предложение на смысловые и, следовательно, структурные части: *Я поглядел на неё сбоку, так что мне стал виден чистый, нежный профиль её головы* (А. Куприн) – в зависимости от места запятой придаточные могут означать либо следствие, либо образ действия.

Отметим то, что с преимущественным вниманием к смысловой стороне ставятся знаки препинания:

– в конце предложения (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие);

– между частями бессоюзного сложного предложения.

Практически равноправное совмещение смысловых и синтаксических оснований прослеживается в употреблении знаков препинания при обособлении второстепенных членов предложения, при вводных словах, междометиях, обращениях. Но даже тогда, когда констатируется ведущая роль смысловых оснований, внимание к синтаксической структуре оформляемых синтаксических конструкций всё равно остаётся.

Например, выбор знака препинания между частями бессоюзного сложного предложения зависит от выражаемых смысловых отношений. Но, прежде чем осуществить этот выбор, пишущий должен убедиться в самой необходимости знака препинания, а для этого он должен пройти этап синтаксического анализа: установить границу между предикативными частями бессоюзного предложения.

Аналогичным образом выбор точки, вопросительного и восклицательного знаков, многоточия в конце предложения зависит от его смыслового содержания, хотя такому выбору тоже предшествует необходимость определить границу частей предложения, а это делается с учётом не только смысловых, но и синтаксических признаков.

Поэтому во взаимодействии семантических и структурных факторов перевес оказывается всё-таки на стороне синтаксических, но не учитывать семантику предложения нельзя, так что важнейшим принципом русской пунктуационной системы является **структурно-семантический**.

1.2.3. Интонационный принцип русской пунктуации

Интонационная трактовка предполагает, что знаки препинания непосредственно отражают ритмомелодические особенности речи, употребляясь, как говорил Л.В. Щерба, «для обозначения ритмики и мелодики фразы» (Щерба 1935, с. 151). Интонационный подход (после ранних высказываний Мелетия Смотрицкого, А.Х. Востокова) осуществлялся и А.М. Пешковским, который считал, что знаки препинания в огромном большинстве случаев отражают «не грамматическое, а декламационно-психологическое расчленение речи» и что почти все знаки препинания, употребляемые в современном русском письме, «читаются» (Пешковский 1956, с. 107).

При таком подходе учитывается живая речь, в основе которой лежит произношение с его многообразными интонациями, часто очень субъективными, ситуационными.

Несомненно, связь интонации и пунктуации существует. Интонация помогает в расстановке знаков препинания, так как с помощью интонации передаются и модальный характер всего высказывания, и те смысловые отношения, которые говорящий / пишущий устанавливает между частями высказывания. Значит, интонация способствует правильному пониманию мыслей и их соотношению.

Пунктуация отчасти отражает и интонацию: точка на месте большого понижения голоса и длительной паузы; вопросительный и восклицательный знаки, интонационное тире, многоточие. При выделении уточняющих членов предложения, отдельных случаев обособления, отделении подлежащего от сказуемого в зависимости от их морфологического выражения наблюдается соответствие между интонацией и пунктуацией.

Выбор знака может зависеть целиком от интонации: *Я крикнул, они побежали; Я крикнул – они побежали; Я крикнул: они побежали* – в первом случае перечислительная интонация, во втором и третьем – интонация обусловленности. Или в предложении: *Он быстро сунулся в какой-то тёмный переулок и исчез – навсегда* (М. Горький) – перед тире голос резко понизился, как

если бы предложение закончилось, и дальше присоединительный член произносится после длительной паузы как нечто неподвижное и вместе с тем закономерное. Вместе с тем интонационный принцип здесь действует как второстепенный, так как интонация задаётся определённым смыслом и передаёт именно его: пауза даёт возможность сделать логическое ударение на впереди стоящем сказуемом и тем самым подчеркнуть его значимость.

К тому же средства ритмомелодики во много раз богаче и многообразнее, нежели средства пунктуации, о чём в статье «Как делать стихи?» писал В.В. Маяковский: «Наша обычная пунктуация с точками с запятыми, второстепенными и восклицательными знаками чересчур бедна и маловыразительна по сравнению с оттенками эмоций, которые сейчас усложнённый человек вкладывает в поэтическое произведение».

Вообще соотношения между знаками препинания, произношением и структурой предложения очень сложные и в некоторых случаях противоречивые.

Например, в одних случаях деепричастный оборот интонационно выделяется, в других – этот же оборот, сливаясь с союзом *и*, интонационно отделяется только с одной стороны: *Тоня, / оглядываясь вокруг, / придвинулась к нему ближе и заговорила; Тоня придвинулась к нему и, / оглядываясь вокруг, заговорила* (Ю Казаков).

В одних случаях пауза и небольшое повышение голоса служат для обособления согласованного определения, в других – указывают на границу между составом подлежащего и составом сказуемого. Ср.: *Неожиданно вылетевшая из кустов, птица почти наткнулась на меня* (обособленное определение с обязательной запятой); *Вылетевшая из кустов птица / почти наткнулась на меня* (отграничение состава подлежащего от состава сказуемого невозможно). В одной ситуации обращение выделяется интонационно, в другой – не выделяется: 1) *Ты, Юра, сходи в библиотеку, а ты, Ира, развесь в классе таблицы*; 2) *Ты, Юра, не волнуйся*.

Можно отметить случаи, когда принципы интонационный и синтаксический (структурный) не совпадают и в итоге интонационный принцип уступает синтаксическому. Все такие случаи объединяются в две группы: 1) знак стоит там, где нет паузы, и 2) пауза есть там, где нет знака. Например:

1) На стыке подчинительных союзов запятая не ставится, если при опущении второй придаточной части нарушается структура первой придаточной: *Хаджи Мурат сказал, что если пошлют на лезгинскую линию и дадут войско, то он ручается, что поднимает весь Дагестан* (Л. Толстой);

2) при распространённости подлежащего и сказуемого ошутима бывает предикативная пауза: *Радость возвращения к своим / наполнила всю душу Серпилина без остатка* (К. Симонов).

Итак, мы рассмотрели три принципа русской пунктуации: синтаксический, смысловой и интонационный. Как видим, существующая в настоящее время пунктуация не отражает какого-либо единого принципа в чистом виде. Однако она системно организована, и можно отметить, что синтаксический принцип сейчас является ведущим, тогда как смысловой и интонационный выступают в качестве хотя и обязательно действующих, но дополнительных.

Структуру, смысл, интонацию – всё это отражает современная пунктуация. Письменная речь получает возможность быть организованной не только достаточно чётко, но и вместе с тем выразительно. Самым большим достижением современной пунктуации является то, что все три принципа действуют в ней не разобщённо, а в единстве.

1.3. СИСТЕМНОСТЬ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ

Системность пунктуации заключается прежде всего во **взаимодействии** синтаксического, смыслового и интонационного принципов пунктуации, единстве их проявления. Первичность семантико-синтаксического и вторичность интонационного принципов обнаруживаются даже и тогда, когда интонация как бы оказывается на первом плане. Ср.: *Саша вернулась со свадьбы – милая, хорошая* (Л. Толстой) и *Саша вернулась со свадьбы милая, хорошая* – наличие / отсутствие паузы отражает заданный смысл и как следствие – разные структурные качества предложения.

Системность пунктуации **обнаруживается** также в двусторонней функциональной значимости: направленность от смысла высказывания – к знакам препинания и от знаков – к смыслу. Использование знаков, рассчитанное на адекватность восприятия текста, оказывается возможным благодаря качественной одинаковости знаков в одинаковых позициях. Разные знаки, попав в одинаковую позицию под её влиянием приобретают новые значения, сохраняя при этом и свои основные функции.

Смена знаков препинания осуществляется на базе функционального сходства. Например, при вытеснении двоеточия знаком тире в бессоюзном сложном предложении тире «берёт на себя» значение двоеточия как знака разъяснения потому, что данное значение присуще и тире, не противоречит его сущности: *Под*

утро отчётливо услышал во сне, как кто-то пытался взломать дверь с лестничной площадки, – остро и жёстко скрежетало железо выворачиваемых замков, трещали доски (Ю. Бондарев) – здесь тире заняло позицию «разъяснительного» знака, но сохранило и свой основной смысл (указание на следственный характер зависимости частей предложения) и тем самым внесло этот следственный оттенок во вторую часть предложения.

Такое восприятие осложнённых значений стало возможным благодаря «узнаваемости» знака, оказавшегося в новой синтаксической ситуации; узнаванию способствовали системные отношения между знаками препинания и между знаками и синтаксической позицией. Возможна ли замена двоеточия на запятую? В данном предложении – нет. Но при необходимости выразить другой смысл – возможна: тогда вместо разъяснительного и следственного характера взаимоотношений частей будут выражены перечислительные отношения.

Системность выявляется и во **взаимоотношении** самих знаков препинания, которые часто образуют пунктуационные ряды. Например, при обозначении синтаксической однородности сопоставимыми оказываются запятая, точка с запятой, различающиеся степенью их возможности выступать в качестве разделителя. Иной ряд знаков выстраивается при необходимости использовать их для выделения: двойные запятые, тире, скобки. Эти знаки имеют разную степень выделительности.

Системность русской пунктуации – качество исторически сложившееся, выработанное практикой употребления знаков препинания. И явилось оно результатом длительного накопления знаками значений, «привязывающих» их к определённым контекстуальным условиям, а повторяемость синтаксической позиции закрепляла употребление знака. Так рождались пунктуационные нормы.

Современная русская пунктуация как система тесно связана с общей культурой письменной речи. Понятие пунктуационной нормы совпадает с понятием языковой нормы, которой свойственны стабильность, общераспространённость, обязательность, традиционность и привычность. В этих качествах можно выявить три признака нормы: функциональный (узус), структурный (соответствие системе) и эстетический (общественное одобрение, привычка).

«Языковая норма с её только относительной устойчивостью всегда слагается в борьбе между традицией языкового вкуса и теми живыми силами, которые направляют естественный ход исторического языкового развития» – эта мысль Г.О. Винокура вполне может быть применима и к нормативности в пунктуации.

1.4. СОСТАВ И ФУНКЦИИ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

Закономерно воспроизводимый в письменной речи знак препинания, соответствующий правилам пунктуации, называется *пунктограммой* (лат. *punctum* – точка и греч. *gramma* – письменный знак, запись).

Сколько знаков препинания использует современное русское письмо? Есть несколько ответов на этот вопрос: десять, двенадцать, шестнадцать... Чем обусловлены расхождения в определении количества пунктуационных знаков?

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956) регламентируется употребление десяти знаков препинания: *точки, точки с запятой, запятой, двоеточия, тире, знака вопросительного, знака восклицательного, многоточия, скобок, кавычек*. В этом своде не выделяются как отдельные знаки препинания *двойные запяты, двойные тире*. Двойные знаки своим назначением функционально противопоставляются одиночным знакам. **Сущность** знака препинания и его статус как самостоятельного пунктуационного средства определяется не начертанием, а выполняемой им **функцией**.

Самостоятельность двух тире как выделительного пунктуационного средства подтверждается, например, и тем, что некоторые синтаксические единицы, которые выделяются скобками, могут быть выделены и при помощи двойных тире: *Мой приход – я это мог заметить – сначала несколько смутил гостей* (И. Тургенев) – более сильный выключающий знак. Конечно, нельзя не признавать, что графическое соответствие двойных запятых и двойных тире одиночным знакам сказывается на их свойствах. Своеобразие этих знаков проявляется и в силе выделения, выражаемой ими, и в возможности поглощения левой или правой их части другими знаками.

В официальном своде изложены правила употребления знаков препинания, которые ставятся в конце и внутри предложения. Но письменный текст членится не только на предложения, но и на **абзацы**, которые обычно состоят из нескольких предложений, объединённых одной микротемой. Начало абзаца пишется с новой строки и с небольшим отступом, который также называют абзацем. Абзац (красная строка) является специфическим графическим приёмом членения текста, и поэтому его относят к знакам препинания.

На письме в тех или иных целях применяются такие знаки: одиночная круглая или косая скобка (для отделения арабской

цифры или буквы, используемых при рубрикации), звёздочка (помета сноски). Эти небуквенные графические знаки функционально сближаются с пунктуационными средствами и иногда включаются в их состав. Однако употребление этих знаков не характеризуется устойчивостью. В последнее время в качестве показателя сноски звездочку стали применять реже.

При определении состава знаков препинания предполагается и их распределение по **классификационным группам**. Деление пунктуационных знаков на группы проводится, естественно, по присущим им признакам.

Функция знака препинания (а она и есть его основной признак) выявляется при одновременном учёте того, в каких целях и по отношению к какой синтаксической единице применяется этот знак. По выполняемой функции могут быть выделены следующие группы знаков препинания:

1. Знаки **конца** предложения – *отделяющие*: служат для разграничения независимых предложений, а также для указания на тип предложения по цели высказывания, на перерыв в речи; отделимыми знаками являются – точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие и абзац.

2. Знаки препинания **внутри** предложения – *отделяющие*: запятая, точка с запятой, тире, двоеточие; *выделяющие*: служат для обозначения границ синтаксической конструкции, которая вводится в предложение для дополнения, пояснения, поэтому они «работают» в парах – запятые, тире, скобки, кавычки.

1.4.1. Знаки препинания в конце предложения и их функции

Письменный текст как продукт речевой деятельности представляет собой последовательность имеющих определённое синтаксическое строение коммуникативных единиц, которые именуются предложениями (высказываниями). Хотя предложения, образующие текст, содержательно объединяются и являются частями сложного смыслового построения, каждое из них обладает собственной синтаксической и семантической структурой. Текст – это всегда упорядоченный поток речи, он формируется из предложений-высказываний, которые производит пишущий. В конце предложения пишущий ставит знак препинания, который графически оформляет предложение и тем самым отмечает границы между смежными предложениями: *В парке пусто. Сумеречно. Старик с граблями сгребает листья в кучи и поджигает их. Ещё свежие, совсем волглые листья горят пахуче, дымно, так*

что гложет запах моря. Только слышно, как стеклянно лопаются волны залива, ложась на валуны. Старик с бородой, он крупен, и грабли его похожи на трезубец – совсем – Нептун (Ю. Куранов).

Обозначая конец предложения, пунктуационный знак одновременно указывает на **вопросительный** или **невопросительный** характер его содержания или на его эмоционально-экспрессивную окрашенность. Эти две функции для знаков конца предложения являются основными: *Говорят, тропики – это рай. Кто говорит? Не слушайте дураков! Тропики – это ад, это слёзы по ночам, вот что такое тропики!* (К. Паустовский).

Хотя знаки препинания не в состоянии давать точные интонационные характеристики конкретному предложению, однако они могут выступать в качестве средства, показывающего, что содержание предложения связано с тем или иным типом интонации: *Тебе мои рассуждения кажутся банальными. – Тебе мои рассуждения кажутся банальными?*

Эмоционально-экспрессивная окрашенность высказывания как выражение особого субъективного отношения говорящего к сообщаемому составляет содержание восклицательности: *И это называется летом?! Хуже, чем в октябре!* (А. Чехов).

Многоточие ставится в конце предложения, оно обладает целым рядом конкретных, разнообразных значений, чаще всего связанных с эмоциональной стороной речи, а отчасти и с содержанием.

Многоточие позволяет, например, передавать недосказанность мысли, её недоговорённость: *– Да, жизнь... – сказал он, помолчав и подбрасывая в огонь новое полено* (В. Короленко). Это достаточно ёмкий знак: при общей своей отделяющей функции, он обладает способностью придавать подчас еле уловимые оттенки значений; это знак содержательно и эмоционально наполненный.

Абзац – это сигнал к своеобразной паузе, организующей чтение. Абзацное членение преследует одну общую цель – выделить значимые части текста:

Человек проходит только один жизненный цикл: детство, юность, первая любовь, жена, дети, старость...

Интересно, что у птиц иначе. Каждую весну всё начинается сначала: выбор подруги, любовь, пение в честь подруги, кладка яиц, птенцы, взрослые птицы... Казалось бы всё – цикл закончен. Но приходит новая весна, и всё идёт снова, как бы опять с молодости.

И, таким образом, много законченных циклов за одну жизнь. Как бы несколько жизней, прожитых с начала до конца (В. Солоухин).

Итак, знаки препинания конца предложения выполняют две основные функции: обозначают законченность предложения и указывают на признаки, которыми предложения различаются. Их значения имеют связь с синтаксическими, смысловыми и интонационными свойствами предложений.

1.4.2. Знаки препинания внутри предложения

По своему общему назначению такие знаки делятся на *отделяющие* и *выделяющие*.

Отделяющие знаки являются одиночными: запятая, точка с запятой, тире, двоеточие. Знаки конца предложения также принадлежат к отделяющим, однако эту функцию они выполняют по отношению к другому объекту – тексту. Названные знаки препинания, стоящие внутри предложения, употребляются для разграничения предикативных частей, входящих в состав некоторых типов сложных предложений, однородных членов, иногда группы подлежащего и группы сказуемого и других смысловых частей предложения:

Клонит колосьями рожь, звенит на сухом ветру головками лён (И. Васильев); *На небе ни облачка, и страшные звёзды ярко шевелят и дрожат в своей бездонной высоте* (А. Куприн); *И снова стало тихо: ни звука ни на пруду, ни в тёмных чащах; зазеленели полосы виноградников на южных склонах; по вечерам пахло цветами и морем* (А. Толстой); *Тёмная, грозная туча ушла уже далеко и унесла с собой грозу* (А. Чехов); *Человек – кузнец своему счастью* (К. Федин).

При пунктуационном **выделении** синтаксической единицы знак препинания одинакового начертания ставится перед её началом и в конце. Выделение представляет собой **двустороннее** отделение, т.е. отделение синтаксической единицы от предшествующей и последующей части предложения. Поэтому выделительный знак – это двойной (парный) знак препинания. Обозначение с помощью такого знака границы синтаксической единицы с одной стороны предполагает обязательное её обозначение и с другой. В качестве выделяющего пунктуационного средства используется запятая и тире как двойные знаки, обладающие свойствами единого выделяющего знака.

В группу выделяющих знаков входят также скобки и кавычки, возможности этих знаков как средств выделения являются довольно широкими: они могут использоваться для выделения единиц разного типа (слов и их частей, группы слов, предложений, групп предложений).

Правилами современной русской пунктуации предусматривается выделение знаками препинания обособленных членов и пояснений, обособленных, поясняющих и сравнительных оборотов, обращений, вводных и вставных конструкций, придаточных частей сложноподчинённых предложений: *В воздухе, уснувшем и укутанном во мглу, стояла тишина; Ветер, когда пошёл дождь, утихает* (А. Чехов); *Над рекой, в камышах, туман курится* (А.Н. Толстой); *Прямой и узкий, как лезвие штыка, лёг через реку железный мост* (А.Н. Толстой); *И соловей – птица кустов и деревьев – пел и щёлкал над морем* (Л. Соболев); *К вам, мои ближайшие сотрудники, обращаю слово; Все трое, по-видимому, скучали* (А. Куприн); *Пантелей Прокопьевич (нажужжал ему в уши Петро) хмуро присматривался к Григорию* (М. Шолохов).

Выделение прямой речи производится кавычками – если она идёт в строку: *Говорит мне Васька Сундуков: «Давайте, ребята, утекать что есть мочи»* (А. Гайдар); если начинается с абзаца, то перед началом её ставится тире: *Бунчук спросил: – Вы на обратном пути можете зайти в штаб?* (М. Шолохов).

Авторские слова, находящиеся внутри предложения, являющегося прямой речью, выделяются составным знаком – двойными запятыми и двойными тире: *– Я тебя будил, – говорит Ещев, посмеиваясь, – а ты ругался на меня* (Г. Семенов).

Пунктуационно выделяемая синтаксическая единица может занимать такую позицию в предложении, при которой левая (правая) или правая (левая) часть относящегося к ней знака будет находиться рядом с отделяющим знаком: 1) *Одно директору не нравилось (да и не только ему) – его приверженность к разговорам о политике* (Ю. Куранов); 2) *Мой учитель, повторяю, – лакей, безличное и безмолвное существо* (М. Горький); 3) *Евгения готова была помочь Анне (как и другим своим сестрам), и Анна ответно была готова сделать то же* (А. Ананьев).

В этих примерах стоят рядом 1) отделяющее тире и закрывающая скобка, 2) выделяющая запятая и отделяющее тире, 3) отделяющая запятая и закрывающая скобка. Однако в подобных пунктуационных ситуациях одна из частей (левая или правая) двойных запятых может отсутствовать, а выполнение её функции принимает на себя отделяющий знак (точка с запятой; двоеточие): *Сырой ветер гнал сильный туман с моря;гнулись высокие сосны, кое-где торчавшие по городу; У Екатерины Васильевны всегда была слабость: гуляя, она любила заглядывать в освещённые окна; Тёмно-красный свет разлился на всё небо; как уголья, пылали края свинцовых туч* (А.Н. Толстой); *Он, видно, очень умный; когда он говорит, его можно заслушаться* (А. Куприн).

Не ставятся рядом и две запятые, они совмещаются в одном знаке: *В закатные вечера Кавказские горы дымились далеко на горизонте, словно вырезанные из лиловой бумаги, и я любил смотреть на оранжевую двуглавую вершину Эльбруса* (Ф. Гладков).

Совмещение в одном пунктуационном знаке функций двух знаков обычно называют **поглощением** знаков препинания. Совмещение в отделяющем знаке и функций выделяющего возможно потому, что выделение – это двустороннее отделение.

Внутреннее пунктуационное членение предложения осуществляется с помощью отделяющих и выделяющих знаков препинания. Последние в процессе функционирования взаимодействуют с первыми и с показателями конца и начала предложения.

Разделительная и выделительная функция, выполняемая знаками препинания, помещаемыми внутри предложения, имеет и сопровождающие её дополнительные характеристики. Пунктограммы – запятая, точка с запятой, тире и двоеточие – ставятся для разделения единиц простого и сложного предложения с учётом характера синтаксических и смысловых отношений между единицами.

Следовательно, употребление знаков препинания, помещаемых внутри предложения, основывается на синтаксических свойствах отделяемых и выделяемых единиц, на характере их отношения к другим компонентам предложения, на их интонационно-смысловых характеристиках. Овладеть современными правилами употребления знаков препинания невозможно без уяснения свойств синтаксической единицы, по отношению к которой применяется тот или иной пунктуационный знак.

1.5. АВТОРСКАЯ ПУНКТУАЦИЯ

Для достижения предельной эффективности письменного текста используются все средства и способы, которыми располагает текст. Пунктуации в этом процессе отводится немаловажная роль, особенно потому, что знаки не только членят текст, но и несут в себе информацию – *смысловую, эмоционально-экспрессивную, модальную, акцентную*. Такая повышенная информативность знаков препинания (конечно, в сочетании со словесными средствами) и даёт основание для отступления от жёстких правил.

Подобное использование знаков препинания и называется авторским – потому, что они всецело зависят от авторской воли, воплощают индивидуальные ощущения их необходимости. Мастера

художественного слова начиная с XVIII в. использовали пунктуацию с целью усиления выразительности текста. Знаки препинания либо способствуют динамичности речевого потока, либо, наоборот, плавности его протекания, стремительной резкости или лиричности звучания, т.е. несут чисто стилистическую функцию, составляя элемент авторского стиля.

Такая авторская пунктуация, рассчитанная на восприятие и понимание читающего, может быть предсказуемой, так как не теряет собственной функциональной значимости, соответствует коммуникативным целям. Её отличие от регламентированной пунктуации заключается в том, что она глубже связана со смыслом, со стилистикой индивидуального текста. Конечно, «индивидуальная» пунктуация правомерна только тогда, когда при всём богатстве и разнообразии оттенков смысла не утрачивается социальная сущность пунктуации, не разрушаются её основы.

Например, в тексте рассказа И.А. Бунина «Косцы» именно знаки препинания являются авторскими сигналами, указывающими на сложность и многослойность повествования. Рассказ начинается предложением: *Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом берёзовом лесу поблизости от неё – и пели.*

Далее не вполне обычная постановка тире встречается в следующих предложениях:

Казалось, что нет да никогда и не было времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой – или благословенной Богом стране.

Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами – и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они и мы с детства.

И ещё в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только её душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох берёзовом лесу.

«Ты прости-прощай, родимая сторона!» – говорил человек – и знал, что всё-таки нет ему подлинной разлуки с ней, с родиной.

Бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далёкие – и невозвратимые.

Отказались от нас наши древние заступники, разлетелись вещи птицы, свернулись самобранные скатерти, поруганы молитвы и заклания, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи – и настал конец, предел Божьему прощению.

Эти дистанционно расположенные в рассказе предложения образуют вполне связный текст, где в сконцентрированном виде

представлено сосредоточенное размышление автора. Эти размышления и выводы складываются параллельно развёртываемой автором картине «физического мира». Они органично входят в ткань повествования и так же органично организуют его «вертикаль».

Дополнительные сильные пунктуационные позиции, зафиксированные нерегламентированными знаками, делают предложения особенно акцентированными, значимыми. А особая значимость, ключевая роль этих предложений требует и особого их оформления.

Углубляясь в анализ этих предложений, мы обнаруживаем, что особое пунктуационное оформление компонентов предложения перераспределяет коммуникативные роли в их составе. Части, выделяемые дополнительными пунктуационными позициями, маркированные нерегламентированными знаками, становятся ремами. Без авторских сигналов (чем являются здесь тире) это обнаружить было бы сложнее.

Только большому Мастеру дана способность вложить столько содержания в каждый, на первый взгляд, простой и незначительный элемент формы.

Несомненно, с индивидуальной манерой пишущего связаны знаки препинания, избираемые в зависимости от конкретных задач высказывания, проявляющие смысловой принцип пунктуации. Такие знаки контекстуально обусловлены, они варьируются при различном осмыслении текста, лексическом наполнении высказывания: *Неслышно, в туфлях, по опавшим листьям, ступала осень в природе* (А. Платонов); *Ночью, против окрепшего ветра, отряд шёл в порт* (А. Платонов); *Она спала одна, в коридоре, возле двери в спальню* (И. Бунин) – в этих предложениях знаки препинания не предусмотрены синтаксически; они выражают дополнительные оттенки смысла, их назначение – усилить восприятие важных деталей повествования.

С экспрессивной точки зрения средством усиления выразительности текста является парцелляция. Пунктуационные знаки, опирающиеся на смысл и интонацию, а не на синтаксическую структуру, отчленяют части целостного высказывания, привлекая к ним особое внимание читателя.

Графически парцелляция может основываться на использовании различных знаков препинания: *Если она лишится солнечного местечка, она сделается такой же, как и муж. Неучаствующей. Бездеятельной и безликой; Я сидел рядом; молчал; Он был отгороженный: отделённый; Он вытащил бумажку с его адресом – это было близко – и... поехал к нему; За свою вину он ждал некой*

кары, может быть, с неба, и потому как бы пытался прикрыть голову – от удара (В. Маканин).

От конкретного знака зависит степень проявления неожиданности. Самый большой эффект неожиданности соответствует многоточию: функция соединения проявляется здесь в наименьшей степени, и само многоточие выражает недоговорённость, оборванность мысли. Затем идут тире, точка, точка с запятой и, наконец, двоеточие, которое в этой функции употребляется редко, так как его основное значение – пояснительно-разъяснительное.

В пунктуационном оформлении высказывания находят своё выражение излюбленные авторские приёмы организации смысла, индивидуальный стиль автора. И в то же время, будучи элементом стиля, пунктуация в подавляющем большинстве случаев вполне закономерна. Она обусловлена системой языка. «Авторская» пунктуация оправданна и действительна в тех рамках, в которых она опирается на потенциальные возможности языковой системы и служит средством адекватной передачи коммуникативного смысла.

В художественной речи наиболее отчётливо проявляется тенденция к расчленению высказывания на основные компоненты, что и фиксируется знаками препинания.

В двусоставных предложениях часто используется тире, когда тема выражена подлежащим, рема – простым сказуемым: *Я – уезжаю! Я не хочу знать тебя* (М. Горький); *Я – иду, а ты – стоишь; Катя с няней – плачут; Клавиша – есть, а ноты – нет* (М. Цветаева); *Как пусты ни были сердца, все знали: эта жизнь – сгорела* (А. Блок).

У А. Битова тире усиливает противопоставленность указанных фактов: *Нравится мне здесь его поджидать. Всё так медленно, а – быстро! И всё время – что-то. А там, у нас, всё быстро, а – ничего.*

В текстах некоторых авторов встречается тире после союзов, наречий, что не только не предусмотрено правилами, но и не оправдывается контекстом: *Он чувствовал, как стынет кровь... Людская пошлость? Иль – погода? Или – сыновья любовь?* (А. Блок); *Теперь – я воск* (А. Блок); *Так – только Елена глядит над кровлями троянскими* (М. Цветаева).

Авторская индивидуальность может проявиться и в усилении знака препинания, характерного для данной синтаксической позиции. Экспрессивные качества текста могут быть повышены путём замены знаков менее сильных более сильными по своей расчленяющей функции. Например, в авторских контекстах при выделении обращения, вводных слов, сравнительного оборота, придаточной части запятых иногда оказывается недостаточно и

их заменяют тире – более сильным по значимости, более высоким и зримым: *Миша Сердюков кричит откуда-то сверху: «Павел – придёшь?»* (М. Горький); *Как дитя – собою радость рада* (М. Горький); *Должно быть – любовь проще и легче, чем я ожидала* (М. Цветаева); *Други его – не тревожьте его! Слуги его – не тревожьте его!* (М. Цветаева); *Анна Ахматова требовала от писателя образованности Томаса Манна и приводила в пример «Волшебную гору», правда, с оговоркой, что рассуждения о времени уступают уровню всей книги – которую она любила* (А. Найман).

В сложноподчинённом предложении коммуникативная нагрузка распределяется между главной и придаточной частями таким образом, что одна из них обозначает тему, а другая ремю. Тире на месте запятой приобретает функцию пограничного знака между темой и ремой, то есть коммуникативную функцию.

Как индивидуально-авторские воспринимаются знаки, передающие ритмику текста, а также его мелодику и темп – убыстрённый или замедленный. Как правило, ритмо-мелодическую организацию стихотворного текста определяет тире, ибо оно обладает наибольшей разделительной силой, которая поддерживается и зрительным эффектом, сопровождающим употребление этого знака:

*Двое – мы тащимся вдоль по базару,
Оба – в звенящем наряде шутов* (А. Блок);
*Мой путь не лежит мимо дому – твоего.
Мой путь не лежит мимо дому – ничего*
(М. Цветаева).

Разделительные возможности тире особенно заметны в текстах авторов, склонных к сжатости речи, в частности у поэтов, скудных на словесные средства выражения. Например, уплотнённый до предела стих М. Цветаевой часто содержит лишь смысловые ориентиры, то есть ключевые слова, которые могут быть угаданы, домыслены. Причём связи между словами нередко оказываются затемнёнными, и тогда на помощь приходит тире, делая паузу значимой:

*Площадка. – И шпалы. – И крайний куст
В руке. – Отпускаю. – Поздно
Держаться. – Шпалы. – От столькох уст
Устала. – Гляжу на звезды.*

Усиление функции расчленения речи обнаруживается при замене двоеточия на тире: *Но вызывать сейчас огонь артиллерии*

было бессмысленно – огонь накрыл бы и наших разведчиков (Ю. Бондарев); Отдельным предметом собирательства были старинные приборы – всяческие астролябии, подзорные трубы и телескопы (Л. Улицкая); Важно одно – они поставили вопрос о поэтическом языке (Ю. Эйхенбаум); Не узнать Москвы – она преображена новыми кварталами, разбежавшимися на запад, на север, на юг (М. Луконин); при замене запятой на точку: Весною развесив облака цветущих яблонь вдоль холмов над озером. Зимой развернув облака заснеженных лиственниц и лип. Осенней порой вздымая широкие тучи листвы. Так стоит посёлок уже многие десятки лет (Ю. Куранов).

В тексте Н. Рериха придаточные части разделяются точками: Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства?

Такая точка кроме своего основного значения имеет ещё и дополнительное – *отделительно-акцентирующее*. Именно это «дополнение» и делает знак препинания стилистически значимым, а синтаксические условия его применения – индивидуально избираемыми.

Индивидуальность в применении знаков препинания может проявиться в полном их отсутствии. Например, у А. Блока есть стихи, не имеющие ни одной точки, единственный знак конца высказывания – многоточие: *Всё помнит о весле вздыхающем Моё блаженное плечо... Под этим взором убегающим Не мог я вспомнить ни о чём... Твои движения несмелые, Неверный поворот руля... И уходящий в ночи белые Неверный призрак корабля...* – на базе вещных образов рождается обобщённый образ – состояние как нечто постоянно движущееся и ускользающее. А многоточие как бы не даёт возможности прерваться этому бесцельному движению. Оно выступает как символ неуловимости, недосказанности, нескончаемости. Хотя чаще всего многоточие – признак имитации разговорной речи: *Я тут... это... характеристику принёс* (В. Шукшин).

В современной речи развитие значений многоточия идёт по пути углубления содержательной значимости этого знака – указание на подтекст, смысловую неоправданность каких-либо сочетаний слов, на ироническое отношение к высказанному, интеллектуальное и эмоциональное напряжение. Ср. газетные заголовки: *Тогда в 41-м...; Туристские тропы... под землей; Разнообразие... по стандарту.*

При помощи многоточия достигается отделение конструкций экспрессивного синтаксиса, эмоциональных предложений: *Вос-*

поминание детства ... слезы счастья ... горечь разлуки ... жальность к больному щенку ... мнительность ... материнская нежность ... мысли о смерти ... печаль ... дружба ... внезапная надежда ... счастливая догадка ... грусть ... беспричинное веселье ... внезапное смятение (Л. Гроссман) – цепочка номинативных предложений, отделяемых многоточием, носит описательный характер, создаётся статическая картина.

Чрезвычайно оригинально использовал многоточие Н. Гоголь – как средство создания «интригующего высказывания». Суть его заключается в том, что, назвав предмет изображения, автор отказывается от его описания. Многоточие, замещающее дополнительную сильную позицию, может служить сигналом мнимого умолчания, так как далее автор развивает тему, от обсуждения которой он якобы отказался, причём описывает названный «предмет» в мельчайших подробностях:

Дамы города N. были... нет, никаким образом не могу: чувствуется точно робость; В дамах города N. больше всего замечательно было то... Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нём; Разговор сей... но пусть лучше сей разговор будет в следующей главе.

Такой приём – одно из средств создания «лукавого письма» Н.В. Гоголя, в котором возникает нечто, противоположное эффекту обманутого ожидания. Читатель получает более подробное изображение, более детализированную картину, чем ему было обещано автором. Это – эффект «неожиданного подарка». Причём автор, дав читателю понять и почувствовать, насколько труден, сложен для него рассказ о некоторых вещах на определённую тему и тем самым побудив читателя размышлять о предмете повествования и об отношении к нему автора, заставляет лишний раз убедиться в необычайной глубине взгляда художника на обычные обыденные вещи.

Итак, пунктуация, обслуживая изменяющийся и развивающийся язык, соответственно изменчива и нестабильна с исторической точки зрения. Изменения в функционировании знаков препинания отражают жизнь языка, в частности его синтаксического строя и стилистической системы, и «авторская пунктуация» свидетельствует о некоторых тенденциях развития пунктуации в целом.

А в заключение рассмотрения пунктуационной системы приведём миниатюру А. Каневского «О пользе знаков препинания»:

Человек потерял запятую, стал бояться сложных предложений, искал фразы попроще. За несложными фразами пришли несложные мысли.

Потом он потерял знак восклицательный и начал говорить тихо, с одной интонацией. Его уже ничто не радовало и не возмущало, он ко всему относился без эмоций.

Затем он потерял знак вопросительный и перестал задавать всякие вопросы, никакие события не вызывали его любопытства, где бы они ни происходили – в космосе, на Земле или даже в собственной квартире.

Ещё через пару лет он потерял двоеточие и перестал объяснять людям свои поступки.

К концу жизни у него остались только кавычки. Он не высказывал ни одной собственной идеи, он всё время кого-нибудь цитировал – так он совсем разучился мыслить и дошёл до точки.

Берегите знаки препинания!

ЛИТЕРАТУРА

Описательные грамматики современного русского языка

Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова. – М., 1960. – Т. II: Синтаксис.

Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1970.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1980. – Т. II: Синтаксис.

Русская грамматика / Под ред. К. Горалека. – Прага, 1979. – Т. II.

Вузовские курсы современного русского языка

Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: В 3 ч. – М., 1981. – Ч. 3: Синтаксис.

Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г. и др. Современный русский язык. – М., 1981.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 1991.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – М., 1973. – Ч. II: Синтаксис.

Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Современный русский язык: Теоретический курс: Синтаксис. Пунктуация. – М., 1997.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989 и др. издания.

Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. – М., 2000 и др. издания.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / Под ред. Е.И. Дибровой. – М., 2011. – Ч. II: Морфология. Синтаксис.

Дополнительная литература

Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. – М., 1954.

Асмус В.Ф. Логика. – М., 1947.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М.; Л., 1935.

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – Киев, 1949.

Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. – М., 1979.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2005.

Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – СПб., 2009.

Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // Из лингвистического наследия. – М., 2000.

Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. – М.; Л., 1957.

Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении. – М., 2008.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Ломоносов М.В. Российская грамматика // Труды по филологии. – М., 1952. – Т. 7.

Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950.

Пешиковский А.И. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. – М., 1976.

Руднев В.П. Словарь культуры XX в. – М., 1997.

Русские писатели о русском языке. – Л., 1954.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: сложное синтаксическое целое. – М., 1991.

Шапиро А.Б. Основы русской пунктуализации. – М., 1955.

Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. – М., 1988.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. – М., 1986.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

I. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	3
1.0. Общая характеристика бессоюзных предложений	3
1.1. Средства связи предикативных частей бессоюзного сложного предложения	8
2.0. Классификация бессоюзных сложных предложений	13
2.1. Бессоюзные сложные предложения открытой структуры	15
2.2. Бессоюзные сложные предложения закрытой структуры	18
2.2.1. Закрытые БСП с дифференцированными отношениями	19
2.2.2. Закрытые БСП с недифференцированными отношениями	23
3.0. Многочленные бессоюзные сложные предложения	31
II. ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАЗЛИЧНЫМИ ВИДАМИ СВЯЗИ	35
III. СИНТАКСИС ТЕКСТА	42
1.0. Текст и его признаки	42
1.1. Текстовые единицы. Сложное синтаксическое целое	45
1.2. Структурная связность сложного синтаксического целого	51
1.3. Абзацное членение текста	54
1.4. Сложное синтаксическое целое и период	57
1.5. Функционально-смысловые типы текста	64
1.5.1. Описание	64
1.5.2. Повествование	66
1.5.3. Рассуждение	68
IV. ЧУЖАЯ РЕЧЬ	74
1.0. Понятие о чужой речи	74
1.1. Прямая речь	77
1.2. Косвенная речь	82
1.3. Несобственно-прямая речь	86
V. ПУНКТУАЦИЯ	94
1.0. Пунктуация	94
1.1. Становление и развитие пунктуационных знаков в истории русского языка	95
1.2. Принципы русской пунктуации	99
1.2.1. Синтаксический принцип русской пунктуации	99
1.2.2. Семантический принцип русской пунктуации	101
1.2.3. Интонационный принцип русской пунктуации	104
1.3. Системность русской пунктуации	106
1.4. Состав и функции знаков препинания	108
1.4.1. Знаки препинания в конце предложения и их функции	109
1.4.2. Знаки препинания внутри предложения	111
1.5. Авторская пунктуация	113
Литература	121

Учебное издание

Фоминых Борис Иванович

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

**Учебное пособие для бакалавриата
Часть II**

Редактор: *Г.Ф. Богачева*

Компьютерная верстка: *Р.Я. Ерусланов*

Подписано в печать 28.02.2013.

Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 7,75. Тираж 100. Заказ № 24.

Информационно-учебный центр

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.

Тел.: (495) 330 88 01. Факс: (495) 330 85 65.

E-mail: inbox@pushkin.edu.ru

www.pushkin.edu.ru